

Полли Эванс

ИСПАНИЯ. ГОРЫ, ХЕРЕС И СИЕСТА

Посвящается моим родителям

Глава 1

Разрыв цепи

Мне пришлось покинуть Гонконг.

В городе творилось что-то невообразимое, и это безумие угнетало меня. Набирал силу уже второй за последние четыре года экономический кризис. Бум приобретательства сошел на нет, цены на фондовой бирже стремительно падали, и маклеры, потерявшие привычный доход, приходили в отчаяние и даже заканчивали жизнь самоубийством, поэтому в городе царили паника и страх. Улицы были заполнены толпами снующих и расталкивающих друг друга локтями людей, пытавшихся укрыться от летнего смога. Они орали в трубки своих мобильных телефонов на кантонском диалекте китайского языка, и эти гортанные звуки напоминали хрипы придушенных индюков. Лидеры партии, отправленные в отставку и покинувшие страну, из-за ее пределов в ужасе смотрели на «звериный оскал капитализма», который сами же и породили.

На рынках гнили фрукты и овощи. Никем не покупаемая рыба билась в воде, налитой в пластиковые раковины для мытья посуды, и, выскакивая из них и падая на раскаленный асфальт, корчилась в предсмертной агонии. Атмосфера была накалена до предела, и трудно было сохранять самообладание. Уличные торговцы разрешали споры, пуская в ход китайские кухонные ножи, которые, являясь в Гонконге излюбленным оружием, уступали только острым локтям, а что касается членов триады, то они, демонстрируя свои татуировки, отрубали мизинцы на руках всех тех, кто их раздражал.

В переулке прямо под окнами моей квартиры соседи, пытаясь поправить состояние дел в это нестабильное время, сжигали на костре оферты в период Праздника блуждающих духов,¹ который проходил летом. Доверие к фондовой бирже было потеряно, и мои соседи обратились к предкам. Облако дыма поднималось вверх мимо моих окон, устремляясь ввысь, к миру духов, унося с собой обуглившиеся обрывки денег и бумаг, а вместе с ними сгорали так и не приобретенные спортивные автомобили, кроссовки фирмы «Найк», бигмаки и даже мобильные телефоны «Нокиа 8310» в комплекте с аккумуляторами. Гонконг — это земное воплощение мира материальных ценностей, и духи предков вряд ли здесь могут чем-то помочь, хотя в прошлом году в них еще верили.

В офисе, где я работала, затерявшемся среди антикварных лавок на Голливуд-роуд, жизнь не особенно отличалась от той, которую можно было наблюдать вокруг. Я была редактором одного из еженедельных изданий. Мы хотели, чтобы на страницах нашего журнала этот город неоновых огней, живущий в ритме нон-стоп, выглядел в глазах читателей не таким агрессивным, каким был на самом деле. Мы пытались быть остроумными, неординарными, отличными от других, мы хотели быть лучше всех. Но это не всегда получалось.

«Что за кусок дерьма! Такое я вижу впервые за десять лет работы!» — однажды выпалил нам издатель, сжимая в руке еще не изданные материалы для нового номера нашего журнала. Он так яростно тряс ими, что мы опасались, как бы он не свернул себе шею. Стекло стеллажа кабинета содрогалось от его воплей. Мы же, редакторы, опутив головы,

¹ Праздник блуждающих духов — первый день седьмой луны. В этот день грешные души умерших отпускают из ада в мир живых на 15 дней. Праздник луны или урожая — 15-я ночь восьмой луны. — *Здесь и далее примеч. пер.*

стояли как провинившиеся дети. Большинство мужчин в нашем коллективе были либо геями, либо слабого здоровья. Точнее, и теми и другими. Они не боялись давать выход своим эмоциям и не стеснялись кокетливо похлопывать себя по попе, надевать обтягивающие футболки, выставляя напоказ свою грудь, визжать и наступать друг другу на ноги, демонстрируя модные ботинки от известных дизайнеров. Я всегда отличалась прямолинейностью, однако не могла позволить себе психоаналитика, поэтому моей мечтой было оказаться в каком-нибудь уединенном месте, под кроной одиноко стоящего дерева, где никто не мог бы поднять на меня голос, а говорил бы только шепотом. Было ясно одно: мне требовалось сменить обстановку.

Отправиться в Испанию — вот что мне было нужно. Я знала эту страну, но с трудом говорила по-испански, и все мои попытки общаться на этом языке вызывали у местных жителей громкий смех. Мне даже посчастливилось жить в Испании некоторое время. Когда была студенткой университета и изучала испанский язык, мне посоветовали уехать на год за границу. Я уже знала, как по-испански заказать пиво, и даже могла назвать то количество, которое хотела выпить. Но когда читала меню, я не всегда все понимала. Испания, как мне казалось, была тем местом, где я могла бы успокоиться и приятно провести время. Там мне было бы комфортно. Как здорово снова туда вернуться, ведь прошло восемь лет со времени моей последней поездки в Испанию, а свежий воздух и солнце благоприятно сказались бы на моем здоровье.

Я даже занялась бы спортом, чтобы восстановить силы, и не просто путешествовала бы по Испании, как это делают все, а села бы на велосипед. Моей целью было проехать тысячу шестьсот километров, преодолев это расстояние за шесть недель. Я начала бы свое путешествие с самой верхней точки на карте — с шикарного морского курорта Сан-Себастьян, затем отправилась бы на восток страны через Пиренеи и оказалась бы в Барселоне, где с важным видом прогуливалась бы по зеленым бульварам среди нарядно одетых прохожих. Затем я направилась бы на юг, в Гранаду, потом на запад через Андалусию в Севилью, перед тем как поехать в Эстремадуру, на дикий запад Испании. Потом я посетила бы исторический центр Толедо и, наконец, закончила бы путешествие в современном и сумасшедшем Мадриде.

Через шесть недель моей велотерапии я бы стала стройной, загорелой и приобрела бы отличную физическую форму. Испания живет в таком сумасшедшем ритме, что если бы я вдруг упала с велосипеда и заплакала, то никто бы этого не заметил. Испанцы прославляют безумцев: сумасбродного Дон Кихота, одержимую королеву Хуану Безумную и эпатажного Сальвадора Дали. Испанцы любят самые разные фестивали: то они бросают друг в друга сырые помидоры с грузовиков, то убегают от бешеных быков, и все это ради забавы. А еще они пьют виски, смешивая его по вкусу с апельсиновым лимонадом «Фанта».

Путешествие по Испании на велосипеде могло бы стать прекрасным приключением без особых проблем. Всем известно, что испанцы любят этот вид спорта и предпочитают ему только футбол. Они смотрят велогонки по телевизору, вступают в фан-клубы любителей велоспорта, финансируют его да и просто катаются на велосипеде по выходным. В конце концов, Испания — это родина Мигеля Индурайна, одного из легендарных велогонщиков в мире спорта. В 1995 году Индурайн стал первым, кто победил пять раз подряд в гонке «Тур де Франс». Раньше испанцы не пользовались мировой известностью в спорте и сходили с ума из-за этого. Средства массовой информации превозносили Индурайна. Испанский народ боготворил его. Летом 1995 года почти шесть миллионов испанцев замерли в креслах у экранов телевизоров и криками поддерживали своего фаворита, высоченного наваррца, который крутил педали в течение трех долгих недель боли и славы. Тысячи испанцев отправились во Францию, чтобы собственными глазами увидеть великого спортсмена. Они с восторгом смотрели на длинные и сильные ноги Большого Мига, жмущего на педали и преодолевающего один подъем за другим. При росте один метр восемьдесят восемь сантиметров он выглядел нелепо большим для велосипедиста. Его фанатки вопили и тянулись к нему, пытаясь коснуться руками своего кумира.

Когда гонка «Тур де Франс» закончилась и зрители смогли спокойно оторваться от телеэкранов, поклонники Большого Мига толпами направились в магазины спорттоваров, чтобы купить новые сверкающие велосипеды и форму из блестящей и яркой лайкры, которая на всех сидела одинаково хорошо, даже на пузатых программистах, а все потому, что эта форма напоминала им о любимом спортсмене. И воскресными утрами они отправлялись кататься на велосипедах.

Я даже и представить себе не могла, что можно так восхищаться спортсменом, как испанцы восторгались Мигелем. Я думаю, на меня юные фанатки так бы не реагировали. Но я очень сильно надеялась на случайную добродушную улыбку в свой адрес, на ободряющие звуки рога болельщиков, на приятную беседу с вновь обретенными друзьями в придорожных барах под присмотром румяного, постоянно улыбающегося бармена, который готов в любой момент подлить еще вина «Риоха», подать тарелочку с оливками, положить еще кусочек пряной копченой колбаски чоризо. Моей подруге Шине приснился восхитительный сон, в котором я танцевала страстный пасодобль с тореадором, и я постоянно думала об этом. В прошлом году у меня редко случались романтические встречи. Был пылкий роман с полицейским из Новой Зеландии, с которым я общалась по Интернету, но через некоторое время он из виртуального любовника превратился в обычного приятеля, с которым я переписывалась по электронной почте, а вот тореадоры, и в этом им нужно отдать должное, отличаются постоянством в отношениях.

Единственное, чего мне не хватало для восстановления сил, так это главного — у меня не было велосипеда. Поэтому я связалась по электронной почте с мистером Чангом, который занимался их производством в Тайбэе. Один из моих друзей в Гонконге не раз пользовался его услугами, и мистер Чанг пообещал мне самый лучший. Было бы еще удобнее, если бы он приехал по работе в Гонконг и лично передал мне в руки мое новое приобретение, подкатив прямо к дверям моего дома — вышло бы дешевле. Я уже представляла себе эксклюзивный дорожный велосипед, собранный из деталей самых лучших мировых производителей: рама, изготовленная вручную, седло итальянской компании «Селе Италия», контактные педали из Германии, переключатель скоростей от японской компании «Симано», самые узкие колеса из Тайваня. Мистер Чанг оснастил бы этот велосипед тройной цепью, чтобы я могла преодолевать самые крутые и опасные подъемы. Этот велосипед был бы таким легким, что я могла бы поднять его одним пальцем, и напоминал бы превосходную скоростную машину. Несколько недель спустя в половине двенадцатого ночи раздался телефонный звонок. Мне сообщили регистрационный номер моего велосипеда и попросили вынести деньги. Мистер Чанг с моим новым приобретением ждал меня в переулке рядом с моим домом.

Он радостно улыбался и кивал мне; его седые редющие волосы были собраны в конский хвост, покачивающийся в такт кивкам. В велосипедной оранжевой майке и в темных очках с большими стеклами он выглядел так, будто проехал на велосипеде всю дорогу из Тайбэя, а не приземлился час назад в аэропорту, как и все остальные пассажиры. Его компаньоны копались с велосипедом позади фургона, прилаживая сначала колеса, а затем раму. Несколько умелых поворотов гаечным ключом — и вот перед нами блестящий велосипед бледно-зеленого цвета. Прямо на улице, под тусклым оранжевым светом уличного фонаря, я передала лично в руки мистеру Чангу толстую пачку денег. Мы кивнули друг другу и еще раз обменялись улыбками, затем пожали руки и разошлись.

Я сообщила о своем решении на работе и стойко выдержала гневные нападки и истерию, которые обрушились на меня. От блаженного отдыха от этих пачек бредовых журналов, в который я мечтала окунуться, меня отделяли три номера нашего еженедельника. Мне было глубоко наплевать на то, что крайний срок завершения работы истек пять часов назад, и на то, что разгневанный типографский работник, понимая, что его ждет трудовая бессонная ночь, готов был просто нас убить. Все мои мысли сводились к тому, как я буду беспечно мчаться на своем велосипеде сквозь оливковые рощи и виноградники. Все, что меня волновало на тот момент, так это то, где я стану заказывать себе пиво и что у меня появится на обед. Больше не предвидится никаких бутербродов, съедаемых в спешке и с

большой жадностью, никакой лапши, доставляемой из ресторана быстрого питания на углу, поглощаемой деревянными одноразовыми палочками, и никакого соевого соуса в упаковках с дозатором в виде нелепой рыбы, которого вечно не хватало. Я уже представляла себе, как через несколько дней с аппетитом и не спеша буду есть большую порцию закуски тапас, не помещающуюся на тарелке, много тушеного кроличьего мяса и пить холодное пиво кружку за кружкой. И все это ожидало меня там, в солнечной и умиротворяющей Испании.

Глава 2

Четыре чоризо и одна тортилья

— А! Вы любите кататься на велосипеде, — пробормотал охранник в аэропорту, увидев шлем, болтающийся на ремешке на моем багаже.

Он проговорил это почти шепотом, тем самым нарушив неписаное правило охранника: человек в униформе и с дубинкой в руках никогда не должен проявлять дружелюбия на своем посту и смотреть в глаза пассажирам. И тут мне все стало понятно. У этого человека, похоже, существовала и другая форма, отличная от той, которую он носил обычно. Каждое воскресное утро он забывал о рабочей униформе цвета зеленых оливок и о черных тяжелых сапогах. Он откладывал в сторону пистолет в портупее, дававший ему силу и власть над другими. Вместо всего этого он надевал на себя облегающую спортивную форму из ярко-желтой лайкры и спокойно выходил на улицу.

Но вскоре меня постигло разочарование, когда я узнала, что энтузиазм испанцев по поводу велоспорта не распространяется на таксистов аэропорта Мадрид-Барахас. Этих ребят заботила исключительно чистота салона их автомобилей. Главное, чтобы на заднее сиденье всегда был накинут полиэтиленовый чехол, а спортивные достижения Индурайна и весь этот велоспорт их абсолютно не волновали.

— Нет, — произнес таксист, укоризненно и враждебно глядя на мой блестящий зеленый велосипед. Он молча укладывал в свою машину практичные чемоданы на колесиках одной богатой пары, и при этом его колючие усы даже не шелохнулись.

— Нет, — ответил другой таксист. — Вот это, — осуждающе добавил он, — не поместится.

— Ни за что, Хозе! — цитатой из «Кармен» ответил третий таксист.

Все мои последующие попытки поймать такси были тщетными. Пытаясь решить проблему, я умоляла, просила и даже пыталась хитрить. Но в очередной раз получив отказ, сорвалась. Выдавая желаемое за действительное, я сквозь зубы злобно повторяла:

— Вчера мой велосипед прекрасно поместился в такси, которое я поймала.

Но ничто не срабатывало. В итоге я вернулась на исходную позицию и встала посреди дороги так, чтобы водителям было сложно меня объехать.

Когда вокруг скопилось достаточно много автомобилей, любезная женщина-полицейский решила мне помочь. Она остановила одну машину с багажником на крыше и попросила водителя забрать меня отсюда. Ей это удалось легко и быстро, без лишних споров. Возможно, она тоже была одной из тех, кто любит носить спортивную форму из лайкры.

Водитель такси оказался полным мужчиной с маленькими колючими усами. Он отрицательно помотал головой.

— Нет, — сказал он, пристально и свирепо глядя на мой велосипед, который уже всем надоел.

— Но у вас же есть багажник на крыше! — напомнила ему я.

Водитель надул щеки и вздохнул так тяжело, что его густые усы недовольно зашевелились и снова замерли.

— Как же я не люблю возить вещи на багажнике! — проворчал он несколько минут спустя, когда велосипед уже был надежно закреплен на крыше автомобиля. — Должен вас предупредить, что, скорее всего, ваш велосипед упадет, — и по привычке пожал плечами.

— Ну, может, рискнем! — позволила себе реплику я.

Мы тронулись в путь, и всю дорогу, двигаясь в потоке машин по направлению к железнодорожному вокзалу Чамартина, прислушивались к предательским скрипам и стукам, доносившимся с верхнего багажника.

С моим велосипедом ничего не случилось, и несколько часов спустя, когда оказалась в Сан-Себастьяне, я спокойно продолжила свой путь. Приближался вечер. Однако еще светило солнце, на улице было довольно тепло, в ветвях деревьев пели птицы, и элегантно одетые прохожие Сан-Себастьяна спокойно и неторопливо прогуливались по улицам, а я надеялась, что скоро последую их примеру.

В Сан-Себастьяне у меня имелись кое-какие дела. Мне нужно было разыскать спортивный магазин, чтобы купить новые шестеренки для велосипеда, которые умудрились сломаться прежде, чем я отправилась в путь, и произошло это из-за того, что я плохо следила за его рабочим состоянием. Мне стыдно признаться, но эта поломка вывела меня из себя и я накричала на велосипед. Чтобы успокоиться, мне даже пришлось съесть изрядное количество тапаса. Для устранения неисправности нужно было время, и я остановилась на несколько дней в гостинице. К сожалению, оказалось, что в это самое время в Сан-Себастьяне проходил ежегодный кинофестиваль, поэтому номера во всех приличных гостиницах были забронированы. Вместо шикарного отеля я остановилась в номере дешевой гостиницы с резиновым матрасом и дырявыми простынями. На стене номера криво висел пожелтевший клочок бумаги, на котором от руки большими буквами (явно тот, кто это написал, редко пользовался шариковой ручкой) было написано: «Соблюдайте тишину после одиннадцати часов вечера. В противном случае будет вызвана полиция». Мне показалось это довольно забавным.

Данная гостиница не была тем местом, где хотелось остановиться надолго и завести новые знакомства. Однако она меня вполне устраивала. Обычно в незнакомом городе все мне кажется странным и таинственным, все проникнуто ожиданием нового и неизведанного. По дороге из аэропорта я всегда еле сдерживаюсь от желания попросить водителя такси ехать быстрее... да, понимаю, что это безрассудство, но ждать не умею. Мне не терпится поскорее выйти на улицу и увидеть все и сразу, перекусив в первом попавшемся летнем кафе. Хотя на самом деле этого делать не следует, ведь здоровье дороже! Мне страшно потеряться на незнакомых улицах, и все потому, что меня переполняют эмоции и не хватает ума взять карту и посмотреть, где я нахожусь. Ну вот наконец-то я в гостинице! От нетерпения я даже прикусила нижнюю губу. И тут же услышала рядом приветливый голос:

— А почему бы нам не пойти в номер, отдохнуть и освежиться, а потом встретиться у стойки администратора, ну, скажем, через час?

Через час? Это же насколько надо испачкаться во время трехчасового перелета в стерильно чистом салоне? Что можно делать в номере целый час? Делать обертывания? Чистку кожи лица и тела? А может, они будут пользоваться специальным устройством для очищения кожи «Пауэр Пил», которое издает мерзкий звук? Все, что я в состоянии сделать, так это бросить свои сумки на кровать, тридцать секунд передохнуть в комфортных условиях, в крайнем случае по-быстрому помыть руки и броситься навстречу неизведанному. Я должна бежать на улицу и идти быстрым шагом до тех пор, пока запас адреналина не иссякнет во мне и я не захочу обрести спокойствия, а потом выпить холодного пива и растянуться на солнце. Сдерживать свои эмоции — это так трудно.

Требуется совсем немного времени, чтобы понять, что Сан-Себастьян — это прекрасное место, привлекающее, как ни странно, своей старомодностью. Особый шарм древним кварталам города придают широкие улицы и балюстрады из кованого железа вдоль береговой линии, а также пешеходные улочки, на которых можно потеряться, как в лабиринте. Несмотря на устарелый стиль, Сан-Себастьян по-прежнему самый шикарный морской курорт Испании. Старейшины этого города отличались мудростью и не спешили

открывать здесь сети игровых автоматов и ресторанов быстрого питания, которые превратили многие другие некогда модные места в «Города Огней», и поэтому пляж сохранился таким, каким он был сто лет назад. Закройте на мгновение глаза, и перед вами легко возникнут образы элегантных дам, бывавших здесь когда-то. Они выходят из кабинок для переодевания в закрытых, уже не модных, купальных костюмах (вспомните Джуди Денч в фильме «Миссис Браун», и вам станет понятно, как это выглядело на самом деле). А теперь откройте глаза. Конечно, сейчас все изменилось. Сегодня это европейский морской курорт, где крупные женские тела еле прикрывают крошечные бикини. Давайте смотреть правде в глаза, ведь испанки никогда не признавали героиновый шик.² Такая жертва потребовала бы от них отречения от чоризо.

Очутившись в старом городском квартале, я немедленно направилась в бар, чтобы заказать себе тапас, которым, как известно, славится Сан-Себастьян. Существует масса различных историй о том, откуда пошло название «тапас». Одни считают, что много-много лет назад один испанский король, обеспокоенный проблемой пьянства среди своих подданных, попытался им помочь, приказав барменам подавать к алкогольным напиткам небольшие порции легких закусок. Другие говорят, что в XVIII веке хозяева трактиров, опасаясь, что в то время, пока они готовят закуски для своих посетителей, а те в свою очередь меняют лошадей, на бокалы с вином могут сесть мухи, стали накрывать бокалы небольшими кусочками хлеба или сыра, а слово «тапа» дословно переводится как «колпак» или «крышка».

Но, если честно, кому сейчас это интересно? Однако тапас стал фирменным блюдом испанской кухни, которое теперь готовят во всем мире — от Калифорнии до Канберры. Но проблема в том, что, если вы едите тапас за пределами Испании, его вкус будет совсем другим. Гастрономические оазисы находятся, к сожалению, в современных кварталах города: это шикарные и дорогие рестораны, совсем не похожие на настоящие таска-бары или тапас-бары. Испанские таска-бары — это элитарные заведения. Здесь царит жесткая конкуренция между фермерами и фьючерсными трейдерами. Последние готовы сражаться за каждый маринованный анчоус. И только тогда, когда бармен приносит тарелку, доверху наполненную их тапасом, они успокаиваются. Испанцы любят сидеть в барах часами. Это уже традиция. Некоторые бары открыты до утра. Но испанцы ненавидят напиваться и поэтому заказывают различные закуски.

Если вы хотите попробовать тапас, то Сан-Себастьян подходит для этого как нельзя лучше. Старая часть города переполнена таска-барами. Там каждый вечер собираются желающие поесть. После семи часов вечера барные стойки уставлены тарелками с тапас (в Стране Басков его называют пинчос) разного вида: маленькие ломтики хлеба с баккалао (соленой треской), с сыром, ветчиной или чоризо, яйцами с майонезом, тартильей — омлетом с картофелем. Выбор этих закусок так огромен, что для непосвященных он может показаться нескончаемым. Тем, кому требуется помощь, рекомендую инструкцию, состоящую из восьми пунктов. Из нее вы узнаете, как следует употреблять разные виды тапас:

1. Гуляйте по городу как можно дольше, чтобы нагулять аппетит, и оденьтесь понаряднее.
2. Выберите самый многолюдный и прокуренный таска-бар. Очень важно, чтобы пол там был грязным. В Испании это считается признаком особой популярности заведения, а не показателем того, что его давно не мыли.
3. Закажите себе какой-нибудь алкогольный напиток и попросите у бармена тарелку.
4. Хорошенько изучите меню.
5. Обратите внимание, что тортілья всегда выглядит аппетитно, но можно еще взять

² Героиновый шик предполагает сильную худобу, впалые щеки, усталые глаза с расширенными зрачками, растрепанные волосы, узкую, рваную и мятую одежду.

крокеты с курицей, ломтик ветчины или толстый кусок колбасы.

6. Свалите на тарелку все четыре закуски.

7. Не ешьте и не пейте слишком быстро. Помните, что вам нужно в течение нескольких часов оставаться свежим и бодрым.

8. Кроме того, когда вы закончите есть, не забудьте бросить использованную бумажную салфетку на пол, согласно этикету данного заведения.

Любой испанец, обладающий чувством собственного достоинства, прежде чем рассчитаться, обращается к бармену несколько раз за добавкой. Однако если вы не очень хорошо говорите по-испански и не знаете, как заказать еще три порции селедки, два маринованных угля и немного потрохов, то, возможно, проще будет сунуть под нос бармену тарелку с остатками вашей трапезы, иначе он принесет вам счет, и тогда вы уже не сможете заказать себе что-нибудь еще и ваша тарелка будет пуста.

Но у Сан-Себастьяна есть и обратная сторона, так как это сердце Страны Басков. Не так просто понять, где точно находится это место. Вам могут простить, что вы считаете Страной Басков район на севере Испании. Но это не так или по крайней мере не совсем так, потому что в Испании находятся всего лишь три из семи провинций Страны Басков: Гипускоа, Бискайя и Алава. Еще три провинции находятся во Франции. А седьмая, Наварра, отделилась и была провозглашена автономной областью после принятия Конституции Испании в 1978 году. Жители Наварры говорят на баскском языке и выглядят так, как и полагается баскам. Хотя, скорее всего, только небольшая часть действительно считает себя басками (а, ну да, испанцами) и предпочитает, чтобы жителей называли просто наваррцами. Все это так запутанно, не правда ли? Конечно, сложно.

Баскские националисты утверждают, что здесь, на шикарном пляже Сан-Себастьяна, в тюрьме, возвышающейся над морем, гвардейцы Франсиско Франко расстреляли 21 780 басков в течение восьми лет после окончания Гражданской войны в Испании. Франко ненавидел басков. Они оказывали ему сопротивление во время Гражданской войны. Он отдал приказ немецкой авиации совершить налет на город Герника. Были сброшены бомбы, и за один день погибло около тысячи семисот человек. На протяжении всей истории баски боролись за поддержание статуса своей автономии, которая регулировалась, по сложившейся традиции, законодательным кодексом — фуэрос. Франко настаивал на создании объединенной Испании, которой должен был бы управлять один человек, то есть он сам. Франко запретил говорить на языке эускера, в котором отражалась самая суть басков, и подвергал гонениям тех, кто игнорировал его приказ.

Сегодня Сан-Себастьян известен своей постоянной конфронтацией между сторонниками ЭТА и полицией. Но самое печальное, что большинство людей ассоциируют Страну Басков с этой организацией. «Страна Басков и свобода» образовалась в 1959 году, когда Франко правил Испанией, оказывая на нее мощное давление. Первоначально она не была воинствующим движением, ее грозным оружием служили граффити. Но тактика организации довольно быстро изменилась. В 1961 году ею было спланировано крушение поезда. В июне 1968 года два члена организации — этаррас — убили полицейского, который остановил их машину для досмотра. Через два месяца эта группа совершила свой первый спланированный террористический акт, направленный против ненавистного им капитана полиции Сан-Себастьяна. Франко умер в 1975 году, и Испания обрела демократию. Но этаррас до сих пор продолжают террор, объясняя это тем, что их страна до настоящего времени не стала автономией, а также теми гонениями, которым они постоянно подвергаются. Согласно данным, ими убито более восьмиста человек.

В мой первый вечер в Сан-Себастьяне, когда я, устроившись за столиком, только собиралась отправить в рот то количество тортильи, какое уместилось на моей вилке, на улице раздался громкий выстрел. Полицейские в шлемах и масках, скрывающие лица во избежание террористических контрмер, начали обстрел участников демонстрации

организации «Страна Басков и свобода».

— *Hostia puta!*³ — крикнула девушка-бармен, всплеснув руками и закрыв ими рот.

Она бросилась к двери, мимо которой проносились испуганные туристы. Ее приятели, завсегдатаи бара, вскочили на ноги, пролив пиво, и стали выглядывать из окон, чтобы лучше рассмотреть происходящее. Мне очень хотелось забиться под крепкий деревянный стол и свернуться там калачиком, устроившись прямо на использованных бумажных салфетках трехнедельной давности и на обветрившемся, заплесневелом куске чоризо. Можете считать меня трусихой, но я как-то не привыкла к стрельбе на улице в понедельник вечером.

Прозвучало еще несколько выстрелов. Всех мелко затрясло, стало тяжело дышать, слышались ругательства. А потом, через несколько секунд, все стихло. С улицы до нас донеслось глупое хихиканье прохожих, продолживших прогулку как ни в чем не бывало. Посетители бара вернулись к своему пиву.

— О, господи! Что это было? Что происходит? Что за шум? — спросила я все еще дрожащим голосом.

— Да ничего особенного! — ответила барменша, быстро придя в себя.

Ничего особенного? На улицах, примыкающих к старому кварталу города, стояли вплотную друг к другу полицейские фургоны с голубыми мигалками, в то время как прибывшее подкрепление в шлемах и с оружием в руках заняло все улицы. Полицейские недоброжелательно разглядывали прохожих. Вот если бы здесь был Арни, всех он уничтожил бы за считанные минуты. Нервы мои были на пределе: можно ли считать нормальным тот факт, что на улице стреляют?

Жителей Сан-Себастьяна, кажется, это не смутило. Когда пальба закончилась, они перестали обращать внимание на то, что на их любимых булыжных мостовых столпились вооруженные, агрессивно настроенные люди, и спокойно продолжили поедать анчоусы и потягивать пиво. Эти люди были не просто невозмутимы, они изо дня в день становились все хладнокровнее и хладнокровнее. После первого дня в Испании я поняла, насколько впечатлительна. Прибежав в номер, я легла на кровать с резиновым матрасом и только тогда почувствовала себя в безопасности.

На следующее утро на улицах не было ни трупов, ни пятен крови, и я решила, что это хороший знак. Тем не менее все могло измениться в одну секунду. Я проснулась рано, энергично вскочила с постели, приняла душ в грязной общей ванной комнате, стараясь не подцепить при этом никаких кожных заболеваний, о которых была наслышана, затем натянула на себя самую обтягивающую и самую яркую форму из лайкры и, не опасаясь ничего, помчалась по дорогам Сан-Себастьяна в поисках спортивного магазина, который мне порекомендовал владелец гостиницы.

Я не очень хорошо умела кататься на велосипеде и боялась упасть, хотя крутила педали в специальной обуви с велошипами и двигалась плавно, не теряя координации. Как можно мчаться на мотороллере «Веспа» с такой пугающей скоростью? Разве можно при этом так неосмотрительно оборачиваться назад, чтобы обнять и поцеловать девушку, сидящую на заднем сиденье? Неужели этот прыщавый подросток с пушком на подбородке достаточно взрослый, чтобы ездить на мопеде? Разве он не должен надевать шлем и отвлекаться на курение во время езды? И... О черт! Он едет прямо на меня! Я резко повернула руль и ушла от столкновения, с риском для жизни выехав на встречную полосу. И тут до меня дошло, что в Испании правостороннее движение.

Я с трудом отыскала спортивный магазин. Умудрилась пересечь двойную сплошную линию, и мне пришлось идти по обочине дороги, цокая своими башмаками. Специальная форма их подошвы очень удобна, чтобы крутить педали, но ходьба в них могла бы стать новым видом спорта. Но в данном случае цель оправдывает средства. Если бы Папе

³ Здесь: Вот гады! (исп.)

Римскому понадобился новый святой, а Деве Марии — новая попутчица, я бы согласилась и на это, лишь бы добраться до спортивного магазина Джави «Джайя» в Сан-Себастьяне. Джави внимательно изучил сломанные шестеренки моего велосипеда, изо всех сил стараясь быть спокойным и не проявлять пренебрежения ко мне. Он только паял, чинил и проверял, и это продолжалось достаточно долго.

— У этих шестеренок ползазубрины, — терпеливо объяснял он. — Они работают так — щелчок... понимаешь? Щелчок... и опять... щелчок. Теперь ты попробуй... Вот так, правильно... Щелчок... Еще раз попробуй... Щелчок...

И при этом ни тени недовольства и негатива по отношению ко мне. Он продолжал:

— Тормоза могли бы работать более эффективно, если бы ты заблокировала маленький рычаг вот здесь. И тогда тормозные колодки служили бы тебе вечно и работали бы лучше. Вот так! Щелчок... Попробуй еще раз... Понимаешь? Щелчок... и снова... щелчок... теперь ты попробуй... щелчок. При его разумном использовании у тебя было бы больше шансов на дороге, но ты это упустила.

Он выдал мне специальный клапан, чтобы я могла накачивать шины с помощью насоса на заправочной станции, вместо того чтобы напрягать мои слабосильные женские руки. Когда ремонт и инструктаж закончились, он выписал мне чек на один евро за клапан.

Джави даже предложил мне пройти тест-драйв по короткому, простому маршруту с подъемом от Сан-Себастьяна до Орио и на запад, к живописной рыбацкой деревушке Гетариа. Он утверждал, что это прекрасный маршрут, который позволит мне проехать по тихим деревенским тропинкам и полюбоваться видами на океан. Как оказалось, эта дорога была первым отрезком велогонки «Классика Сан-Себастьян», одного из самых престижных ежегодных однодневных соревнований. Именно на этом участке трассы дебютировал известный спортсмен из Техаса Лэнс Армстронг, который завоевал золотую медаль в 1992 году. В тот день хлестал ливень, перешедший в мокрый снег. Пройдя половину трассы, Армстронг совсем обессилил, а толпа испанцев насмеялась над ним, когда он пересек финишную черту.

Рассматривая на карте маршрут соревнования «Классика Сан-Себастьян», я решила, что единственный подъем, который я должна буду преодолеть, сравним с ничтожно маленьким прыщиком на теле человека.

Какой-то старик, проезжавший мимо в фургоне, кричал, открыв окно и с удовольствием стуча по дверце фургона:

— *Animo! Animo!* Давай!

Время от времени он отвратительно ржал, я же не разделяла его радости и продолжала крутить педали, недовольно ворча. Мне было тяжело дышать. От напряжения лицо покраснело. Я слезла с велосипеда и пошла пешком. Это занятие явилось для меня более трудным, чем я себе представляла раньше. Мой отполированный, ультралегкий дорожный велосипед, оказалось, не мог без моего участия преодолевать подъемы, как я считала прежде. Я полагала, что мои ноги не будут так сильно напрягаться во время езды, на самом деле все было с точностью до наоборот.

Так и не добравшись до милой маленькой деревушки на морском побережье, в Орио я развернулась и поехала обратно. Профессионал преодолевает дистанцию, равную двумстам двадцати семи километрам, не более чем за пять часов. Я проделала всего лишь десятую часть этого пути, однако потратила на это столько времени, сколько тратят на неспешный обед на вершине холма с видом на океан. Мне требовалось передохнуть, потому что я устала, у меня гудели ноги, в груди хрипело, а голова была раскалена так, что я нуждалась в кружке пива где-нибудь на пляже. Путешествие пришлось отложить до завтрашнего дня.

Глава 3 И это, по-вашему, гора?

Когда я разрабатывала свой маршрут, разложив карты по всему полу моей крошечной

квартиры в Гонконге, расстояние, равное девяноста одному километру, не показалось мне слишком длинным, хотя с бокалом вина в руке все представлялось легким и простым. Возможно, вино здесь было ни при чем, вероятно, все заключалось в моем чрезмерном возбуждении, которое охватило меня в предвкушении поездки. Планируя свой маршрут, я не предусмотрела одной важной вещи: я забыла, что Пиренеи — это все-таки горы. Я не подумала о том, что преодолеть дистанцию через Пиренеи гораздо практичнее на такси, чем на велосипеде. К тому же это несравнимо с подобным маршрутом относительно равнинной Голландии. Стоит напомнить, что профессиональные велогонщики в день преодолевают на протяжении гонки «Тур де Франс» по горам расстояние, равное двумстам с лишним километрам, я же не являюсь таковым спортсменом и не стремлюсь к этому. К тому же в первый день нельзя судить себя слишком строго.

Может быть, с другой стороны, мои нелучшие результаты были связаны с тем, что я переела. Сидя на пляже отеля «Ля Конча» в Сан-Себастьяне в лучах низкого утреннего солнца, я наблюдала за тем, как работают тяжелые мусороуборочные машины, похожие на танки, которые очищали темно-желтый песок, с аппетитом уплетала шоколадные пирожные, запивая их крепким сладким кофе, и вспоминала мудрые слова своей подруги, спортсменки Лоры. «Ни при каких обстоятельствах, — назидательно предупреждала она, — не ешь сладкого».

Сладкое повышает уровень глюкозы в крови. Это придает энергии всего лишь на один короткий миг, после чего силы быстро иссякают. Выносливость была отличительной чертой Лоры. Она из тех безумцев, для которых нет ничего увлекательнее постоянных путешествий по джунглям, кишасим змеями, и по безлюдным горам, и никакие лекарства не помогли бы ей избавиться от этой зависимости. Однажды она случайно приняла участие в соревнованиях по триатлону под названием «Железный человек». («Железный человек» включает в себя плавание почти на четыре километра, велогонку на сто восемьдесят километров и марафонский забег.) Это, конечно, не тот вид спорта, которым я хотела бы заниматься добровольно, если это только не случилось бы само собой, но жизнь преподносит нам столько сюрпризов. В глубине души я была очень рада, что вспомнила слова Лоры, хотя почувствовала себя виноватой, уже почти закончив завтракать. Без сомнения, к этому времени сладкое сделало свое дело, так как съедено было очень много, но я ведь получила огромное удовольствие. Тогда я села на велосипед и отправилась в путь.

Только теперь я поняла, ехать на велосипеде с нагруженными сумками, подвешенными к багажнику, несравнимо с путешествием налегке — одним комплектом для ремонта и мобильным телефоном. Однако, собираясь в дорогу, я упаковала только самое необходимое. Кроме моих двух компактных комплектов из лайкры я могла позволить себе лишь один повседневный наряд. Тем не менее я все-таки взяла с собой массу причиндалов. Плюс к этому в дороге мне было просто необходимо средство «Трэвел уош». Благодаря ему я могла бы путешествовать шесть недель подряд, не меняя одежду, мне было бы достаточно прополоскать ее в раковине, ну а в крайнем случае и этого не делать. Мне также показалось разумным взять с собой мой любимый очищающий крем «Ив Лом» и одежду из муслина. Еще в дороге я не могла обойтись без тонизирующего лосьона «Аведа», без маленького флакончика лака для ногтей и без тюбика крема для удаления кутикулы на тот случай, если она действительно загрубеет, а чтобы успокоить нервы, я собиралась красить ногти на ногах.

Пытаясь избавиться от лишних вещей, собранных в дорогу, я не стала брать с собой сумку-штаны на багажник, которой принято экипировать велосипед. Вместо этого я прикрепила на раму одну велосумку и еще одну подвесила спереди, на руль. Набитая до отказа сумка разбухла и потеряла форму. Из-за ее тяжести мне было сложно сохранять равновесие во время езды. Но постепенно я привыкла, хотя все равно ехать так было опасно, поэтому неплохо было бы установить стабилизаторы. Меня мотало из стороны в сторону, и мне с трудом удавалось продвигаться вперед. Путь до Эрнани, находящегося в десяти километрах южнее Сан-Себастьяна, занимает всего час езды, но с моей скоростью, как я подсчитала, эта дорога заняла бы десять, прежде чем я устроилась бы на ночлег. Я совсем

выбилась из сил.

Эрнани может показаться провинциальным и неинтересным городком, известным только благодаря производимому здесь сидру. Но тут находится одна мельница, знаменитая своим героическим прошлым. Ее владелец, Хуан Мануэль Ларбуру, был связным во время проведения военной операции «Комета», организованной участниками движения Сопротивления во время Второй мировой войны. Они тайно переправляли военных летчиков союзных войск, самолеты которых попадали под обстрел в Северной Европе, через оккупированную Францию, через Пиренеи в Бильбао. Его мельница служила надежным убежищем для летчиков, они чувствовали себя там в безопасности, могли передохнуть и заправить топливом самолеты перед следующим опасным перелетом.

На франко-испанской границе имелся всего лишь один участок, где можно было осуществить переправу. Он был совсем крошечным и находился на западе Страны Басков, на территории оккупированной Франции, где не господствовал режим Виши. Во времена Франко баски подвергались суровым гонениям, под запретом оказался их язык, а сам народ потерял надежду на возможность самоуправления. Война в Европе явилась толчком для усиления их борьбы против диктатуры. Многие из басков проявили бесстрашие и мужество, не только принимая участие в движении Сопротивления, но и оказываясь в самой Испании, что было очень рискованно. Несмотря на то что страна собиралась сохранять нейтралитет, на самом деле Франко был союзником Гитлера (однажды эти два человека встретились, после чего Гитлер так прокомментировал это в разговоре с Муссолини: «Лучше вырвать три или четыре зуба, чем снова столкнуться с этим человеком»).

Летчики через Францию на поезде переправлялись до Сан-Жан-де-Луза, находящегося на французской границе, а дальше их сопровождали баскские крестьяне и контрабандисты, которые знали каждый камень и каждую травинку по берегам устьев рек и на затерянных тропах в горах, ведущих в Испанию. Прибыв в Бильбао, они добивались то ли до Гибралтара, то ли до Лиссабона и оттуда возвращались обратно в Англию.

Ларбуру, мельнику из Эрнани, занимавшемуся производством сидра, повезло меньше, чем летчикам, которым он помог. В марте 1944 года он попал в гестапо, и больше его никто не видел.

Я не стала останавливаться на отдых в Эрнани и не попробовала сидра, как до меня это делали мои соотечественники. Благодаря этому смогла значительно продвинуться вперед и сэкономила время. Когда на моем пути показалась следующая деревенька, я все-таки решила передохнуть и сделать остановку. К счастью, меня не покусала ни одна свирепо лающая собака, ведь испанцы, живущие в деревнях, заводят четвероногих друзей, чтобы не запирать двери. Остались позади городские окраины, где воздух заражен выхлопными газами грузовых автомобилей и дымовыми выбросами из фабричных труб. Теперь я двигалась по тихим тропинкам в тени лиственных деревьев. Это успокоило меня. Через несколько часов я даже поверила в свои силы. А потом возникло новое препятствие — гора.

Сейчас, глядя на карту, начинаешь понимать, что это всего лишь небольшой холм высотой шестьсот девяносто пять метров. Это место называется Пуэрто-де-Узатегута, что само по себе дерзко, потому что в переводе с испанского слово *puerto* означает «перевал в горах». Давайте смотреть правде в глаза, во время велогонки «Тур де Франс» спортсмены преодолевают шесть или семь горных перевалов, хотя они вряд ли их считают. Я и предположить не могла, что доберусь до этого холма до того, как найду его на карте, и до того, как решила, что слово *puerto* означает «усилие и труд», а остроконечные непонятные значки на карте, напоминающие шевроны, это крутые, высокие склоны.

Я начала подъем, казавшийся мне бесконечным. Я двигалась то вверх, то по кругу, потом опять вверх и по кругу. Время тянулось очень медленно. Минуты казались часами, а вершины по-прежнему не было видно. Вверх и снова по кругу, вверх и опять по кругу. Господи! Такое ощущение, что мой багаж весит не меньше тонны! Что же я могла туда

положить? Может быть, все-таки можно без чего-нибудь обойтись и выбросить лишнее в пропасть, чтобы облегчить мою ношу? Но это может сильно напугать овец, пасущихся внизу, — не лучший выход из ситуации. Я продолжала подниматься, испытывая сильную боль в ногах. Чем выше забиралась, тем меньше у меня оставалось надежды. Это невыносимо, думала я. Когда же этот подъем кончится? Где, скажите на милость, вершина? Когда я увижу снег?

Ох! Конечно, мне не хватает тренированности, сил и выносливости Индурайна. Несмотря на боль, он продолжал терпеливо крутить педали и подниматься все выше и выше. Но мои ноги не были такими, как у Мига. Там, где я пыхла и стонала, Мигель не проявлял никаких эмоций и лишь наблюдал, насколько напряжены вены и мышцы его соперников, чтобы не пропустить тот момент, когда нужно сделать решающий рывок.

Рывок! Боже, я стараюсь изо всех сил, чтобы просто не упасть с велосипеда. Как он это делал? Тренер считал, что его козырная карта — это рост. «Весь секрет в том, что Мигель высокий, — говорил он. — Его ноги обладают большей силой, и в этом его преимущество перед другими велогонщиками». Но существует и другое мнение. Говорили, что его успех напрямую зависел от его темперамента. Он стойкий, спокойный, хладнокровный, так полагали испанцы. Французы находили его просто скучным. Некоторые из соперников Индурайна объясняли его первенство на пьедестале почета потусторонними силами. «Он инопланетянин», — сказал бывший чемпион мира Гиано Багно после велогонки «Тур де Франс» в 1992 году. Другой чемпион мира, а впоследствии, три года спустя, и победитель этой гонки Лэнс Армстронг назвал Индурайна сверхчеловеком.

Я забиралась все выше и выше. Я уже не получала удовольствия от езды. Силы мои иссякли. Я ненавидела велосипед. Это было настолько омерзительно, что я не испытывала ничего, кроме отвращения. Вскоре мои дела стали совсем плохи, и даже мысли о ногах Индурайна уже не воодушевляли меня. Почему никто не предупредил меня, что езда на велосипеде — это такое мучение? Скажите на милость, что заставило меня оставить уютный офис в Гонконге, мое мягкое, удобное рабочее кресло, ведь кроме этого я еще и получала деньги в конце месяца на банковский счет? За какие грехи мне все это? Должно быть, я просто сошла с ума. Я работала, сидя в уютном кресле (его можно было поднимать и опускать, если повернуть ручку под сиденьем, вспомнила я), а еще можно было бесплатно пользоваться кофе-машиной, и время ее пользования было неограниченно, плюс к этому имелись бойлеры с водой. Господи! Как же болит попа!

Начался дождь. Я остановилась и надела дождевик. Потом дождь стал стихать, затем мне стало жарко. Я съела персик, чтобы подкрепиться. Под тяжестью вещей, лежавших в моей корзинке, он окончательно помялся. Я проехала всего лишь тридцать километров, а в ногах была такая тяжесть, что я с трудом крутила педали. Велосипед вздыхал и стонал подо мной. Вещи только мешали мне. Время от времени я вспоминала, что надо продержаться еще шесть недель, и это было ужасно.

Я пыталась приободриться, отгоняя от себя эти мысли, и сказала себе: «Постарайся найти десять приятных моментов твоего путешествия». Я начала мучительно их искать, словно ищейка, которая идет по следу. Итак, во-первых, я не стала добычей голодной собаки, во-вторых, у меня остался еще один персик, правда, он мятый и вкус у него уже забродивший, а еще у меня есть кое-что из еды, которую я купила в ресторане «Джорданс брекфаст». Но на этом мой список резко обрывался, и больше ничего приятного я не могла вспомнить. Веселое расположение духа, в котором я находилась еще утром, улетучилось. Виной тому был всего лишь невысокий холм.

Снова закапал дождь. Я опять нацепила на себя дождевик. Надавливая на педали, я продолжала двигаться вверх, а затем по кругу. По всему телу бежали мурашки. «Обижаться-то не на кого», — повторяла я дрожащим голосом, всеми силами пытаюсь сдержать слезы, жалея себя. Мне представлялось, что мое путешествие будет одним большим удовольствием. Но в первое же утро дела мои пошли так плохо, что я чуть не плакала.

Когда в конце концов добралась до вершины, мои ноги меня не слушались, и я только с третьей попытки смогла их отодрать от педалей. Существовало два варианта. Первый: вернуться, спустившись вниз, но тогда все поймут, что я сдалась. И второй: доплестись до ресторана напротив и перекусить. Это был не самый лучший обед за время моего путешествия, хотя ничего особенно плохого в нем я тогда не заметила. Если бы не туча, нависшая над ним, он смотрелся бы очень даже неплохо. Я чувствовала себя опустошенной. Меня начали одолевать страхи, и стала пропадать уверенность. Я была убеждена, что произошедшее не оправдало моих ожиданий.

Ох! Как бы я хотела сейчас переместиться лет на двести назад! И тогда я могла бы отправиться на воды и, лежа на спине и глядя в потолок, время от времени потягивать маленькими глотками сероводородную воду. К ее запаху быстро привыкаешь. Мне всегда хотелось быть дамой из другого века, когда женщины носили корсеты и падали в обморок при малейшем волнении. Чтобы привести их в чувство, к лицу подносили нюхательную соль, и, сославшись на головную боль, женщины удалялись в свою спальню, при этом им прощались все обиды и прегрешения. Но когда это было? Я-то ребенок постфеминистского периода. Я вынуждена рассчитывать только на мужа, хорошо оплачиваемую работу и свой здравый смысл. Но всего этого у меня не было, и я очень надеялась на то, что путешествие хоть как-то скрасит мое положение. Какая же я наивная! Эти мысли окончательно выбили меня из колеи, а я еще не преодолела и половины пути первого дня моего путешествия.

— Может быть, десерт? У нас очень вкусные пудинги фланы, их невозможно отличить от домашних, — еле слышно проговорила официантка, подмигнув мне, очевидно по привычке.

Это могло бы скорее подействовать на скучающего дальнбойщика, чем на женщину на грани истерии, путешествующую на велосипеде.

— Ах, нет-нет! Не стоит, я спешу! — засопровтивлялась я.

Официантка внимательно взглянула на меня. Я, наверное, смотрелась странно в несвежей спортивной форме, к тому же не заказала вина к обеду и отказалась от их вкуснейшего, сладкого, домашнего флана. Конечно, она подозревает, почему я такая бледная и тощая. Наверное, она считает, что в меня следует влить по крайней мере несколько литров оливкового масла, чтобы я поправилась.

За соседним столиком расположились два водителя-дальнбойщика, удобно откинувшись на спинки стульев и вытянув ноги. Время от времени они подливали в бокалы красное вино.

— Сегодня не самый удачный день для катания на велосипеде, — проговорил один из них, тот, который был покрупнее и потолще, при этом он глубоко затянулся сигаретой «Дукадос».

Я и сама об этом знаю, сеньор. Нечего мне указывать!

Проезжая по сельской местности Наварры, я прибавила скорость. Мой путь пролегал среди милых деревень с каменными постройками, среди яблоневых садов и великолепных пышнозеленых селений, слегка промокших после дождя. Но у этих деревень темное прошлое: в начале XVII века здесь все повально заразились черной магией. Согласно преданию, в 1608 году в деревне Сугаррамурди, в нескольких километрах от той дороги, по которой я сейчас двигалась, молодая девушка по имени Мария де Химилдеги, участвовавшая в шабаше ведьм, написала донос на другую местную девушку, двадцатидвухлетнюю Марию де Журетегия. Но та все отрицала, однако улики, предоставленные де Химилдеги, были столь неопровержимыми, что ее доносу поверили. Де Журетегия поняла, что единственное средство спастись от казни (в то время принято было сжигать ведьм на костре) — во всем признаться, вымолить прощение и по очереди написать доносы на других знакомых ей ведьм. Она сообщила властям, что к черной магии обратилась благодаря своей тете, пятидесятидвухлетней Марии Чипии Барренечеи. Признания посыпались одно за другим, и это продолжалось до тех пор, пока десять ведьм из этой далекой деревни не покаялись в том,

что они в течение долгих лет накладывали страшные заклятия и обманывали людей, убивали детей и пили их кровь. На следующий год в городе появилась инквизиция. Тогда арестовали четырех женщин, которые якобы были ведьмами. Де Журетегиа рассказала инквизиторам, что тетя заставляла ее пасти стадо жаб и уменьшала ее до таких крошечных размеров, что она могла проходить сквозь щели в стене. А другие доносили на тех ведьм, которые устраивали оргии, во время которых придавались плотским утехам с дьяволом и друг с другом, а также наряду с этим убивали детей и поедали их тела. В 1610 году во время церемонии аутодафе в Логроньо был рассмотрен донос на двадцать ведьм. Девять из них признались в содеянном. Другие одиннадцать были сожжены на костре. В марте того же года инквизиции было предано сто пятьдесят восемь ведьм из трехсот девяноста жителей крошечной деревни Сугаррамурди. Остальные сто двадцать четыре подпали под подозрение. Всего же в Наварре нашлась одна тысяча пятьсот девяносто ведьм, а одна тысяча триста подпала под подозрение.

Но это все далекое прошлое. Сейчас мне было не до них. Теперь главное было двигаться вперед, несмотря на дождь. Я пыталась не плакать и не сдаваться. Но у меня совершенно не оставалось времени любоваться пейзажами. Единственное, что у меня сохранилось от моего пребывания в Наварре, — это один моментальный снимок, случайно сделанный мною, где были запечатлены наваррские деревушки и где четыре века назад были преданы суду и сожжены на костре ведьмы. На этой фотографии можно увидеть узкую деревенскую улицу, вымощенную булыжником, по обе стороны которой стоят каменные дома. Рядом с домами повсюду пасутся коровы, лошади, козы. Когда они передвигаются, мягкий, гармоничный звон их колокольчиков нежным эхом отдается в горах. В течение нескольких следующих дней моего путешествия я делала остановки, чтобы полюбоваться пейзажами и сделать одну или две фотографии. Как ни странно, мне стали покоряться подъемы и горные ущелья, однако я делала это медленно и осторожно, хотя не без удовольствия. Сверху мне открывались красивые виды и опасные спуски. Но самый первый день моего путешествия не принес мне никакого удовольствия. Я думала только о том, чтобы не расплакаться. Мне было не по себе, силы мои были на исходе, и я боялась, что никогда не смогу добраться до пункта назначения.

В конце концов, через восемь часов после того, как отправилась в путь, я добралась до деревни Сига. Это место показалось мне самым прекрасным на земле. Но сюда не следует стремиться, если до этого вы побывали везде, где только можно побывать, или если одна лишь картошка на обед кажется вам слишком простым угощением. А вот тем, у кого шалют нервы, тихое и сдержанное позвякивание колокольчиков пасущихся коров пойдет на пользу.

Горы здесь были повсюду. Они затмевали все вокруг, и интересные по своей архитектуре сооружения терялись среди них. В деревнях Наварры даже новые дома были построены согласно сложившейся традиции: трех- или четырехэтажные здания со ставнями на окнах и балконами на верхних этажах, пестрящими розовыми и красными цветами. Жители деревни Сига, которых насчитывалось не более сорока человек, по-видимому, беспокоились лишь о ее внешнем виде, и цветы на балконах — это все, что их волновало. Никто из них и не подумал о том, чтобы убрать с дороги кошку, лежащую посреди улицы со вспоротым брюхом. Ее внешний вид говорил о том, что она пролежала здесь уже несколько дней. На первых этажах в домах Сиги были крошечные окна, каменный пол и огромные деревянные двери. Раньше здесь по традиции содержали домашних животных. Их навоз использовался в качестве топлива для обогрева домов. Мне показалось, что и сегодня во многих домах этой деревни жители продолжают это делать, поскольку отовсюду слышались мычание и блеяние. С другой стороны, здесь люди беспокоились больше о своих домашних животных, чем о собственных детях, и даже за обедом уход за питомцами становился предметом их разговоров.

Хотя дом, в котором я остановилась, не был похож на место, где содержат крупный рогатый скот, а скорее напоминал частную гостиницу для туристов с внушительным кошельком и для томимых жаждой сельских жителей в беретах. У испанцев очень важную

роль играют головные уборы, особенно старинные. Это пристрастие своими корнями уходит в далекое прошлое. В XVIII веке Карл III приказал заменить шляпы с широкими полями на французские треуголки, что вызвало решительный отпор и нежелание их носить. В результате король был вынужден спасаться бегством и покинуть Мадрид, а министру, который составил данный указ, пришлось уехать из страны.

Сам по себе берет вошел в моду в 30-е годы XIX века, во время Первой карлистской войны. Самым храбрым из карлистских генералов оказался местный житель деревни Томас Сумалакарреги. У него были своеобразной формы нос и волевой подбородок, как у всех басков. Он стал национальным героем XIX века. Его головной убор — красный берет с кисточкой — был последним писком моды. Здесь чтят традиции, и местные жители до сих пор носят свои береты с гордостью, в отличие от велосипедного шлема, который, как мне кажется, вряд ли настолько же моден. Мой наряд тоже не отличался законченностью стиля, когда я, стащив истерзанное тело с велосипеда, спотыкаясь и кляня судьбу, вошла в деревенский дом, который принадлежал семье охотника, называемый в Испании *casas rurales*. Такой дом со съемными комнатами для туристов чем-то напоминает принятую в гостиницах Британии систему услуг, по которой проживающие платят за номер на ночь и за завтрак.

Итак, я обогнула раздавленную кошку и, спотыкаясь, подошла к тяжелым дверям дома, во дворе которого его хозяйка по имени Мерше сплетничала со своей соседкой, не упуская ни одной пикантной подробности. Я обещала приехать сюда примерно между двумя и четырьмя часами дня, но сейчас было уже половина шестого.

— Простите, я опоздала, — начала я.

Мерше удивленно посмотрела на меня. Опоздала? Конечно, Мерше было непонятно, о чем говорит эта странная, расстроенная, помешанная на времени девушка, прибывшая с севера Америки и сообщившая о своем приезде за неделю до этого. И что в этом необычного? Она ведь приехала, как и обещала.

— Я надеялась быть вовремя, но немного задержалась, — объяснила я. — Дорога была убийственной!

— Правда? Откуда вы?

— О! Я приехала из Сан-Себастьяна, — с гордостью произнесла я.

— А! Понятно, — проговорила Мерше, прищурившись.

Было видно, что мои слова не произвели на нее никакого впечатления. В ее взгляде я прочитала: «Это только начало. Дальше хуже будет».

Мерше провела меня по первому этажу с земляным полом. А потом мы стали подниматься по деревянной лестнице, ступени которой были отполированы временем. Прихрамывая, я следовала за Мерше. Моя комната оказалась на последнем этаже. Она была отделана деревом, на окнах красовались ставни нежно-зеленого цвета, а меблировка состояла только из двуспальной кровати с деревянным резным каркасом и огромного мягкого дивана. Смежная со спальней ванная выглядела как новая. За окном виднелась деревенская церковь XVI века со сверкающими, отлитыми из бронзы колоколами, а вдали — идиллическая картина деревни на зеленых волнистых холмах. Казалось, уже наступил конец сентября: в этой части Испании летом обычно идут проливные дожди, которые насыщают траву сочным изумрудным цветом.

Эти холмы помнят войска Веллингтона, которые, перейдя границу, атаковали армию Наполеона во время войны на Пиренейском полуострове и отбросили ее назад во Францию. Интересно, что в те времена военные, несущие дипломатическую службу, брали с собой жен. В случае их гибели вдовы снова выходили замуж за офицеров того же полка. Удивительно, как этим женщинам удавалось перемещаться с одного места на другое и не поддаваться меланхолии. Возможно, они были из другого теста.

Я набрала ванну, залезла в горячую воду, вскрикнула от удовольствия и прикрыла рот рукой, испугавшись, что меня кто-то услышал. Мне стало не по себе от мысли, что обо мне могли подумать невесты что. Чему это я так радуюсь в ванной да еще и одна. Потом я

укуталась в пушистое белое полотенце.

(Я пыталась представить себе, что нахожусь в СПА-салоне и будто бы вовсе не было тех восьми часов мучительной для меня езды на велосипеде.) Затем я разложила на кровати карты и пересмотрела маршрут. На этот раз решила обойтись без употребления алкоголя. Раньше мне представлялось, что можно преодолеть на велосипеде весь путь до Фигереса, находившегося недалеко от восточного побережья, где Сальвадор Дали создал первый необычный музей, в котором была выставлена одна из его работ, впоследствии перевезенная в Барселону. Как же это было неразумно! Только теперь я поняла, что на это потребовалась бы еще одна неделя сверх запланированного времени. Я решила, что, прибыв в Барселону, отправлюсь в Музей Дали и потрачу на это целый день. Разработав новый маршрут, я попросила у Мерше совета, какое местное вино лучше купить. Объяснила ей, что это помогло бы снять усталость в ногах и они перестали бы болеть.

— Разве вино хорошо действует на мышцы? — оживилась Мерше.

— Ну, не совсем, — пришлось согласиться мне. — Зато вино — хорошее обезболивающее средство.

Сделав покупку и желая как можно скорее почувствовать опьяняющее действие вина, я поспешила к себе в комнату, уселась на мягкий диван и залпом выпила пару бокалов. Мне даже стало стыдно за себя.

В Сиге не существовало ресторанов, поэтому пришлось довольствоваться ужином в деревенском доме. Приготовлением занимался полный смуглый мужчина с крупным носом, которого я сначала приняла за мужа Мерше. У него, как и у всех басков, уши были с толстыми мочками (баски, когда их называют «короткое толстое ухо», воспринимают это как оскорбление). В доме имелся всего лишь один стол, который хозяева одолжили на время у семейной пары средних лет. Супруги, отличавшиеся сварливостью, говорили только на языке басков, или эускера. Общаться с ними было невозможно: эускера очень сложный язык, который не похож ни на один другой. За столом я выжимала из себя улыбку, стараясь побыстрее допить ромашковый чай и убежать к себе, чтобы пораньше лечь спать.

Спала я плохо. Мне приснился очень страшный сон, в котором все было как наяву: мне приснилось, что кто-то снял все гайки с моего велосипеда, и когда я села на него, он развалился на части и превратился в грудку металла. И без психоаналитика стало понятно, что у меня сдали нервы.

Глава 4

Самый визгливый поросенок

— До Бургете километров сто, — сказал муж Мерше, качая головой и потирая рукой подбородок, что свидетельствовало о предстоящих мне трудностях. — По пути туда есть два тоннеля. Один из них длиной не менее пяти километров. Но вы же не станете передвигаться по нему на велосипеде!

Он казался искренним человеком. Мне же было невдомек, откуда он все это взял. Я уверена, у него и в мыслях не было специально запугивать таких, как я, несчастных и легковых туристов. Возможно, его привычка выпивать по утрам сыграла с его памятью злую шутку. А может, на него так подействовала его размеренная жизнь в деревне, где всего пятнадцать домов. Или, вероятно, он просто в последнее время нигде не бывал. Впрочем, это не важно. Главное, что он не отдавал себе отчета в том, что говорил.

Итак, я направились в Бургете. Это место находилось в восьмидесяти пяти километрах отсюда, но тоннеля там никакого не существовало. Со слов одного велосипедиста, которого я встретила на первом перевале, там его никогда и не было.

— Вы здесь часто бываете? — спросила я, когда мы одновременно поднялись на вершину, тяжело дыша от усталости.

Я была довольна собой — сегодня подъем в гору показался мне легче, чем вчера, я крутила педали не переставая, однако желания заплакать у меня так и не возникло.

Не успев отдышаться, мужчина объяснил, что уже третий раз поднимается сюда и что живет в одной из деревень внизу, в долине. Потом он вежливо попросил воды, поскольку у меня ее было несколько бутылок. Я протянула одну. Совершенно обессиленные, мы рухнули на землю, правда, на почтительном расстоянии друг от друга. В нескольких сотнях метров мы увидели табун лошадей, скачущих галопом по ярко-зеленому пастбищу. Их светлые длинные гривы и хвосты развевались на ветру, а колокольчики на шеях тихо позвякивали. Когда я слышу эти звуки, первое, что мне вспоминается, так это долгие пешие прогулки в горах или дождливые воскресные дни, когда сидишь дома и смотришь фильм «Хроники Хайди». И впрямь, как они прекрасны, эти лошади! Если бы они бежали рядом со мной, когда я поднималась в гору, то подъем не казался бы мне таким неприступным.

Когда мы восстановили силы и смогли разговаривать без придыхания, законченными фразами, я спросила его о дороге до Бургете и о странных тоннелях.

— Тоннели?! Какие тоннели?! — спросил он, удивившись. — Я уже раз сто ездил на велосипеде по этой дороге, и никаких тоннелей там нет!

Однако ни муж Мерше, ни мой новый знакомый не предупредили меня о возможных встречах с домашними животными, которые могли оказаться на моем пути.

Правда, я была в курсе, что в Наварре разводят большое количество разновидностей свиней. В то же утро мне по дороге попало несколько огромных, жирных свиней. К счастью, мой велосипед их не заинтересовал, поскольку они продолжали копаться в грязи. Было около одиннадцати часов, как раз время их завтрака. Такое поведение говорило о том, что передо мной взрослые свиньи. Поросята же менее сосредоточены на еде и легко отвлекаются на все, что завладевает их вниманием.

Ближе ко времени обеда я увидела четырех маленьких розовых поросят с забавными хвостиками крючком. Они вышли на загородную прогулку. Поросята хрюкали, обнюхивали желуди и поедали их с большим аппетитом (прямо семейный пикник). В роли наставницы выступала их мама. Она выглядела достаточно глупо благодаря огромным соскам и надменно вздернутому рылу. Она явно не обладала хорошими манерами.

Я, похоже, испортила поросячий пикник, проезжая совсем близко от их семейства, неуверенно крутя педалями. Сначала компания из четырех поросят лишь мельком взглянула на мой поджарый зеленый гоночный велосипед, увешанный огромными сумками, но затем это сильно напугало их. Они пронзительно завизжали и галопом понеслись прочь по дороге так быстро, насколько позволяли им маленькие, короткие ножки. Их мамаша прекратила на несколько секунд чавканье, проглотила желуди, а потом в задумчивости медленно повернула в мою сторону свое большое сердитое рыло и с невообразимой свирепостью во взгляде уставилась на меня. Несмотря на ее массу, в ней чувствовался порядочный заряд бодрости и энергии.

Из последних сил я надавила на педали и помчалась вслед за поросятами. Когда они все четверо галопировали по тропинке, выстроившись в ряд, их розовые хвостики подрагивали от быстрого бега. Они испуганно визжали на всю округу, при этом громко цокая своими копытцами. Конечно, они были столь же прелестными, сколь и глупыми, потому не уступали мне дорогу.

Преодолев расстояние около километра в сопровождении неистовой четверки, я забеспокоилась, ведь они могли убежать слишком далеко и, заблудившись, не найти свою маму. Смогут ли они сами найти себе пропитание? Выживут ли эти маленькие розовые поросята, поедая только одни желуди? Способны ли они обходиться без материнского молока? Ведь они так беспомощны, что могут погибнуть среди этих дубов на просторах Наварры. Я остановилась и решила повернуть назад.

Мой план, наверное, сработал бы, если бы я не услышала страшный шум позади себя, когда слезла с велосипеда. Я увидела мамашу, которая с сердитым фырканьем и хрюканьем приближалась ко мне. Она старалась бежать как можно быстрее, но выглядело это нелепо и смешно. Рядом с ней трусили две грозные собаки. Я вся напряглась. Кто же из них нападет первым?

Одна псина направилась в мою сторону. Дрожа от страха, я старалась не показать виду и смело взглянула собаке прямо в глаза. Собаки, как и львы, обязательно нападут и загрызут вас, если вы побежите. Похоже, мой прием подействовал. Псина потеряла ко мне интерес и повернула обратно, обежав вокруг свиньи. Теперь я могла продолжить свой путь, ошачливленная тем, что свиное семейство воссоединилось и вернется на ферму в целостности и сохранности.

Но если вы думаете, что эту четверку с очаровательными хвостиками ожидает тихая и безмятежная жизнь и что они, как прежде, будут нюхать и поедать желуди, то глубоко ошибаетесь. Все совсем не так, как вы полагаете. Я уверена на все сто процентов, что скоро они окажутся на рынке, а еще через некоторое время будут проданы в качестве закуски в каком-нибудь баре, переполненном голодными испанцами, любителями свиного окорока.

Испанцы обожают свинину. Вероятно, эта страсть зародилась еще во времена Реконкисты, когда христиане отвоевывали испанские земли у мавров, вторгшихся и оккупировавших Испанию в начале VIII века. Эта длительная и кровопролитная война (в течение восьмиста лет) на Пиренейском полуострове сопровождалась принудительным обращением в христианство иудеев и мусульман.

В 1492 году супруги Фернандо и Изабель, испанские монархи-католики, прибыли в Гранаду, последний оплот мавров. Они без ведома маврского халифа Боабдила потребовали от евреев, живущих в Испании, принять христианскую веру, в случае отказа их ждало изгнание. Спустя десять лет мусульманам был выдвинут тот же ультиматум. В течение года триста тысяч мусульман обратились в христианство. Заподозренные в исповедовании прежней религии представляли перед судом жестокой инквизиции.

Мавры и евреи не употребляли в пищу свинину, а христиане ели и до сих пор это делают. Поедание у всех на виду сосиски или куска свиного окорока считалось явным подтверждением своей преданности новой вере и являлось спасением от неизбежной гибели. *Conversos*, или новообращенные, выходили на улицу в дни отдохновения, пятницу или субботу, открыто подкреплялись свининой, надеясь таким образом спасти свою жизнь. Но это удавалось далеко не всем.

Конечно, сожжению еретиков на костре невозможно найти никакого оправдания, если не считать восхитительных блюд из свинины, которые испанцы стали готовить с тех пор. По крайней мере, получилось хоть что-то полезное. Обычно испанцы не едят свинину в чистом виде, за исключением мяса молочных поросят и свиной шеи. Здесь принято добавлять свинину в состав таких колбас, как: чоризо, *salchichon* — салчичон, ветчинная копченая колбаса, или *morcillas* — морсилья, вид кровяной колбасы. Все это вкусные колбасы, в жилах которых течет свиная кровь, отпугивающая трусливых туристов так же, как и распространенные здесь свиные ножки.

Здесь можно попробовать два вида ветчины. Наиболее распространена ветчина *serrano* — серрано, которую делают из мяса белых поросят, похожих на тех, семейный пикник которых я так грубо нарушила. Ветчина *serrano* получила свое распространение в горных районах (слово *sierra* по-испански означает «гора»), где низкие температуры способствовали процессу консервирования мяса, в то время как сейчас это зависит всего лишь от одной кнопки переключателя температур в консервном цехе, а белых поросят разводят практически повсеместно.

Самой ценной породой свиней считается *iberico* — иберико. Это испанская порода, которую можно отличить по черному цвету копытца. Возможно, они потомки вепря. Ценители этой ветчины считают, что ее вкус зависит вовсе не от цвета, а от свирепости их прародителей. На самом деле особую сочность этому мясу придают прожилки жира. Так или иначе, свиньи черной иберийской породы считаются самыми лучшими и относятся к классу *iberico de bellota* — желудевые иберийские свиньи. Их привес зависит от их прожорливости. После того как поросята перестают сосать молоко матери, им начинают давать корм и злаки, а уже потом они с жадностью набрасываются на желуди. Если

пороссятам удастся достичь нужного веса до перехода на желуди, они считаются откормленными на желудевой диете. Если же пороссята нуждаются в дополнительном откармливании, то из них вырастают чистопородные *iberico*. Но если пороссята в компании с лающими собаками упражняются в беге по узкой тропинке, спасаясь от велосипеда, и при этом дико визжат, то это неблагоприятно сказывается на их весе и свидетельствует об их плохом воспитании.

Интересно, подумала я, а у Мигеля Индурайна были подобные проблемы с собаками, свиньями и другими животными, когда он преодолевал на велосипеде почти вертикальные подъемы в горах. Кстати, Индурайн был отсюда, из этих мест. Он вырос на окраине Памплоны, в нескольких километрах к юго-западу отсюда. Говорят, что он стал таким крутым велосипедистом благодаря тому, что именно здесь, в этих горах, где сейчас находилась я, сформировался его характер.

В 1996 году Индурайн уступил место лидера велогонки «Тур де Франс» другому спортсмену: в тот год один из ее этапов проходил в Испании. Пелотон двигался на большой скорости через Пиренеи в Памплону в знак признания достижений в спорте этого знаменитого сеньора. Это была своего рода дань уважения родине великого спортсмена. Испанцы выстроились в живую цепь, протяженностью более ста километров. Эмоции переполняли их. В руках они держали изображения Большого Мига в его любимой желтой майке, наклеенные на картоне, и размахивали ими. В Вильяве, деревне, которая находится за Памплоной, где жила семья Индурайна, на улицах, на балконах домов, повсюду было полным-полно народу, так что яблоку было негде упасть. Болельщики нацепили на себя желтые футболки и кепки: так они выражали надежду на шестую по счету победу известнейшего во всем мире сына Вильявы. Именно здесь, в горах Альто-ди-Эрро и Альто-ди-Мецкириц, спортсмены-полубоги вели гонку за лидером, но на этот раз это был не Индурайн.

Очевидно, он потерял всякий интерес к подъемам и спускам, впрочем, то же самое могло бы произойти и со мной. «Ты даришь своим фанатам и болельщикам настоящий праздник, — сказал Индурайн одному французскому журналисту. — Но вечером, когда остаешься один, или наутро после соревнований ты начинаешь размышлять и спрашивать себя: а что ты сделал такого особенного? Ты поднялся на гору, а потом спустился с нее. Сначала — вверх, потом — вниз. И больше ничего».

Бедный Большой Миг! В то время, когда толпа болельщиков замерла в ожидании на улицах его родной деревни, он был уже далек от лидерства в гонке. Его фанаты жаждали захватывающего зрелища, но этого не произошло. И вот по улице промчался велогонщик, который шел первым. Но не Индурайн. Следом за ним появилась еще одна группа спортсменов. Люди вытягивали шеи, вставали на цыпочки, чтобы хоть краем глаза увидеть своего кумира, но его среди гонщиков не было. Тянулись долгие минуты. Звуки чаранго заглушили вопрос, который срывался у всех с губ: «Где же Индурайн?» В итоге он въехал в Вильяву через девять минут после победителя. Но толпа болельщиков обезумела при виде Индурайна, хотя мечта их была разбита. Он пришел одиннадцатым. Спустя шесть месяцев, в возрасте тридцати двух лет, Индурайн ушел из спорта. Он вернулся к жене и сыну на свою ферму в полутора километрах от деревни, где он вырос. Немногословный человек, будучи интровертом до мозга костей, Индурайн заявил о своем намерении жить обычной жизнью и уйти в тень. Он даже перестал соблюдать диету: теперь он стал еще больше, но не в высоту, а в ширину.

Я ехала по дороге между Зуриби и Бургете. Взмокнув от напряжения, думала о том, что если бы сейчас на моем месте оказались велогонщики, участвовавшие в «Тур де Франс», то они утешили бы себя тем, что вечером смогут принять душ, а утром переодеться во все чистое, чего нельзя сказать о паломниках, которые двигались по этой же самой дороге, именуемой Путь святого Иакова.

Паломничество к мощам святого Иакова началось в довольно опасное время для христиан. Тогда на большей части Испании правили мавры, которые вторглись сюда из мусульманской Африки. Святого Иакова, в честь которого был назван маршрут паломничества (*Santiago* — Сантьяго по-испански значит святой Иаков), конечно, уже нет на свете. Согласно одной из легенд, Иаков прибыл в Испанию, чтобы проповедовать Евангелие. Затем вернулся в Иерусалим, где Ирод отрубил ему голову. После казни его останки были положены в лодку и пущены по Средиземному морю. Лодку сопровождали два ученика Христа и ангелы. В Испании ученики Христа захоронили святые мощи Иакова и возвели усыпальницу, а через некоторое время умерли и они. Вскоре все забыли о святом Иакове на восемьсот лет.

В IX веке мусульмане по-прежнему господствовали на обширных территориях Иберии, и христиане нуждались в том, в ком они могли бы вновь обрести свои силы. Однажды один монах-отшельник увидел падающие звезды над склоном горы, именно над тем местом, где находились мощи святого Иакова. Так они были вновь обретены. Вскоре король Альфонс III Великий, исповедовавший христианство, не теряя времени даром построил здесь великолепную базилику, ставшую оплотом христианства. Само место было названо в честь святого Иакова, Сантьяго-де-Компостела, или «место, обозначенное звездой», ставшее святым для паломников. Святой Иаков отвечал на их молитвы, спускаясь к ним по Млечному Пути на летящем белом коне, и тысячи мерзких мавров погибали от руки святого Иакова. С тех пор христиане толпами стекаются в Сантьяго-де-Компостела за благословением святого Иакова.

Раньше религиозный пыл паломников значительно перевешивал их заботы об омовении — я имею в виду то, что они носили власяницу и не испытывали потребности в тюбике «Трэвел уош». Купальням в то время отдавали предпочтение мавры, а не христиане, что считалось у них признаком целомудрия (во времена инквизиции в Испании истинным обвинением считалось следующее: «Нам известно, что обвиняемый принимает ванну»). Они были настолько набожны, что зловоние, которое источали их тела, было невыносимым. По этой причине власти кафедрального собора в Сантьяго посчитали необходимым установить самую большую в мире курильницу высотой в рост человека. Для ее раскачивания требовалась сила восьми крепких монахов нищенствующего ордена. Только так удавалось заглушать неприятные запахи, которые свидетельствовали о долгих неделях скитаний паломников.

Но, несмотря на все это, на протяжении долгих лет этот паломнический путь привлекал многих известных людей. Здесь, согласно поверью, побывали Шарлемань, или Карл Великий, Данте и Чосер. Совсем недавно сюда приезжала американская актриса Ширли Маклейн, ставшая духовным гуру. Естественно, и до этого путешествия у Ширли было достаточно контактов с потусторонними силами. Она познала смысл мироздания, ей открылись секреты древних цивилизаций, она узнала истинный путь к высшей любви и то, кем она была в прошлых жизнях: цыганкой и любовницей Шарлеманя, а еще раньше самым первым гермафродитом, жившим в загадочной Атлантиде.

Я решила, что не поеду по маршруту паломничества, а буду двигаться по направлению к Франции, поэтому меня не посетили видения и я так и не узнала, с кем спала в минувшие века. Боже, стыд-то какой! По дороге увидела паломников с рюкзаками за плечами, одетых в специальную одежду из гортекса с эмблемой паломничества — раковины морского гребешка. В знак приветствия они подняли свои трости, а я весело помахала в ответ (мое приветствие не было наигранным, я действительно была рада увидеть их). Потом я отправилась дальше, в сторону Бургете, чтобы там переночевать.

Бургете находится высоко в горах, в нескольких километрах от маршрута паломничества, на границе Франции. Это одна из многих живописных горных деревушек, окруженная зелеными холмами и пастбищами. Она очень изменилась с тех пор, когда была стратегическим пунктом на маршруте паломничества святого Иакова и первой остановкой

паломников после пересечения французской границы и посещения древнего мужского монастыря в Ронсес-Вальесе. Со всей уверенностью можно сказать, что Бургете — это очень популярное место, поскольку сюда даже приезжал Эрнест Хемингуэй — любитель корриды. Будучи в Памплоне, он с особым волнением наблюдал за тем, как мужчины в коротких ярких штанах и розовых шелковых трико вонзают в быков бандерильи.

Хемингуэй писал об этой деревне. Герои его романа «И восходит солнце» едут в Бургете ловить форель на реке Ирати, перед тем как отправиться в Памплону на фестиваль Сан-Фермин⁴ с его дикими розыгрышами. Они приезжают в деревню на пыльном автобусе. Их попутчики — пожилые баски в традиционных беретах, цвет лиц которых напоминает цвет красного вина. (Героев Хемингуэя зовут Джейк и Билл, они всегда не прочь выпить, между собой они общаются на странном английском языке, на котором изъяснялись в 20-х годах XX века.) В то время действительно говорили «Эй, кто это там?» или «Как это ужасно хорошо». Это не было шуткой автора.

Бургете не изменила своим традициям и в XXI веке. И сейчас все точно так же, как описывал Хемингуэй. Здесь течет все та же река и можно найти ту самую улицу, по которой с шумом и криками шли пьяные Джейк и Билл. Центральная улица по-прежнему единственная в этой деревне. Тут находится магазин, где я купила столько местного шоколада и домашнего печенья, сколько мне хватило бы на поддержание хорошего настроения на горных перевалах в ближайшие дни.

Билл и Джейк остановились в гостинице. Сначала они посчитали, что двенадцать песет за ночь для них слишком дорого, но уступили, потому что в эту сумму было включено неограниченное количество вина. Скорее всего, гостиница находилась в здании, которое можно увидеть по дороге в Ронсес-Вальес. Ее двери выкрашены в зеленый цвет, а дымчатые стекла окон покрыты узорами. Внешне здание совсем не изменилось по сравнению с тем, как оно выглядело в 20-е годы XX века.

Я решила не останавливаться на ночь в гостинице, поскольку предоставляемые удобства мало изменились с тех пор. Я предполагаю, что ванная комната этой гостиницы мне не угодила бы. Я собралась заночевать в другом месте. На этот раз в деревенском доме, где жила семья с двумя детьми.

— Мы не закрываемся до полуночи, — радостно улыбаясь, сказала донья Виктория, мать семейства.

Действительно, она не обманула меня.

— Ты возвращаешься домой или собираешься выйти на улицу, Хуанита? — спросила донья Виктория свою трехлетнюю дочку, в нерешительности стоящую в дверях. — Давай-давай! Иди поиграй на улице!

И Хуанита со своей игрушечной машинкой поковыляла на улицу.

В этом доме я чувствовала себя лучше, чем в том, где останавливалась первый раз, и даже целых полчаса находилась в хорошем расположении духа, пока не отправилась за алкоголем, необходимым мне для поддержания морального духа. О ресторане, на который я обратила внимание и в котором собиралась пообедать, я по чистой случайности прочитала в утренней местной газете. Он открывался в восемь тридцать, поэтому я, чтобы скоротать время, зашла в бар прямо по соседству с церковью, о которой упоминал Хемингуэй. Интересно, куда он сам отправился бы вечером, чтобы выпить виски или бутылочку бренди «Фундадор»? Существуют документальные свидетельства, утверждающие, что Хемингуэй любил выпить, но я так и не обнаружила места, где именно в Бургете он мог бы это сделать и какой бар мог заслужить его внимание. Тот, где оказалась я, был грязным и маленьким. Там было полным-полно горцев с густой щетиной, что заставило меня задаться забавным вопросом: почему у мужчин, живущих в горах, такие густые бороды? Может быть, это своего рода результат эволюционного развития. Вероятно, живущих высоко в горах густые

⁴ Сан-Фермин — фиеста в Памплоне, которая ежегодно длится с 6 по 14 июля.

бороды спасают от холода. Или просто им слишком далеко идти до ближайшего магазина, чтобы купить новую бритву? Я думала об этом, пока пила пиво, читала газету и пыталась тем самым заглушить голод, ведь испанцы обедают вечером.

Вскоре один из бородатых мужчин-горцев медленно направился ко мне, очевидно, чтобы поболтать, ведь для них я была незнакомкой. Я не встречала более страстного взгляда со времен молодости Хулио Иглесиаса. Его звали Мартин. Он был кровельщиком. Возможно, в этой деревне у него было не так много работы, потому что с момента пребывания здесь Хемингуэя построили всего пять новых домов, но, без сомнения, их крыши были сделаны с особой любовью и рвением. Мартин спросил меня, каким ветром меня занесло в Бургете. Я рассказала ему о своем путешествии, о том, как боролась с собой, преодолевая горы по дороге из Сан-Себастьяна, о моих планах добраться до Барселоны, а потом до юга Испании.

— *Dios mio!*⁵ Должно быть, у тебя крепкие ноги, — сделал вывод он, беззастенчиво, даже нагло глядя на них. — И ты совсем одна? Без мужа?

— Ну да, — призналась я. — Понимаешь, к сожалению, мне до сих пор не попался сильный, мудрый, остроумный, богатый и сексуально привлекательный мужчина, который стал бы спутником по жизни. Тем не менее я не перестаю надеяться. Но у меня еще есть в запасе кое-какое время, чтобы стать женой и матерью или, в крайнем случае, усыновить какого-нибудь младенца из Китая, там это делается легко и просто.

Новый знакомый снова с интересом взглянул на мои ноги.

Глава 5

Старые калоша и форель

Я думаю, узкая горная дорога — это не место для философских размышлений и тем более не для выяснения отношений между супругами. Жители Валье-де-Ронкаль, очевидно, думают иначе, потому что отличительной чертой этого места являются граффити. Действительно, почему бы не подняться на высоту две тысячи метров и не написать в стиле граффити такие избитые фразы, как «Деньги — зло», «Закон для всех один», «За все надо платить».

Кроме этих банальных фраз вокруг меня простиралось целое море слов, складывающихся в предложения, которые обычно выкрикивают во время ссоры. Я решила, что это неплохой способ выплеснуть свою злобу. Мысленно представила себе, как я не без удовольствия хлопаю дверью и с визгом взбираюсь на гору высотой две тысячи метров с жестяной банкой краски-спрея в руках. И вот после долгого и утомительного подъема, когда оказываюсь на вершине горы, эндорфины берут свое и душевная боль стихает. На самом деле не всегда все то, что представляется скучным, оказывается бесполезным. С другой стороны, многое в моем поведении объяснялось тем, что рядом со мной не было того сильного, мудрого, остроумного, богатого и сексуально привлекательного мужчины моей мечты. Но я поняла, сейчас не время размышлять об этом, так как у меня сильно заболели ноги.

На одном холме было выведено крупными белыми буквами: «Деньги ведут к предательству». Я призадумалась и сбавила скорость. Проехав еще пятьдесят метров или чуть больше, увидела еще граффити: «Предупрежден — значит, вооружен». А потом самые последние: «Никто не любит быть запертым в собственном доме».

Что же могло подтолкнуть людей на создание таких граффити? Поднимаясь все выше и выше, я сочинила такую историю:

Гора-Мужчина женится на Горе-Женщине. Они двоюродные брат и сестра, но об этом не задумываются, потому что они — горы и живут уединенно. Двоюродный брат

⁵ Бог мой! (исп.)

все-таки лучше, чем какой-нибудь дурак. Горы являются для них домом. Им много не требуется для жизни. Они разводят свиней и овец, поэтому им хватает ветчины, домашнего сыра и масла, которое Гора-Женица быстро и ловко сбивает в чане на своей кухне в горах. К тому же она умеет прясть пряжу и вязать шерстяные свитера. И так они жили долго и счастливо, как вдруг в городе появляется паломник по имени Педро. Он богат и мудр. Педро родом из Мадрида. Благодаря своей ловкости он сколотил состояние, продавая туристам постеры, рекламирующие корриду. Педро надел настоящий дождевик из гортекса и побрился. Увидев его, Гора-Женица упала в обморок. Никогда раньше она не видела таких гладко выбритых щек, мягких словно шелк.

Паломник Педро рассказывает Горе-Женице о мире, который существует за пределами гор, об оживленных улицах, где полно баров и ресторанов, и о модных дамах, которые покупают свитера в магазинах.

— Если хочешь, — говорит он, — я могу прокатить тебя на моем автомобиле, «сеате» восьмидесяти восьмью года выпуска, и показать тебе мир за пределами гор.

Гора-Женица чувствует, как ее душа наполняется теплом и светом. Раньше она никогда не ходила по магазинам, но слышала, что на это нужны деньги.

— Или ты дашь мне столько денег, чтобы я смогла купить себе свитер в магазине, или я уеду в Мадрид с паломником Педро, — призналась Гора-Женица своему мужу. — И не говори, что я тебя не предупреждала.

В жестяной консервной банке, где он хранил деньги, не оказалось столько, сколько ей было нужно.

Он очень расстроился и поэтому пошел куда глаза глядят. Когда он вернулся домой, двери их дома были заперты, хотя их никогда не запирали. Гора-Мужчина даже не знал, что у них были ключи. И он решил бросить все и уйти.

Ну, по крайней мере, эта история отвлекла меня от трудного подъема в гору.

День предстоял чудесный: голубое небо, медленные нескончаемые подъемы и головокружительные спуски. Когда рано утром я стартовала на велосипеде из Бургете, на улице не было ни души. Воздух освежал и бодрил, потому что ночью случились заморозки, а утром температура поднялась чуть выше нуля, но потом стало заметно теплеть — на чистом, ярко-синем небе вставало солнце. Когда я повернула налево, оказалась на том самом месте, которое описывал Хемингуэй. Вокруг царил полное безмолвие, но вдруг его нарушило тихое ржание лошадей на лугу. Они галопом поскакали к изгороди, чтобы поприветствовать меня, резко вскидывая головы и фыркая. Из ноздрей валит пар. Они на своем лошадином языке говорили мне, что сегодня меня ждет фантастический день.

Я крутила педали, двигаясь по горным дорогам, по темно-зеленым пастбищам. То там, то здесь виднелись белые прямоугольники ничем не примечательных домов. Эти дома, одиноко стоящие на склонах гор, казались заброшенными. Интересно, здесь кто-нибудь живет? Может быть, они принадлежат семьям фермеров, дети которых на рассвете отправляются в школу, находящуюся далеко отсюда. Когда подъехала совсем близко, я увидела перед собой небольшой табун из шести лошадей. Среди них были два жеребенка и одна кобыла, которая ждала прибавления. Они двигались рысью.

Когда я добралась до второго перевала, все еще стояло утро. Там я решила перекусить — у меня был с собой банан. Да, подумала я, мое путешествие протекает не так уж и плохо. Я пристально вглядывалась вдаль. Передо мной открывался живописный вид на Пиренеи. Эти величественные горы занимали все пространство вокруг, и их невозможно было окинуть взглядом. Я была на седьмом небе от счастья, ведь добралась сюда сама, без чьей-либо помощи. Я гордилась собой.

Сегодня была пятница. В Гонконге подходили сроки сдачи материалов нашего журнала. А я находилась здесь, в одном из самых изумительных мест в мире. Я мчалась на своем велосипеде, и тишину нарушали лишь тихое ржание одинокой лошади или еле

слышный щелчок переключения скоростей велосипеда. В Гонконге уже было шесть часов вечера, и рабочие материалы должны были быть готовы к сдаче, но я не была уверена в этом. Я представила себе, как наш шеф пытается успокоить типографского работника, готового убить всех. «Полегче-полегче! Не кипятись!» — говорит он. А главный редактор в свою очередь пытается успокоить нашего шефа: «Да, дорогуша, конечно, дорогуша, в любой момент, дорогуша!» Так он пытается перевести удар со своих сотрудников на себя. Издатель злобно смотрит, как из-под рук типографского работника выходит первый сигнальный дизайн-макет журнала с броскими, колкими заголовками, и кричит: «Кто, черт возьми, сделал эту ужасную фотографию? Передайте ему, что он уволен! Пусть немедленно выметается отсюда!»

А может, мне сейчас им позвонить с мобильного, прямо отсюда, с вершины горного перевала, и рассказать им, как прекрасно я провожу время? Нет, наверное, не стоит.

Я села на велосипед и начала спускаться. Спуск был невероятно крутым и опасным. На меня снова действовали эндорфины: бурная радость охватила меня — это было сродни эйфории, которую испытываешь на большой высоте. От бешеной скорости у меня захватило дух, а ветер был такой силы, что у меня звенело в ушах.

— Я свободна, я свободна! — выкрикивала я изо всех сил в никуда, продолжая мчаться вниз.

В тот день я ночевала в доме некой доньи Алисии в Ронкале, довольно мрачной деревушке с домами, плотно стоящими друг к другу, находившейся в самой восточной части Пиренеев, в Наварре. Донья Алисия уже несколько лет была заядлым коллекционером. Все стены ее столовой были сплошь увешаны декоративной посудой — горшками и расписными тарелками. На них отбрасывала тень огромная голова кабана, покрытая черной щетиной. Казалось, что она искоса поглядывала на всех, кто входил в дом. Пасть кабана, слегка приоткрытая, обнажала два страшных клыка. Я не осмелилась спросить донью Алисию, сама ли она застрелила, а может быть, задушила этого зверя. Если бы так оно и было, то имело смысл расплатиться с ней за ночлег заранее.

То, что донья Алисия была страстно увлечена коллекционированием, не было ее прихотью. На протяжении веков испанцы испытывают к этому занятию особую слабость и интерес, причем как представители высших чинов, так и простые люди. Некоторые из предков доньи Алисии коллекционировали более странные вещи. Король Испании Филипп II, находившийся у власти во второй половине XVI века, стал известен в истории благодаря своему спартанскому образу жизни. Он был суров и жесток в борьбе с мусульманами и протестантами. «Если бы мой сын был против католической церкви, я бы сам принес охапку хвороста и сжег его на костре», — заявил Филипп.

В то же самое время он очень любил заниматься коллекционированием книг и картин. Среди живописных полотен выделялась картина под названием «Сад земных наслаждений» Иеронима Босха, висевшая над его кроватью. Эта картина считалась греховной, хотя ее владелец слыл набожным человеком. Кроме того, у Филиппа была большая коллекция частей тела в растворе формальдегида: сто три отрубленные головы, включая голову святого Лаврентия, большая коллекция рук и ног, а также пальцев рук и пальцев ног. Можно предположить, что это были останки язычников, то есть своего рода религиозные реликвии.

Отец Филиппа II, Карлос I, был также одержим собирательством, но слыл большим оптимистом и совершенно не интересовался формальдегидами. Карлос I потакал всем своим прихотям и был ненасытным обжорой. В 1556 году он отрекся от престола и, отойдя от дел, ушел в мужской монастырь, где, будучи уже беззубым стариком, страдающим подагрой, собрал обширную коллекцию часов, которые спешным образом чинил, желая слышать мелодичный звон всех часов одновременно.

«Теперь, когда понимаю, что не в моих силах заставить часы бить одновременно, я осознаю, каким был глупцом, мечтая подчинить своей власти все мои владения». Говорят, что в минуты особого отчаяния бедный старый Карлос проводил время за кружкой пива и за

тарелкой анчоусов, что доставляло ему огромное наслаждение.

Будучи любителем хорошо и вкусно поесть, Карлос был бы разочарован, оказавшись в деревушке Ронкаль. Она знаменита своим сыром, однако местные рестораны оставляют желать лучшего. Мне удалось найти лишь одно место, где можно поесть. Им оказалась мрачная столовая одного-единственного общежития этой деревни. Она открывалась только в девять вечера, поэтому я пыталась заглушить голод, купив маленькую бутылку местного сидра. Наварра — это край, где выращивают яблоки, и здешний брю тут ценится. Мне же достался кислый, к тому же мутный из-за осадка сидр, и после этого случая у меня больше не возникало желания снова его попробовать.

Через две минуты после открытия я появилась в ресторане. Было заметно, что он не пользуется особой популярностью. Может быть, в деревне существовало какое-то по-настоящему сказочное место, затерявшееся на одной из улиц и не найденное мной. Впрочем, какой бы ни была причина, главное, что, когда я приблизилась к ресторану, в окнах по-прежнему свет не горел. Увидев одного-единственного посетителя, лица обслуживающего персонала выразили беспокойство, тем не менее свет быстро включили и предложили мне поесть. На столах стояли приборы, хотя ножи и вилки были разложены не по этикету. Это было плохим знаком.

Выбор блюд в меню был ограничен. Рыбный салат из кукурузы, мидий, спаржи, тунца и фасоли, который мне принесли, был явно приготовлен из консервированных продуктов. Сама же порция оказалась огромной, и я не смогла бы одолеть ее до конца. Плюс ко всему я была в этом ресторане одним-единственным посетителем. Едва я притронулась к салату, мне принесли второе блюдо, которое своим внешним видом чуть-чуть подняло мое настроение: это была яичница из двух яиц с несколькими кусочками чоризо, все это плавало в масле коричневого цвета. В этот момент неожиданно появилась пара средних лет, и официантка перевела на них свои глазки-бусинки. Я решила, что настал тот самый удобный момент, чтобы незаметно переложить содержимое тарелки и спрятать. Приход этой пары вызвал некоторое оживление в ресторане.

Мои случайные сотрапезники имели хмурый вид. Она была костлявой, с худыми впалыми щеками и осунувшимся лицом. Он — сутулым и покорным на вид, что говорило о долгих годах понуканий с ее стороны. Она заказала рыбу, он — свинину, и официантка с блокнотом неуверенной походкой направилась на кухню.

— Тебе бы следовало заказать рыбу, как это сделала я, — прошипела с кислым видом женщина.

— Но я не хочу рыбы. Я хочу свинину.

Этот разговор продолжался в том же тоне еще некоторое время. В итоге они, недовольные друг другом, замолчали. Установившаяся тишина подходила им как нельзя лучше. Через несколько минут им принесли важную рыбу и несколько обиженную свиную отбивную. Озадаченный мужчина откинулся на спинку стула. Дождавшись, когда официантка ушла, он заговорил:

— Порция очень большая, я заказывал меньше.

— Я же говорила тебе, что лучше взять рыбу, как это сделала я.

— Но я не хотел рыбы. Я хотел свиную отбивную, но теперь вижу, что для меня этого много.

Его кикимора, лишенная чувства юмора, с огромными шпильками в волосах, даже не соизволила сказать ему что-либо в ответ. Вместо этого она театральным жестом взяла в руки нож и вилку и с торжествующей злорадством улыбкой накинута на рыбу, самодовольно покачивая головой. Увы, рыба оказалась пережаренной и плавала в скользкой луже масла. При первом же прикосновении вилкой твердая, засохшая форель выпрыгнула из тарелки, на несколько секунд нелепо зависнув в воздухе, а затем, раненная вилкой, грохнулась под стул соседнего столика прямо головой об пол. Еще какое-то время она скользила по полу, обваливаясь в грязи недельной давности.

— Вот черт! — выругалась женщина.

Мне вдруг стало ее жаль, потому что это были единственные разумные слова, произнесенные ею за весь вечер.

Глава 6

Нет ли у вас ЭПО?⁶

Велосипедисты не относятся слишком серьезно к *bonk*, ⁷ для них это просто забава. Я не знаю, почему этим словом они обозначают то отвратительное состояние, когда чувствуешь, что силы покидают тебя, а вместе с ними сгорают последние калории, возможности же восстановить их быстро просто нет. Мое мнение на этот счет несколько расплывчато, поскольку я не слишком опытный велосипедист и мне не знакомы досконально все тонкости и хитрости этого вида спорта.

— Сегодня ветреный день, не очень подходящий для велосипедной прогулки, — пробормотал муж доньи Алисии, когда утром я оседлала велосипед и уже собиралась ехать.

Да, испанцы явно теряют свой оптимизм. Куда же подевался их веселый нрав? Иначе я бы услышала совсем другие слова о том, что день будет удачным, что спуски будут захватывающими, а подъемы легкими. Наверное, подумала я, сеньор еще не выпил с утра свой бокал вина или осушил его только наполовину.

Во время отдыха на перевале я нарушила Первое Правило Лоры («Ни при каких обстоятельствах не ешь сладкого») и перекусила шоколадом. Но я подозреваю, что Лора не включила в свой список этих обстоятельств невроз и паранойю, тем более что в моем случае состояние было критическим. С высоты перевала я пристально разглядывала бесконечные зеленые вершины холмов, размышляя о том, что бы сделала, если бы на моем пути оказался большой, черный и глупый кабан, такой как в столовой доньи Алисии, но живой и с туловищем, который захотел бы полакомиться моим шоколадом? И тут я вспомнила, правда очень смутно, одну книгу, которая называлась «Живая природа Испании» и которую я когда-то читала. Ее автор, Эрик Робинс, пишет: «У кабанов-самцов острые, как лезвие бритвы, клыки длиной почти двадцать три сантиметра». В подтверждение этой жуткой информации в книге имелась фотография невеселого вида фотографа в момент своей неудачной попытки незаметно заснять кабана. Он прячется за деревом, в то время как сам объект съемки нападает на него. Скорее всего фотографов было двое, поскольку кто-то ведь должен был заснять кадр. Не знаю, что делал второй в момент нападения зверя с клыками длиной двадцать три сантиметра на его коллегу. Думаю, это был последний день их совместной работы.

Размышляя о том, какие сюрпризы может преподнести дикая природа, я поняла, что за минувший час мне не попались на пути ни один человек и ни одна машина. Я находилась высоко в горах, на узкой дороге, где могли обитать опасные звери. В случае нападения помощи ждать было неоткуда. Я где-то читала, что здесь, в испанских Пиренеях, до сих пор обитают один или два вида крупных медведей. Взрослый бурый медведь достигает более двух метров длиной, а весит до трехсот килограммов. Он способен развивать скорость более пятидесяти пяти километров в час. Максимальная скорость моего велосипеда — сорок восемь, и то только во время спуска. Я вешу пятьдесят пять килограммов. При встрече с медведем у меня нет никаких шансов выжить.

Несколько веков назад эти горы были опасным местом не только потому, что здесь водились кабаны и медведи. В этой части Пиренеев, совсем рядом с французской границей, шло массовое истребление этих животных благородными разбойниками, и поэтому на протяжении столетий сельские жители без особого страха бродили по горам. Когда в

⁶ Запрещенный препарат эритропоэтин, допинг.

⁷ «Сдохнуть», выдохнуться, не завершив гонку или поездку (англ.).

долинах проложили дороги, в которых так нуждались сельские жители испанских Пиренеев, им стало перемещаться намного удобнее, чего нельзя было сказать об их соседях, живших на склонах гор. Пасти овец на приграничных территориях было не так-то просто, люди едва сводили концы с концами, и единственным выходом из сложившейся ситуации была торговля. Испанцы продавали масло, фрукты, соль и орудия труда, а французы, в свою очередь, мулов, крупный рогатый скот и текстиль.

Контроль со стороны властей, а также принятые законы лишили этот простой народ, способный выживать в любых условиях, и этой возможности. Но они открыто и безбоязненно продолжили вести торговлю, как и прежде, благодаря тому, что прекрасно ориентировались в горах и знали эту территорию как свои пять пальцев. Это помогло им выжить. Иначе их ждала бы голодная смерть. Таким образом, практически все семьи в деревнях были вовлечены в нелегальную торговлю.

Королева Испании Изабелла II, находившаяся у власти в XIX веке, однажды получила прошение о королевском помиловании жителей деревни Аиса в Пиренеях, в нескольких километрах от дороги, по которой я ехала. Оказалось, что все жители обвинялись в краже партии товара с государственного склада, которая была конфискована охраной за несколько дней до подачи прошения. Местный священник обратился к королеве, написав ей письмо, в котором сообщил о том, что ни одна семья в этой деревне не была замешана в преступлении, но при этом двенадцать человек было арестовано, а остальные были вынуждены спасаться бегством во Францию. В этой деревне не осталось ни одного мужчины, поэтому некому было возделывать землю, пасти скот и кормить женщин и детей, которые были обречены на голодную смерть в случае, если исполнение смертного приговора не отсрочат. Королева рассматривала прошение священника на протяжении трех лет, и только после этого она даровала отсрочку. Вероятно, к этому времени женщины либо умерли с голоду, либо нашли себе новых мужей.

Все это рождало множество легенд, например, о благородных разбойниках и доблестных рыцарях, которые отбирали у сборщиков налогов деньги и отдавали их бедным. Их даже прославляли поэты: в 1783 году французский поэт Фредерик Сутра сочинил эпическую поэму под названием «Последний благородный разбойник» о человеке по имени Бриче из испанской деревни Эстенсан. Он был рожден вне брака, когда его мать была совсем юной девушкой. Бриче, будучи подростком, взялся за оружие, вступив в борьбу с властями. Он был также искусным соблазнителем и любовником, истинным дон-жуаном. Во имя справедливости он застрелил трех охранников и в конце концов умер, скрываясь в горах.

Несмотря на название поэмы, Бриче, конечно, не был последним благородным разбойником — существовали и многие другие благородные рыцари.

Итак, я сидела на вершине холма, грызла шоколад и со страхом думала о возможности встретить здесь медведя. Подо мной, в долине, находилась деревня Эчо, где в XIX веке жил некий Педро Брун. Высокий и мускулистый, он отличался суровым нравом. Постоянно рискуя жизнью, Педро продолжал заниматься незаконной торговлей. Именно это спасало жителей его деревни от голодной смерти. И даже суровые законы не пугали его. Бедные, забитые крестьяне боготворили Педро, а власти совсем наоборот.

О действиях Бруна стало известно далеко за пределами его деревни. Когда рассказы о его подвигах достигли Мадрида, королева не слишком этому обрадовалась. Изабелла пожелала заполучить голову храбреца и повелела оповестить всех в королевстве. Сам Педро, узнав об этом, даже бровью не повел. Он просто сел на коня и поскакал прямо к королевскому дворцу.

«Вы желаете заполучить мою голову? — спросил он Изабеллу, встав перед ней на колени. — Вот она, да еще и туловище в придачу».

Услышав его слова, королева упала в обморок. По легенде, так на нее подействовал бескорыстный поступок мужчины, преклонившего перед ней колени. Но если включить чуточку воображения, то можно догадаться об истинной причине произошедшего: конечно, Педро не один день скакал на коне, чтобы добраться до дворца, и не имел возможности

помыться в пути. Но немного нюхательной соли — и Изабелла быстро пришла в себя. Брун объяснил ей, насколько жизнь жителей его деревни зависит от незаконной торговли. Королева сжалась и простила его.

Сегодня нет нужды заниматься контрабандой, поскольку Европа теперь стала называться Объединенной. Но жители Пиренеев, похоже, не очень этому рады. В своей книге «Баски и всемирная история» Марк Курлянский приводит слова одной женщины, живущей в приграничном городе: «Раньше мы прятали маленькую бутылочку абсента „Пернод“ под одеждой и изображали на лице улыбку при виде таможенников. Теперь в этом нет необходимости». Благородные разбойники остались в прошлом, теперь они сидят дома в тапочках, рассказывают сказки о былых подвигах и страдают оттого, что их благородство никому не нужно в XXI веке. Они твердят об этом в свое собственное оправдание, когда жены укоряют их в том, что они не могут устроиться на хорошую работу или по крайней мере помочь им по дому, например помыть посуду.

Ну да ладно! Сейчас на дворе — XXI век! Забудьте о героинях комиксов «Пауэр-Герл», которые были популярны в 90-е годы, об этих девушках-воинах с оружием в руках, способных одним ударом ноги сразить своего противника. Если бы я была такой, сама смогла бы схватиться с медведем и мои ногти, покрытые матово-розовым лаком, не пострадали бы.

Я доела шоколад и начала спуск, а потом меня ожидал еще один подъем, а затем еще один спуск к Эчо, родной деревне Педро Бруна, и снова дорога пошла в гору. О черт возьми! Да для того, чтобы все это выдержать, надо быть суперженщиной! Но мои ноги с гладкой, шелковистой кожей не выдерживали такой нагрузки и болели. Если бы я была настоящей пауэр-герл и умела бить ногами, отражая удары, я не путешествовала бы на этом дурацком велосипеде. Экшн-героини не крутят педали. Они мчатся в блестящих автомобилях с откидным верхом, как девушки в фильме «Ангелы Чарли». Или, как Мишель Йео в фильме «Крадущийся тигр, затаившийся дракон», спрыгивая с крыши, отбиваются от врагов прямо в полете, используя приемы кунг-фу. Бьюсь об заклад, что героям фильма «Матрица», перемещающимся из одного измерения в другое в черной, плотно облегающей тело одежде из ПВХ, не нужно выpolаскивать одежду в раковине гостиничного номера или пользоваться средством «Трэвел уош» в перерывах между выстрелами. Было ясно одно: энтузиазм начал покидать меня.

Дорога, по которой я двигалась, казалось, была бесконечной. Я остановилась, чтобы размять натруженную спину. После пятиминутного перерыва я снова оседлала велосипед, по-прежнему чувствуя дискомфорт в спине. Я планировала заночевать в деревне Хака. Чтобы добраться до нее, нужно было преодолеть всего лишь двадцать километров, но для меня это было значительным расстоянием. Одного взгляда на меня хватило бы, чтобы понять, насколько сильной и мучительной была боль в спине и левом плече, насколько болезненно напряженной была моя правая ягодица и как стонали оба моих колена, когда я крутила педали. Если бы я действительно обращала на все это внимание, то обнаружила бы еще легкую ангину и развивающуюся язву во рту. За последние четыре дня я провела двадцать шесть часов в седле. Я была выжата как лимон.

Я сделала остановку, чтобы съесть сэндвич и выпить кока-колы. Сахар и кофеин, подумала я, помогут мне проехать последние несколько километров. Конечно, если бы я была настоящим велогонщиком, то воспользовалась бы свечами, содержащими кофеин, как это делают профессионалы. Или, еще лучше, сделала бы себе инъекцию амфетамина в брюшную полость.

Употребление допинга распространено среди профессиональных велогонщиков уже давно. «Наши белоснежные, как простыни, тела скрыты под грязью и пылью дорог, перед глазами все плывет, и каждую ночь мы пляшем, словно святой Витт, вместо того чтобы спать», — сказал велогонщик Анри Пелисье французскому журналисту Альберту Лондру в 1924 году, спустя год после своей победы в «Тур де Франс». Инсайдеры всегда были осведомлены о том, что спортсмены принимают допинг и что это было всегда, но лишь в

1998 году разразился настоящий допинговый скандал во время «Тур де Франс». За несколько дней до начала гонки на таможене франко-бельгийской границы был задержан некий бельгиец по имени Вилли Воэ, глаза которого были скрыты темными очками. Он провозил допинговые препараты, предназначенные для велогонщиков. Этих средств было достаточно для того, чтобы снабдить все команды, участвовавшие в «Тур де Франс». Воэ являлся *soigneur*⁸ одной из ведущих команд под названием «Фестина». Он организовывал питание спортсменов, следил за проведением массажа и приемом витаминов. Через несколько дней после случая на таможене полиция провела обыск в гостиничных номерах гонщиков. Были проведены аресты, и некоторые ведущие велогонщики оказались в камере, где подверглись унижительному осмотру на предмет наличия суппозиториев в их задних проходах.

Спортсмены, принимающие участие в «Тур де Франс», которым обычно рукоплескали трибуны, выглядели словно побитые собаки. Эти гонщики жили в маленьком, самими ими придуманном мире, который один из спортивных комментаторов назвал «Планета Тур», а сейчас их унизили и оскорбили и требуют от них подчинения закону, как и от всех остальных граждан. Они сидели словно обиженные дети, которые слезли со своих трехколесных велосипедов, сорвав номера со своих маек и тем самым отказавшись от участия в гонке. На этот раз в анализах амфетамины обнаружены не были, хотя их наличие в моче определяется очень легко, а на таких крупных соревнованиях, как «Тур-де-Франс», аналогичного рода препараты вообще не используют, зная о проверке на допинг. Причиной допингового скандала 1998 года, разразившегося на велогонке «Тур де Франс», стало широкое использование ЭПО. Чем больше в организме человека красных кровяных телец, тем больше кислорода по крови поступает из легких в ткани организма, тем сильнее и выносливее становится велогонщик и тем позднее наступает тот ужасный момент, когда в организме начинает образовываться молочная кислота и при этом не хватает воздуха, а ноги начинают гореть. В данном случае речь идет об анаэробном состоянии организма, когда в мышцах образуется больше вредной молочной кислоты, чем кровь может ее удалить. Если вы спринтер, который преодолевает дистанцию в сто метров, то воздействие молочной кислоты не слишком пагубно и не может серьезно повлиять на ваш результат. Но если же вы участвуете в трехнедельной гонке и крутите педали по семь часов в день, преодолевая крутые подъемы и спуски, то в вашем организме должно образовываться больше кислорода, чем то количество, которое он вырабатывает.

Многие спортсмены даже не в курсе, что кто-то из их коллег принимает ЭПО или другие препараты, улучшающие спортивный результат. Все, что их интересует, так это набранные ими очки и условия контрактов. Ничего не изменилось с тех пор, когда они были подростками и были укрыты от реального мира. Тогда, как и сейчас, для них имеют значение лишь спортивные достижения. И вот когда все стали принимать кортизон, эритропоэтин и гормоны роста, они начали делать то же самое. Честно говоря, без допинговых препаратов спортсмены просто не смогли бы продолжать гонку.

Но поймать спортсменов на приеме допинга не так-то легко, ведь их *soigneurs* всеми способами пытаются обмануть медицинскую комиссию. Проверка на наличие в организме спортсменов амфетаминов начала проводиться лишь после того, как британский велогонщик Том Симпсон умер во время преодоления горного участка Мон-Ванту «Тур де Франса» в 1967 году. В тот день стояла сорокаградусная жара. Симпсон находился почти в бреду. Первый раз он упал на конечном отрезке, почти преодолев горный подъем. Зрители бросились к нему на помощь. «Посадите меня на велосипед», — еле-еле проговорил Симпсон. Проехав еще два километра, он снова упал. Но на этот раз не смог подняться и двигаться дальше. Как показало вскрытие, в его крови были обнаружены следы амфетаминов и алкоголя. Невыносимая жара и сильное физическое напряжение во время подъемов привели к летальному исходу.

⁸ Секундант (фр.).

Контроль за употреблением допинга со временем стал более строгим, а спортсмены придумывали все более и более изощренные способы обмана. Вилли Воэ в своей книге «Разрыв цепи» описывает, как он вводил презерватив с допингом в задний проход велогонщика. В этой ситуации хитрость Вилли Воэ подходила как нельзя лучше. По утверждению Воэ, он использовал подобный метод на протяжении трех лет и ни один спортсмен не был пойман с поличным.

Первым попался Пол Киммедж, бывший профессиональный велогонщик, написавший книгу под названием «Грубая езда» о допинге в профессиональном велоспорте. В ней он рассказывал о начале гонок «Гран-при де Шодьер», или «Гран-при Боевой конь», и о том, как велогонщики забавлялись, проверяя перед гонкой карманы своих коллег на наличие шприцев. Обычно спортсмены используют амфетамины за два часа до финиша, на котором демонстрируют сногшибательные результаты. Поскольку большинство гонок длится шесть или семь часов, велогонщикам приходится везти на себе дозу с допингом. Воэ в свою очередь рассказывает, как велогонщики пришивали к внутренней стороне своих маек на уровне живота шприц, наполовину наполненный амфетаминами. Сделать инъекцию в нужный момент было проще простого.

Поэтому, когда медицинская комиссия проводит анализ на допинг с помощью гемакрита, велогонщиков и их *soigneurs* невозможно поймать с поличным. Вилли Воэ полагает, что к началу соревнований «Тур де Франс» в 1998 году приблизительно у двух третей велогонщиков были собственные приборы для допинг-контроля. Если бы кто-либо из спортсменов, за которых отвечал Воэ, был вызван на выборочную медицинскую проверку, а Воэ при этом знал, что число кровяных телец в крови спортсмена превышает норму, он поступил бы очень просто: поставил бы спортсмену подготовленную капельницу с натрием для разжижения крови, и в этом случае у него не возникло бы никаких проблем. Эта процедура заняла бы всего несколько минут, и врачи, ожидавшие выхода спортсмена из его комнаты, ничего не заподозрили бы.

Когда дело команды «Фестина» дошло до суда, Воэ заявил, что прием допинга — это обычное дело среди всех команд. Он обратил внимание на то, что даже после шести лет использования допинга, который способствовал улучшению результатов, члены команды «Фестина» не заняли ни одного призового места. Это был еще один довод в защиту команды.

Когда с появлением новых приборов были введены более жесткие меры проведения контроля на наличие в организме спортсменов ЭПО, велогонщики стали использовать гормональные коктейли, перед которыми ученые были бессильны, так как обвинить спортсмена в применении допинга можно было только при наличии объективных доказательств. Все надеялись, что после скандала, разразившегося в 1998 году во время соревнований «Тур де Франс», профессиональный велоспорт пересмотрит свое отношение к проблеме допинга, но этого не произошло. В 2001 году, когда проводилась ежегодная многодневная велогонка «Джиро д'Италия», четыреста офицеров полиции провели обыск в гостиничных номерах, где проживали спортсмены всех двадцати команд-участниц. Они нашли такое количество использованных шприцев и запрещенных препаратов, среди которых были кофеин, кортикоиды, гормоны роста, тестостерон, инсулин и сальбутанол, что ими можно было снабдить всю Колумбию и забить до отказа ее золотые медальоны.⁹ После этих обысков восходящая звезда Италии Дарио Фриго, занявший второе место в гонке, был исключен из команды, а Марко Пантани, победитель скандальной велогонки «Тур де Франс» 1998 года, был также обвинен в приеме допинга. Имена других профессиональных велогонщиков, подозреваемых в использовании запрещенных препаратов, выявляются до сих пор.

Что касается меня, то мне не довелось использовать суппозитории, в состав которых

⁹ Золотые медальоны используются для хранения наркотических средств.

входит кофеин, делать себе инъекции амфетамина и принимать курс ЭПО. Естественно, устав, я едва могла продолжать крутить педали. Голова отказывалась думать, а тело еле-еле держалось в седле. Считается, что велоспорт требует не только физических, но и умственных затрат: когда ноги отказываются крутить педали, на помощь приходит голова. Но в моем случае отказало и то и другое. Глюкоза, которая была так необходима и моей голове, и ногам, не сработала. Я пала духом и чувствовала себя совершенно опустошенной. От этого у меня все закружилось перед глазами, как во время бонка.

Каждый выступ казался мне последним, и я надеялась, что за ним покажется деревня Хака с домами песочного цвета. Но один отрезок высушенной равнины следовал за другим, а вместо желанной деревни мне попадались только безлюдные, давно покинутые развалины поселений. В этой части Испании очень много полуразрушенных, ветхих каменных зданий без крыш. Этот край настолько плодороден, что зеленая трава пробивается даже сквозь их каменные полы. Здесь никто не живет уже почти сорок лет, с момента наступления так называемого «экономического чуда 60-х годов XX века». Это произошло тогда, когда испанцы, уставшие от нужды и разрухи послевоенного периода и голодных 50-х годов, отправились в города в поисках работы и лучшей жизни. Они оставляли свои поля, бросали скот и брали с собой только самое необходимое. Со временем улицы городов наводнились сельскими жителями. Всего нескольких десятилетий хватило для того, чтобы бывшие обитатели бесчисленных деревушек и сел утратили свои корни. Из молодежи в деревне вообще никого не осталось, а из пожилых людей жили единицы, да и те впоследствии переехали в места получше.

Когда я в конце концов добралась до Хаки, моя голова так плохо соображала, что я целых полчаса искала гостиницу. С трудом выжав из себя улыбку, я спросила у администратора:

— Могу ли я остановиться у вас на две ночи?

— Да, конечно. Без проблем.

Боже, какое счастье, что завтра не надо никуда ехать и можно будет поваляться в постели, почитать газету за чашкой кофе, а может быть, выпить пива и съесть одну или две порции тапаса и дать отдых моим бедным ногам. И слава богу, что я не участвую в «Тур де Франс».

В разгар туристического сезона в Хаку стекаются толпы отдыхающих. Особенно их много в выходные дни. Забыв на время о работе, туристы устремляются в горы, спускаются в каньоны, сплавляются на плотах по горной реке, рискуя сломать себе шею. Хака привлекает своими милыми улочками, вымощенными булыжником, и знаменита благодаря кафедральному собору. Здесь много уличных торговцев, предлагающих туристам все что угодно — от сувениров и кричащих футболок до желтовато-зеленой керамической посуды, явно невысокого качества. К сожалению, все это можно увидеть здесь только летом, а я путешествовала уже осенью, и место подтянутых, спортивного телосложения, загорелых молодых отдыхающих заняли пенсионеры.

Совершенно естественно, что в той гостинице, где я остановилась, их оказалось довольно много. Рядом с дверью в ресторан висела табличка, заключенная в рамку. На ней была начертана цитата из очерка «Пиренеи», написанного в 1909 году Хилером Беллоком, имеющим отношение к правящей элите. По словам автора, эта гостиница появилась здесь довольно давно. Мистер Беллок писал: «В Хаке вы найдете гостиницу „Отель Мур“, которую я бы назвал, самой приветливой маленькой гостиницей в Европе, обслуживание в которой лучшее в Испании. Но вы покинете Хаку сразу после того, как проведете тут две ночи».

Здесь всегда было чисто убрано. Горничные фанатично следили за порядком, поэтому утром они оккупировали мой номер со своими ведрами и тряпками, в то время как я еще спала.

— Вот те раз! — сказала одна из горничных, та, у которой в руках была швабра, открыв дверь и увидев меня, распластавшуюся на кровати.

— Мм... — промычала я.

— Там кто-то лежит, — прошептала Сеньора Швабра Сеньоре Ведро, топтавшей на пороге и держащей в руках порошок «Харпик».

— Мм, — снова промычала я.

Я позволила им убраться в моем номере только через час, когда отправилась гулять по окрестностям. Вернувшись, застала их за уборкой, которой они занимались с особой тщательностью. С трудом стаскивая себя с постели, я, спотыкаясь, спустилась вниз, чтобы позавтракать. Сеньора Швабра и Сеньора Ведро уже убрались в столовой.

— Все хорошо, — спокойно сказала официантка, широко улыбаясь. — Еще не так поздно, вы почти не опоздали к завтраку.

Затем она исчезла, но через несколько минут появилась с чашкой горячего кофе и сладкой булочкой с изюмом. То, что меня по-настоящему угнетало в гостинице «Отель Мур», так это резиновый матрас и отсутствие лампочек в прикроватных светильниках. Кроме этого, мне очень не понравилось, что пришлось заплатить задаток в пятнадцать евро за пользование пультом к телевизору на тот случай, если кто-либо из моих посетителей прихватит его с собой.

Я была самым молодым постояльцем в этой гостинице, по крайней мере за последние тридцать лет. Все номера были заняты пенсионерами, которые приехали сюда целыми группами. Туристы преклонного возраста явно не отличались хорошим здоровьем. Для них это был своего рода уик-энд или пикник, который они устраивали для себя раз в год.

— Это что, коллективное путешествие? — шепотом спросила я у администратора гостиницы. — Должно быть, их человек сто.

Услышав мои слова, администратор заговорщически усмехнулась:

— Вы не далеки от истины. Здесь отдыхает группа пожилых людей из сорока девяти человек из одной деревни, которая находится недалеко от Сарагосы, другая же группа приехала откуда-то с севера. Это просто кошмар какой-то! Они вечно теряют свои вещи, ключи от номера, а еще могут запереться и никого не впустить. Вчера одна из этих милых старушек оступилась в ванной, и только через час кто-то обратил внимание на то, что ее нет.

Такие путешествия для пенсионеров популярны в Испании, так как спонсируются правительством. Это своего рода поддержка туристического бизнеса в мертвый сезон, а для пенсионеров — это подарок в виде недорогой поездки на отдых. Правительство же таким образом обеспечивает себе дополнительные голоса на выборах в лице седовласых старцев. Однако те, которых я здесь встретила, вовсе не были седыми. Женщины, по крайней мере, точно нет, потому что в Испании старушки активны и деятельны и всегда следят за собой. Они могут красить волосы в желтый, рыжий, апельсиновый и каштановый цвета. Когда все они собираются вместе, создается впечатление, что ты находишься в осеннем лесу.

Очевидно, таким образом они компенсируют мрачную цветовую гамму своих нарядов. Наверное, их никто не предупредил, что черный цвет не моден в этом сезоне, и о том, что фэшн-гуру рекомендуют яркие цвета. Передо мной сидело то поколение женщин, для которых все цвета — и коричневый, и серый, и розовый — сводились к одному черному цвету. Раньше черный цвет был в моде, но это было очень давно, в начале XIX века.

Трудно даже себе представить, как испанские вдовы обсуждают за тарелкой чоризо наряды, которые собираются взять с собой в отпуск.

— Ну что, Мария Ремидиос, ты уже решила, что возьмешь с собой из одежды в Хаку?

— Нет, Мария Хесус, не решила, но думаю, что остановлюсь на черном платье с короткими рукавами и черной шерстяной кофте на пуговицах на тот случай, если вечерами будет прохладно.

— А... А какое именно платье? Расскажи-ка поподробнее!

— Знаешь, дорогая, это то платье с черной юбкой в складку и с поясом насыщенного черного цвета. Его я надевала в прошлом году по случаю юбилея съеденного мною двухтысячного литра оливкового масла.

— О! Это то черное платье, которое ты купила в магазине Хосе «Все черное»?

— Нет-нет, дорогая, это не оно. Понимаешь, это платье я приобрела в восемьдесят

третьем году на день черных вдов, весной, когда скончался Мануэль.

При этих словах они замолкают и несколько раз крестятся.

— А как насчет туфель?

— Ну, думаю, что возьму черные.

— А, ты имеешь в виду те, которые купила в то лето, когда была на грани отчаяния из-за романа Антонио, возлюбленного Кармен, с Мартой с почты?

Пенсионеров, которые остановились в гостинице «Отель Мур», можно было увидеть практически повсюду: и в столовой, и в холле, и у стойки администратора. Они постоянно держались вместе и все время болтали, да так громко, как это бывает обычно с теми, кто плохо слышит. Они воспринимались как одно целое, и если бы пришло время покидать гостиницу, то они уехали бы всей толпой сразу, а не поодиночке. Я припоминаю, как в мой первый вечер всех погрузили в два автобуса и как человек, сопровождавший их, рассаживал старушек по местам. При этом они без умолку переговаривались. Хотя приехали сюда из разных мест, они относились друг к другу очень дружелюбно. Но, слава богу, я не имела к ним никакого отношения. Меня обуяло желание покинуть эту милую гостиницу, о которой упоминал Хилер Беллок. Устроившись за столиком тапас-бара прямо на улице, у стен кафедрального собора, я стала с аппетитом уплетать грибы, креветки, оливки, запивая все это пивом.

На следующее утро я всерьез задумалась о том, что мне требуется хороший отдых, ведь иссякли не только запасы моей энергии, но и жира тоже. Я вышла к завтраку неприлично поздно, отчего мне стало даже немного стыдно. После завтрака в течение нескольких счастливых часов я безмятежно гуляла по улицам Хаки, которых оказалось всего пять. Я обошла кучу самых разных магазинчиков, потом зашла в книжную лавку, а затем в еще один очень странный магазин спортивной одежды. Потом пришло время заказать чашечку кофе, которую я с удовольствием выпила, устроившись на солнце и заев большой долькой кислого яблока. Еще немного погуляв, я пополнила запас углеводов, заказав пиво, сыр и поджаренную ветчину. После этого я уселась на террасе кафе почитать газету.

Затем я стала ломать голову над тем, чем здесь можно заняться в оставшееся у меня время. Вариантов было немного: во-первых, можно было посидеть в интернет-кафе, но там было полным-полно детей, поскольку оно располагалось в игровом центре. Во-вторых, можно побродить по магазинам, которых здесь не так много, лицезрея по большей части снаряжение для скалолазов. И в-третьих, можно снова и снова бродить по одним и тем же пяти улицам Хаки, пока полицейский не обратит на вас внимание и не начнет смотреть на вас с подозрением. Я прямо уже вижу, как он подходит ко мне и говорит:

— Простите, сеньорита, но я уже в шестой раз за сегодняшний день наблюдаю вас на этой ничем не примечательной улочке. Неужели вам интересно перечитывать одни и те же избитые шутки, написанные на этих безвкусных керамических кувшинах оливкового цвета, заглядывая в одни и те же пыльные витрины? Сейчас, сеньорита, время сиесты. Приличные люди не бродят по улицам в это время. Почему бы вам не вернуться в гостиницу, в которой вы остановились?

Время тянулось очень медленно. Я еще немного почитала книгу, потом еще чуть-чуть погуляла. К семи часам я уже проголодалась, но мне надо было продержаться по крайней мере до половины девятого, чтобы съесть свой заслуженный ужин, потому что здесь принято ужинать именно в это время, и владельцы здешних ресторанов не нарушают эту традицию. Я пыталась убить время, сидя в моем гостиничном номере за просмотром телесериала «Лоис и Кларк: Приключения Супермена». Я очень быстро пристрастилась к нему и стала смотреть его каждый вечер. В сегодняшней серии отец Джимми был разоблачен, хотя здесь его имя произносится по-другому, а именно Чими. Джимми — это молодой человек, работающий журналистом в газете, отец которого оказывается отъявленным мошенником. Но в этот момент, как раз вовремя, появляется Супермен по имени Кларк, который, естественно, спасает мир. Все это было так захватывающе, что я на время забыла об ужине.

В итоге я сдалась и пошла есть: заказала себе тушеного кролика с грибами, собранными где-то здесь в горах. Это блюдо было вкусным, но мяса было явно мало, к тому же в нем попадались мелкие косточки. Это стало последней каплей, и я окончательно решила уехать из Хаки. Теперь я поняла, насколько прав был мистер Беллок, утверждая, что через день или два отсюда захочется сбежать. Возможно, ему повезло так же, как и мне: он бесцельно бродил по тем же улицам, вымощенным булыжником, и заходил в те же самые магазины, заваленные одеждой, которая считалась модной в 1909 году, а именно шерстяными гольфами и практичными теплыми куртками из твида на случай холодной погоды. Единственное, что не мог сделать мистер Беллок, так это зайти в интернет-кафе и проверить электронную почту.

Глава 7

Полезные ископаемые — какая же это скука!

Многие относятся к этому как к обману, я же считаю просто хитроумной уловкой. Дело в том, что по всем срокам я должна была добраться до Барселоны к воскресенью. Еще до отъезда мои родители сказали мне, что периодически будут справляться обо мне, чтобы удостовериться, что я жива и здорова, что меня не похитил какой-нибудь бородатый мужчина, живущий в горах, и что я до сих пор не поломала себе ноги.

Мама была обеспокоена моим путешествием с самого начала. Ее волновало абсолютно все: где буду жить, забронировала ли заранее номер, сколько взяла с собой нижнего белья, не стану ли жертвой огромного медведя, с которым вряд ли я могла здесь встретиться. Я попыталась успокоить ее, сказав, что у меня с собой будет мобильный телефон и что она сможет позвонить мне в любой момент. И, естественно, она позвонила. Резкий телефонный звонок, доносившийся из сумки, висевшей на руле велосипеда, застал меня на вершине горы, где я оказалась после мучительного подъема по кругу, вверх и по кругу. В этот момент, безумно довольная собой, я осматривала покоренные мною вершины, оставшиеся внизу. Телефон звонил так требовательно, что при каждом вызове сумка дергалась, как будто в горах началось землетрясение. На самом деле все было гораздо проще — это звонила мама.

Уже была среда. Оказаться в Барселоне вовремя я могла бы только в случае, если бы преодолела расстояние двух последующих дней пути за один, а затем пересела бы на автобус, идущий по бесконечным равнинам Центральной Каталонии. Интересно, подумала я, сто километров в день через горы — это слишком? Конечно, вопрос был риторическим, и в ответ я могла лишь только грубо выругаться.

Единственным выходом было подойти к уже знакомому мне администратору в гостинице и тихо, чтобы никто не услышал, попросить вызвать мне такси.

Первые тридцать километров пути обещали быть утомительными. Всю дорогу мы двигались по однообразному, одинаково ровному шоссе, то и дело встречая на пути грохочущие грузовики или пропуская мчащиеся мимо нас со свистом автомобили. Конечно, было бы приятнее преследовать их в автомобиле с кондиционером. Водитель такси оказался приятным и вежливым человеком, который явно заинтересовался моим путешествием. Я поделилась с ним, что еду в Аинсу.

— В Аинсу? — вздохнул он. — Но чтобы добраться до Аинсы, вам надо преодолеть перевал Котефабло.

Я достала карту. Действительно, там был отмечен перевал Котефабло, примерно в десяти километрах от Биескаса, где я и попросила меня высадить.

— Да, верно! — кивнула я радостно.

— *Madre!* ¹⁰ — выругался таксист. — Это очень серьезный перевал, он под силу только супергонщикам.

¹⁰ Мать твою! (*исп.*)

При этих словах мне стало не по себе. Что же собой представляют эти супергонщики? Кем бы они ни были, я точно не имела к ним никакого отношения. Мы свернули с дороги.

— Так вот же он, Котефабло!

В ответ водитель радостно замахал руками, указывая направо, в сторону перевала, совсем забыв, что сидит за рулем. Гора вздымалась как огромный исполин, и хотя ее вершину окутывал туман, было понятно, что это по-настоящему высокая гора. Я стала нервно пересчитывать бананы, озаботившись тем, насколько мне их хватит.

— О, не расстраивайтесь! — начал успокаивать меня водитель, который, казалось, не скрывал своей радости. — Участки, которые ведут вверх, составляют две трети от всего пути к вершине, а перевалы, которые вам придется преодолеть в последующие несколько дней по дороге к Сорту, в полтора раза выше, чем Котефабло.

Слава богу, мы добрались до Биескаса прежде, чем он успел порадовать меня еще кое-чем. Стараясь думать только о приятном, я равномерно распределила запасы бананов и стала медленно и монотонно крутить педали. Через какое-то время сделала остановку, чтобы съесть первый банан. Затем всего за десять минут я добралась до вершины без особых усилий. Из меня получился бы настоящий супергонщик!

А дальше все складывалось просто замечательно: после вершины Котефабло дорога шла все время вниз. Причем я мчалась с такой огромной скоростью, о которой до настоящего момента могла только мечтать. Я даже отпустила тормоза, чтобы дать рукам немного отдохнуть. Обычно спуск с горы мне не очень удавался. Слабым утешением служило то, что это была не только моя проблема. Известно, например, что чемпион мира Джанни Буньо испытывал дискомфорт, мчась с горы, и, чтобы успокоиться, напевал что-нибудь из Моцарта. Тем не менее у него имелись серьезные причины для боязни. Велопрофи развивают довольно большую скорость во время спуска. Поскольку они едут очень плотной группой, то опасность столкновения и падения очень велика, если кто-нибудь потеряет равновесие. Иногда это заканчивается трагически. В 1995 году во время «Тур де Франс» олимпийский чемпион Фабио Казартелли погиб, спускаясь на огромной скорости с вершины Коль-де-Порте-д'Аспе в Пиренеях. Он упал, еще некоторое время летел вниз, ударяясь о горные выступы, и в итоге врезался в бетонное ограждение, сильно ударившись головой. И это был не единственный случай. В 1935 году испанский спортсмен Франческо Сепеда упал в ущелье в Альпах.

Слава богу, со мной ничего такого не приключилось. Хотя во время спуска от набранной скорости мои контактные линзы выпали и прилипли к стеклам солнцезащитных очков. Это была самая крупная неприятность. Но, несмотря на это, я стала чувствовать себя увереннее. Теперь меня охватывала радость от осознания того, как я лихо управляю велосипедом, выписывая круги, словно на «американских горках», и делая резкие опасные повороты. Я громко кричала при этом от восторга еще и потому, что смогла преодолеть свои комплексы и открыть в себе способность к велогероизму. Я даже сочинила лирические строки.

Я почти там, о да, о да, о да, о да!

Я почти у цели, о да, о да! —

вопила я что было мочи, хотя это не очень походило на песню.

— Осторожно, я еду! — орала я, делая последний резкий поворот на большой скорости. И вот, довольная собой, я прибыла в Аинсу вовремя — к обеду.

Аинса — это место, которое не особо привлекает туристов. Построенная здесь крепость датируется XI веком, а еще тут находится прелестная церковь XVII века с большими колоколами из бронзы, издающими мощный, оглушительный звон. Было приложено немало усилий, чтобы восстановить этот ныне красивый город. Улицы, вымощенные булыжником, выглядят такими чистыми, что становится как-то не по себе. Повсюду можно увидеть

каменные дома с балконными решетками из кованого железа, обвитыми чудесными цветущими бегониями. Но, вот незадача, в старом квартале Аинсы нет ни души, словно в пустой ракушке. Неужели кто-то проклял эти чистые улицы, вымощенные булыжником, и эти свежие розовые цветы? Картина резко меняется, когда спускаешься вниз по холму и оказываешься в менее очаровательном новом городе. На улицах полно народу. С наступлением вечера, когда вся Испания выходит на улицы города на прогулку, старый квартал по-прежнему остается безлюдным, как и в XI веке, когда рыцари, обороняясь, нанимали лучников, которые стреляли, стоя на крепостном валу. Туристы, некогда приезжавшие сюда на автобусах большими группами, покинули это место раз и навсегда.

Когда добралась до местной маленькой гостиницы, где я забронировала номер, дверь ее оказалась заперта. Хотя, по правде говоря, было время обеда, и, возможно, по этой причине хозяева и отлучились. Я тоже решила пойти поискать заведение, где можно пообедать. Едва уселась за столик открытого кафе, находящегося на прекрасно отреставрированной площади Майер, как подошедшая ко мне официантка поморщилась. У велосипеда сорвалась цепь, поэтому мои ногти были испачканы черной маслянистой жижей. Конечно, мой вид не отличался аккуратностью, как хотелось бы, но зачем же так явно было проявлять свое неудовольствие. Я попыталась вежливо выяснить, где тут туалет, но официантка, оборвав меня на полуслове, надменно ответила: «Наверху!»

Еда в этом кафе была вкусной, но цены явно завышенными. Я выбрала блюдо под названием «Пиренейский набор», которое как нельзя лучше подходит для туриста, если таковые еще остались здесь. В этот набор входили два вида отбивных котлет, колбаса, ветчина, грибы, картофель и салат. Отдельно я заплатила за хлеб и за бутылку воды, которую специально попросила не открывать.

После ужина я заметно подобрела и отправилась в гостиницу сытая и довольная. Подойдя, обнаружила, что дверь уже открыта, но внутри по-прежнему никого не было. Осмотревшись, я громко и уверенно крикнула по-испански: «Привет!» В конце коридора тихо щелкнул замок. Я решила, что хозяева, должно быть, еще отдыхают после обеда, села на пороге у входа и открыла книгу. Через одну или две минуты дверь спальни зашкрипела, появилась уборщица. Конечно, она заключила, что я уже давно удалилась, и как же мне повезло, что я застала ее и смогла объяснить, что у меня здесь забронирован номер.

— Мне об этом ничего неизвестно, — сердито буркнула уборщица. — Вам надо поговорить с Розой.

— А где ее найти?

— О, она еще обедает. Подождите немного. — Женщина направилась к двери.

— А вы еще увидите с Розой? — задала я ей вдогонку вопрос со слабой надеждой в голосе.

— Скорее всего, нет. Я сама сейчас иду обедать. Я еще не ела.

Это все, что я от нее услышала.

— Чтоб тебе приснился кошмар во время сиесты! — проворчала я, когда уборщица ушла, и мысленно пожелала ей провести остаток дней за стиркой чужого грязного постельного белья.

Усевшись поудобнее, достала из сумки телефон и набрала номер гостиницы, но никто не брал трубку. Только с десятой попытки на мой звонок ответил пожилой мужчина. Я объяснила, что у меня здесь забронирован номер и что жду на улице.

— О! А я сверху наблюдаю за вами уже целую вечность. Мне было интересно, что вы там делали.

Помимо туповатых хозяев гостиниц, бестолковых уборщиц и злющих официантов этот город был наводнен туристами по большей части пенсионного возраста, которые, очевидно, приехали сюда отдохнуть на недельку-другую. И еще здесь можно было встретить группки скучающих школьников с их вечно чем-то обеспокоенными учителями. Дети совсем не вызвали у меня симпатии, но я решила, что к ним надо относиться снисходительно, поскольку Аинса не самое лучшее место для отдыха.

Я отправилась в музей.

На двери висела табличка: «Открыто».

— Мы не работаем! — сказала женщина, сидевшая за письменным столом. — Однако, если хотите, можете посмотреть коллекцию полезных ископаемых. Это стоит один евро пятьдесят центов.

Я отказалась. На городской площади было полным-полно таких экспонатов, и я могла бесплатно наблюдать за тем, как они едят мороженое.

Подняться на колокольню церкви стоило всего шестьдесят центов, но это потребовало от меня огромных физических затрат. Я пристроилась на крутой и узкой лестнице, чтобы сфотографировать впечатляющие бронзовые колокола как раз в тот момент, когда они начали звонить. Я чуть было не грохнулась с лестницы и поэтому решила спуститься.

Вход в самую церковь оказался бесплатным. Если у вас есть лишние деньги, то вы можете пожертвовать один евро на храм и послушать скрипучую пятиминутную запись григорианского пения. Но получилось так, что один из посетителей опередил меня, и я не потратила ни цента. Затем спустилась в склеп. Его украшали древние мусульманские колонны и арки. После того как христиане свергли мавров и вытеснили их обратно в Африку, они построили массу церквей на месте мечетей. По дороге в Севилью я встречу не одну такую церковь и познакомлюсь с ними более подробно. Ну а пока единственное, что мне бросилось в глаза, так это арки, которые действительно впечатляют.

Следующим пунктом моего маршрута стоял Музей прикладного искусства. Вход в него стоил два евро пятьдесят центов, о чем я вычитала в одном из путеводителей. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что здесь не увидишь ничего, кроме коллекции деревянных орудий труда и прялок. Возможно, я отношусь к подобным музеям по-обывательски, и, вероятно, прялки заслуживают большего внимания, чем уделяю я, но мне удалось повидать их столько за время путешествия, что я теперь знаю о них практически все. Итак, я сэкономила и на этом музее и решила пойти по дороге, ведущей вниз, к новым кварталам города, где поспешила купить свежую газету и пополнить запас бананов.

На пути мне снова встретились группка скучающих подростков, с обреченным видом ожидавших свой автобус. Ни учителя, ни водителя видно не было. Дети, очевидно, уже давно должны были вернуться домой к своим скейтбордам и компьютерным играм. Они, судя по всему, устали наслаждаться видом полезных ископаемых и прялок и теперь, ожидая отправки, не знали, чем заполнить оставшееся время, и не нашли ничего лучше, чем бросаться камнями в дорожный указатель. Возвращаясь, я застала их на прежнем месте. К счастью, дорожный указатель пострадал незначительно.

Новый город мне понравился больше, чем старый. Он был наполнен шумными, но дружелюбными и вежливыми людьми. Когда я прогуливалась по торговым рядам, рассматривая спортивные товары, ко мне обратился один из продавцов:

— Могу я вам помочь, сеньорита?

Он оказался очень привлекательным мужчиной спортивного телосложения.

К сожалению, наш разговор не имел продолжения, поскольку я не планировала покупать что-либо. Мои сумки и так были набиты до отказа. Я неохотно вернулась в старый город и на пустой площади Майер купила себе дорогого пива. Погода соответствовала моему настроению: начинался мелкий моросящий дождь, и мне пришлось вернуться в гостиницу, где ничего не оставалось делать, как смотреть сериал «Лоис и Кларк» до самого обеда.

Ровно в девять вечера я отправилась в единственный приемлемый по ценам ресторан, о чем свидетельствовало меню, вывешенное на двери. К тому же это место в старом городе было особенно оживленным, и это стало определяющей причиной моего выбора. На самом деле в тот день по телевизору показывали футбольный матч с участием команды «Реал Мадрид». Любовь испанцев к тапасу ничто по сравнению с их страстью к футболу. «Реал Мадрид» — это одна из тех команд, которая доводит своих фанатов до безумия. К сожалению, и для болельщиков, и для футболистов этот сезон сложился крайне неудачно. В тот самый вечер они показали плохую игру в матче с испанским клубом «Лас-Пальмас».

Естественно, футбольные болельщики Аинсы пребывали в мрачном настроении, приняв близко к сердцу проигрыш мадридского «Реала».

— У вас есть свободный столик? — спросила я у мужчины за барной стойкой.

Однако он неотрывно смотрел на экран телевизора — в этот самый момент «Реал Мадрид» отражал атаку.

— Мы сейчас не обслуживаем клиентов, — пробормотал он, даже не глядя в мою сторону и показывая всем своим видом, насколько неуместным и глупым был мой вопрос.

В итоге он вынес порцию холодной чоризо, которая к тому же была жирной, и метнул в мою сторону под аккомпанемент улюлюканий, которые издавали болельщики, увлеченные красивой игрой. Я еле успела поймать тарелку. В качестве утешительного приза купила себе большую бутылку вина «Риоха» навынос. Прокравшись в гостиничный номер и усевшись у телевизора с пультом в руке, я стала с жадностью пить вино из стакана, который нашла в ванной. Я старалась пить быстро, чтобы никто ненароком не увидел меня. На часах без пяти десять — время прогноза погоды: это был для меня один из самых неприятных моментов в течение всего дня, потому что, путешествуя под открытым небом, я полностью зависела от того, каким будет завтрашний день.

Глава 8

Донья Пилар и ее очень большой сэндвич

«Бах-бах-бах-бах-бах» — и вот я снова кручу педали велосипеда. Передо мной центральная площадь Майор в Аинсе. Здесь царят идеальная чистота и порядок, которые, однако, не делают этот город приветливее и теплее. Мне захотелось поскорее убраться отсюда, поэтому я встала рано и поспешила проглотить чашку кофе с круассаном, что оказалось не так просто. В этот ранний час был открыт всего лишь один бар. Бармен, у которого я попросила чашку черного кофе и пирожное, был погружен в чтение газеты и, кажется, не заметил меня.

— *Madre de Dios!*¹¹ Откуда ты такая взялась? — произнес он удивленно, не ожидая увидеть у себя посетителя в спортивной экипировке, да еще и в такой ранний час.

В это время бар могли посещать только туристы, да и те уже уехали на автобусах в музей прялок, которым так гордились жители Аинсы.

На дороге велись строительные работы, и первые тридцать километров пути я то и дело подпрыгивала в седле велосипеда. Шум стоял неимоверный: повсюду стучали отбойные молотки и гудела дорожная техника «Джей-си-би». Всего несколько дней тому назад здесь слышались стук дятла и тихое ржание диких лошадей, а теперь вместо хрюкающих поросят и испуганных блеющих овец все пространство заполнили рабочие в громоздких желтых касках, на лицах которых играла злобная усмешка.

Дороги в этой части Арагона всегда оставляли желать лучшего, тем более что в годы Гражданской войны в Испании тут проходили кровопролитные бои, в которых принимал участие и английский писатель Джордж Оруэлл, ставший мишенью снайпера. Он получил тяжелое ранение в шею и на машине «скорой помощи» был доставлен в больницу испанского города Барбастро, в пятидесяти километрах южнее Аинсы.

В своей книге «Памяти Каталонии», изданной после всех этих событий, Оруэлл писал: «Ну здесь и дороги! Те, кто был ранен на войне, знают, что если задеты рука или нога, то это пустяк по сравнению с ранением в живот. В этом случае ничего хорошего ожидать не приходилось. Истекающему кровью раненому не под силу выдержать бесконечную тряску по дорогам, измученным войной».

Оруэлл был яростным противником троцкистов. Вступив в ряды ополченцев Рабочей партии марксистского единства, он, как и все остальные члены этой партии, выступал против

¹¹ Матерь Божия! (исп.)

националистических сил, руководимых Франко. В книге Оруэлла фашистская армия — это всего лишь жалкое сборище замызганных, завшивевших людишек в изношенной форме с допотопным оружием в руках, бредущих по дороге, словно стадо овец, в сопровождении прихрамывающих собак, якобы приносящих им удачу. По словам Оруэлла, в их отряде тоже была похожая собака с клеймом РПМЕ. Это бедное животное, чувствуя свою ущербность, всегда держалось поодаль. Настоящим бедствием для фашистских солдат, проводящих большую часть времени в окопах и состоящих в основном из пятнадцати- или шестнадцатилетних юнцов, были холод, крысы и вши, которые «чем-то напоминали крошечных омаров, поселившихся на вашей одежде». Крысы, на которых насмотрелся Оруэлл за годы войны, были огромными и жирными, некоторые даже размером с кошку. Ему не раз приходилось отгонять их от себя, когда он укладывался спать прямо в окопе. (Эти тяжелые воспоминания подтолкнули Оруэлла на написание произведения «1984», в котором рассказывается о комнате номер 101, комнате пыток, где его герой по имени Уинстон Смит сталкивается с самыми жуткими для себя страхами, то есть с крысами.) Время от времени повстанцы, среди которых был и Оруэлл, откладывали в сторону свое допотопное оружие и брали в руки мегафон. Своими обращениями к фашистским солдатам, чьи траншеи находились на расстоянии нескольких сотен метров от них, они пытались сломить их моральный дух: «Ей вы, поджаренные тосты с маслом! Мы скоро вас подрумяним на огне и съедем!»

Хотя откуда было взяться в то время тостам с маслом! Что касается меня, то мне повезло гораздо больше, ведь я не застала то время, когда люди покупали продукты по карточкам. И простого тоста с маслом на завтрак мне мало, поэтому я остановилась в маленькой деревушке и съела огромный сэндвич с сыром и помидорами в одном захудалом кафе. У барной стойки в клубах табачного дыма стояла группа пожилых мужчин. На полу валялось много окурков. По-видимому, они обсуждали что-то очень для них важное.

— Добрый день, Иисус!

— И тебе того же, Ангел!

— Что это с тобой случилось этим утром? Ты даже не зашел к Габриэлю в восемь часов, чтобы пропустить стаканчик-другой. На тебя это не похоже.

— Представляешь, я потерял свою ермолку! Кто бы мог подумать! И я не мог уйти из дома.

— *Que sono!* ¹²

Они продолжали курить сигареты марки «Дукадос», сопя и одновременно прихлебывая жутко дешевое вино.

— Ну ладно, до встречи в парке в три часа. Будем сидеть и наблюдать, как всегда.

— О да, это место что надо. Я постараюсь быть там.

Наступила продолжительная пауза, во время которой они стали сопеть еще громче.

— А вот Игнасио приглашает посидеть и понаблюдать в сквер в полшестого, а может, пропустим по стаканчику у Аурелио во время сиесты, а потом пойдем прямо туда.

Что-то в этом роде я подслушала, сидя в баре.

Я продолжила свое путешествие и поднялась на вершину Коль-де-Фадес высотой тысяча пятьсот метров. По мере того как удалялась от тех мест, где когда-то шли военные действия, звуки, издаваемые пневматическими молотками, напоминавшие грохот канонады, становились все тише и тише. Наконец вокруг воцарились полная тишина и покой.

Дорога вдоль горного хребта заняла у меня чуть больше часа. Я была в полном восторге от ярких осенних красок. Оказавшись по другую сторону горного перевала, увидела крошечные деревеньки с домами песочного цвета, разбросанными высоко в горах. Этих домов было немного, около десяти или пятнадцати, из их окон виднелись только горы,

¹² Здесь: Кошмар! (исп.)

которые невозможно окинуть одним взглядом. Над этими строениями возвышались лишь колокольни церквей.

Возможно, именно эти пейзажи вдохновляли Гойю. Так появились его известные творения на тему сельской жизни. Франсиско де Гойя был родом из Арагоны. Он родился в 1746 году на юге этой провинции, недалеко от Сарагосы. Еще при жизни был признан одним из величайших испанских художников. Большую часть времени Гойя провел в Мадриде, но всю жизнь оставался верен своим корням — народу и родному городу, а также королю и Испании. Находясь в Мадриде, он вел переписку со своим другом по имени Мартин Сапатер. В письмах Гойя часто просил его прислать ему шоколада и нуги из Арагона, по которым сильно тосковал.

Поскольку Гойя был придворным живописцем Карла III и Карла IV, среди его работ много парадных портретов королей, королев и герцогов. Но к концу жизни в его коллекции появились картины, изображающие простых людей, к которым Гойя и сам относился. Изначально его не звали Франсиско де Гойя. При рождении он получил фамилию Гойя. Де Гойя он стал гораздо позже, пытаясь тем самым доказать, что он не красномордая деревенщина, как все о нем думали, а потомок знатного рода. С раннего детства он очень хотел прославиться. Будучи чересчур высокомерным молодым выскочкой из провинции, Франсиско любил поспорить в силу взрывного характера. До сорока лет он ждал должности придворного художника, а долгожданную должность первого живописца получил еще позже. Портретное сходство его картин с оригиналами было поразительным, что могло сыграть с ним злую шутку, ведь Карл III и Карл IV были невероятно уродливы и могли отнестись к творениям Гойи как к оскорблению. Поначалу на портретах Гойя изображал их в неуклюжей позе и награждал носом картошкой и глупой ухмылкой, забывая при этом дорисовать подбородок. На более поздних портретах мы видим обрюзгшее тело, круглое лицо с толстыми красными щеками, надменный взгляд безжизненно холодных голубых глаз. Но это не обижало королей, даже нравилось им. Но все-таки недовольные были, например герцог Веллингтон. Он пользовался большим авторитетом при королевском дворе после победы над французами, которую одержал во время войны на Пиренейском полуострове, выдворив их из Испании. Гойя изобразил Веллингтона холодным, высокомерным и надменным. Герцог был оскорблен этим до глубины души, и ходили слухи, что художник и герцог чуть не подрались из-за портрета прямо в мастерской Гойи. Но Гойе повезло, что этого не произошло. Ему было почти семьдесят, он был уже глухим и дряхлым стариком, а Веллингтон очень хорошо умел драться.

Несмотря на то что подобная ситуация могла повториться, Гойя не спешил отказываться от должности придворного художника. Карьера и положение в обществе много значили для него, поэтому он даже купил себе позолоченную двухколесную карету. Таких карет было всего четыре в городе, и кататься в ней по Мадриду доставляло ему огромное удовольствие. Затем Гойя поменял эту карету на четырехколесную. Это случилось после того, как он однажды чуть не задавил одного прохожего. Когда же в его доме остановилась семья брата, он специально для них купил двух мулов, чтобы они могли на них передвигаться. При этом ему было даже страшно представить, что окружающие решат, что он купил этих мулов для себя. Это страшно унизило бы его в глазах других.

К тому же у Гойи был роман с самой желанной и пленительной женщиной того времени, герцогиней Альба, что еще больше возвысило его в глазах окружающих. Все мужчины падали в ноги герцогине, потому что она меняла туфельки каждый день. Тогда женщины только-только стали открывать свои ноги и носить пышные юбки немного короче. Раньше это было запрещено этикетом. Давайте на время оставим герцогиню Альба и поговорим о ее несчастливой судьбе чуть позже, когда окажемся на юге Испании, в поместье Санлукар-де-Баррамеда, где молодой Гойя соблазнил барышню знатного рода, которой была когда-то герцогиня Альба, в тени виноградников, именно там, откуда родом херес.

В тот вечер я остановилась в крошечной деревне под названием Бонанса, но чтобы

добраться до нее, целых четыре километра поднималась по склону горы, свернув с главной дороги. Бонанса — это милая, но очень-очень маленькая деревушка, и если вы решите остановиться здесь на пару дней, то не забудьте прихватить с собой хорошую книгу. Хозяйка дома, где я остановилась, донья Пилар, относилась с подозрением ко всем новым людям не только в своей деревне, но и к тем, кто жил на расстоянии двадцати километров отсюда, поэтому, когда я решила заблокировать колеса велосипеда, она заорала:

— Кому нужен ваш велосипед?! Здесь никто вообще не ездит на велосипедах!

Общаться с ней после таких слов у меня совсем пропало желание. Донья Пилар ходила неестественно большими шагами, при этом искоса поглядывала на меня. Ее темно-коричневый свитер был явно связан ею самой, хотя она занималась не только домашней работой. Жителям этой маленькой деревушки приходилось обходиться во всем своими силами. Например, вечером я увидела, как донья Пилар мужественно тащила на плече тяжелый мешок с дровами. По-видимому, она сама их нарубила. Я сделала этот вывод, глядя на ее сильные, крепкие руки.

— Oooaarreeeiahrrooioiierrrr? — спросила меня донья Пилар.

Я попросила ее еще раз повторить вопрос, извиняясь за свой не очень хороший испанский.

Она повторила еще громче, прищулив при этом глаза и посмотрев на меня с еще большей подозрительностью. К счастью, перебирая вещи в своих сумках, я вспомнила про Вавилонскую рыбку,¹³ которая сообщила мне, что донья Пилар никогда не была в Сорте, в сравнительно большом городе всего в семидесяти пяти километрах отсюда. Мне страшно даже представить, что бы сделала донья Пилар, если бы она узнала, что я приехала из другой страны. С помощью Вавилонской рыбки я поняла, что она спросила меня о том, где я планирую пообедать. Но ее акцент был настолько ужасным, что я могла различить только какие-то отдельные гласные звуки, перемежающиеся с вибрирующим звуком «г». Когда она говорила, я вся напрягалась, чтобы понять, чего она от меня хочет. Она повторяла непонятные мне фразы, проговаривая их все громче и громче. Наконец я поняла, что она сказала: «В Бонансе есть бар и ресторан, но они сейчас закрыты на ремонт». Я не стала выяснять подробности, ведь и так было понятно, что и бар, и ресторан несут из-за этого большие убытки.

— Да, понятно, — ответила я.

Донья Пилар ничего не сказала в ответ.

— Да, вы правы, — сказала я и многозначительно замолчала.

Молчание затянулось. Донья Пилар снова прищурила глаза и изучающе посмотрела на меня. Ну да ладно. Мне совсем не хотелось опять садиться на велосипед и подниматься по склонам в очередной раз, и уж тем более мне не хотелось идти вверх пешком. Поскольку донья Пилар не догадалась предложить мне поесть, я была вынуждена попросить ее об этом сама.

— Вы не могли бы приготовить мне что-нибудь простенькое на ужин?

— Oooiiiiaarrrrrrrhhaaaeeeeeoooouuuiiiieeer?

— Ну, хотя бы сэндвич?

— Iaaarrriiiuuurrr?

— Я съем все, что вы мне предложите. У вас есть сыр или кусок ветчины?

— Oooiiiirrraaaaahhhiirrr?

Итак, на ужин я получила самый большой сэндвич, который когда-либо видела в своей жизни. В конце концов бедная женщина перестала делать какие-либо попытки вести со мной беседу и просто принесла из холодильника все, что там было, и сделала мне сэндвич из сыра, ветчины, помидоров и из всего того, что осталось от вчерашнего обеда. Это был сэндвич

¹³ Вавилонская рыбка (*англ.* Babel fish) — вымышленное существо из серии фантастических произведений английского писателя Дугласа Адамса, известных под общим названием «Автостопом по Галактике».

чудовищных размеров. Он одержал надо мной победу. Я съела только половину, а вторую аккуратно завернула в фольгу и спрятала в мусорном ведре в ванной.

На верхнем этаже дома располагались несколько смежных двухместных спален. Они имели выход в гостиную с диваном, креслами и телевизором. К счастью, мне повезло, ведь я оказалась одним-единственным постояльцем. Хотя в Бонансе всегда мало туристов. Из окон, доходящих до самого пола, открывался вид на горы и поля. Отсюда было хорошо слышно мычание коров и блеяние овец. Они задавали тон всему симфоническому оркестру животных Бонансы. Бэк-вокал был представлен гармоничным воркованием, которое издавали лесные голуби вяхири. Инструментальным сопровождением служили мягкие звуки звякающих колокольчиков, висящих на шее у коров, а на ударных играли дятлы. Вся эта какофония звуков чем-то напоминала мне набор гласных и согласных, издаваемых доньей Пилар.

Я с удовольствием уселась в персональной гостиной и стала слушать музыкальный концерт, дополнением к которому являлось мое громкое чавканье, так как я ела сэндвич и увлеченно читала автобиографию Лэнса Армстронга под названием «Это не про велосипед». Лэнс становился победителем гонки «Тур де Франс» несколько лет подряд. Незадолго до его первой победы ему поставили диагноз — рак яичек. Это стало сенсацией. Когда болезнь была обнаружена, метастазы уже распространились в легкие и головной мозг. Химиотерапия и операция на головном мозге могли поставить крест на его спортивной карьере (и, вероятно, привести к летальному исходу), но случилось чудо, и рак отступил. Лэнс Армстронг вернулся в мир спорта, что было совершенно невероятно. Это произошло как раз в нужное время, когда велоспорту по-настоящему не хватало этого голубоглазого молодого спортсмена. Первая гонка Лэнса, которую он выиграл, прошла в 1999 году, после допингового скандала, разразившегося в 1998-м. Тогда несколько велогонщиков, менеджеров и *soigneurs* оказались в тюремных камерах.

Это из книги я узнала о жизни Лэнса и о его болезни. Между прочим, в детстве он занимался теннисом, а уже в подростковом возрасте гонял на велосипеде в центре Далласа, лихо пролетая на красный свет светофора. Повзрослев, на огромной скорости с легкостью стал преодолевать головокружительные горные подъемы и спуски, что было очень опасно. Слабым, но все-таки утешением послужили для меня откровения Лэнса о том, как нелегко ему давались подъемы и сколько болячек и шишек в прямом смысле слова ему пришлось набить на пути к славе. Честно говоря, я не ожидала, что у меня и такого крепкого и выносливого велогонщика может быть так много общего. Но представить себе Лэнса, сидящего на вершине горы с бананом в руке, мне было все-таки сложно, так же как, впрочем, и себя на верхней ступени пьедестала почета «Тур де Франс», к чему, по правде говоря, я не особенно и стремилась, хотя мне уже начинало казаться, что я все больше и больше становлюсь похожей на самого настоящего велогонщика, эдакого гончего пса с яркими подпалинами, словно поджаренными на солнце, преследующего дичь до полного изнеможения. Согласитесь, не самый привлекательный образ.

Несмотря на огромное количество солнцезащитного крема, которое я извела за время своего путешествия, мой загар оставлял желать лучшего, особенно на ногах и руках. Кисти рук совершенно не загорели и были молочно-белого цвета. Но благодаря прорезям в перчатках на руках образовались пятна устрашающего коричневого цвета. Что касается лица, так от него остался только один нос — нос велогонщика. Я худела день ото дня. И даже огромный сэндвич доньи Пилар не стал для меня спасением.

Глава 9

Кто выпустил собак?

Когда король Франции Людовик XIV воскликнул: «Нет более Пиренеев!», он имел в виду совсем другое. Ведь шел 1700 год — год, когда династия Бурбонов отвоевала себе испанскую корону. И Пиренеи совсем не интересовали короля как место возможных велосипедных прогулок. Трудно себе представить французского монарха в седле с

крошечной корзинкой на багажнике для запасных бархатных велосипедок и в шлеме велогонщика, натянутом прямо на напудренный парик. Людовик едет из Версаля в Испанию.

Итак, Карлос II умер. Этот испанский правитель отличался слабым здоровьем, что объяснялось многочисленными близкородственными браками между испанской и австрийской ветвями династии Габсбургов. Король был настолько слаб, что появлялся при дворе только в сопровождении сиделки, которой он подчинялся, как кукла-марионетка. Его «габсбургская губа» выпячивалась настолько, что он не мог нормально жевать. Поэтому еще одной из его многочисленных жалоб на здоровье было несварение желудка. По утверждению историков, у Карлоса и его жены не было детей. Ни он, ни она не имели о сексе ни малейшего представления. (Очевидно, при дворе не оказалось никого, кто мог бы просветить их на этот счет.) Поэтому своим преемником Карлос назначил герцога Филиппа Анжуйского из династии Бурбонов. Карлос был последним испанским королем из династии Габсбургов. После его смерти корона Испании перешла к Бурбонам на целых триста лет.

Филипп Анжуйский, которого впредь стали называть Филиппом V Испанским, не испытывал большой радости от того, что стал королем. Роскошь Версаля была ему гораздо ближе. А Испания представлялась отвратительной, зловонной и невежественной страной. Но его мнение никого не интересовало. В шестнадцатилетнем возрасте его заставили покинуть величественный двор Людовика XIV и отправили верхом в Мадрид через Пиренеи с их крутыми спусками и подъемами, что совсем не улучшило настроения Филиппа. Когда же он прибыл в Испанию, он вообще пришел в ужас — придворные ничего не смыслили в моде и не носили париков.

Спешу вас успокоить: Пиренеи есть! (И я уверена, что Лэнс Армстронг и Мигель Индурайн подтвердили бы это.) А еще совершенно уверена, что, если путешествовать на велосипеде, взяв с собой багаж, рассчитанный на шесть недель пути, вашим ногам несдобровать, они обязательно заболят. Именно это и произошло со мной 5 октября, в пятницу. Можете себе представить, сколько ругательств я обрушила на свои корзинки и сумки. К тому же я уже преодолела семьдесят километров. На все это у меня ушло пять часов. Если верить моему кардиомонитору, показывающему частоту сердечных сокращений, я истратила чуть больше тысячи калорий. При этом на завтрак съела несколько тостов с джемом, в течение дня бутерброд с сыром и помидорами, четыре банана, несколько печенюшек, тарелку фисташек, тарелку креветок, пиццу с сыром, беконом и оливками, а также выпила кружку пива и бокал вина. В тот день я справилась с двумя горными перевалами, причем только один был отмечен на карте, что стало поводом для очередной порции брани. (Интересно, притязания Людовика XIV влияли каким-то образом на карты и их составителей?) Итак, совершенно очевидно, что пятница 5 октября явно была не моим днем.

Мало того что я была не в духе, так еще и эта жуткая встреча с собаками. Первая из них на толстенной железной цепи сидела у бара, у которого я остановилась еще рано утром, чтобы съесть бутерброд. Каким же свирепым должен быть зверь, если его посадили на такую цепь! — удивилась я. Мой велосипед, очевидно, очень не понравился псу, ведь это была его территория. Он моментально подскочил к нему и стал недовольно обнюхивать. Стараясь сохранять хладнокровие, я посмотрела собаке прямо в глаза и рывкнула что было мочи:

— Гр-р-р-р-р!

Как мне казалось, это должно было сработать.

Потом я угрожающе прошипела, уже не сомневаясь в намерениях пса:

— Послушай, песик! Если ты обгадишь мой красивый, новехонький велосипед, то получишь от меня вот этим суперпрочным криптонитовым велосипедным замком.

По-видимому, тон моего голоса был настолько грозным и сердитым, что пес как-то весь сник, жалостливо затаивался и понесся от меня так быстро, как только мог.

Вторая встреча, уже с другой собакой, оказалась для меня гораздо менее приятной. Это произошло в тот день, когда я на последнем издыхании добралась до вершины второго перевала (кстати, того самого, который не указан на карте), чтобы передохнуть и съесть один

из бананов. Выбрав удобное место для пикника, я стащила усталое тело с велосипеда и только собралась открыть сумку, чтобы достать банан, как раздался жуткий лай. Через несколько секунд в поле моего зрения появились три большущие лохматые белые собаки, похожие на чудовищ. Они неслись прямо на меня от белого дома, стоящего на вершине холма. Размером они напоминали маленьких пони, но с такими большими и острыми клыками, что никакой суперпрочный велосипедный замок здесь бы мне уже не помог. Забыв про банан и оценив расстояние, я начала что было мочи вопить: «КТО ВЫПУСТИЛ СОБАК?!» — пытаюсь тем самым докричаться до кого-нибудь из тех, кто жил в том самом злополучном доме на вершине холма. Потом эта фраза преследовала меня целую неделю.

— Гав, гав, гав, — раздавалось у меня в ушах.

— А-а-а-а! — заорала я, вскочив на велосипед. Я вся похолодела от собственного крика и как сумасшедшая стала с остервенением крутить педали, мчась вниз на огромной скорости.

За час или два до этого, вскоре после того как я покинула жилище доньи Пилар, где хорошенько подкрепилась, выпив горячего крепкого кофе и съев тост, который моя хозяйка приготовила в полном молчании, я пересекла Арагон и въехала в Каталонию. В XII веке после заключения брачного союза, вследствие которого породнились династии графов Барселоны и королей Арагона и объединили свои вооруженные силы, они смогли прогнать со своей территории арабов, в то время как на остальной земле полуострова борьба с маврами все еще продолжалась.

В 1229 году состоялся первый крупный военный морской поход под командованием Хайме I, графа Барселоны и короля Арагона. Он сам снарядил флотилию и сам встал у штурвала. Хайме тогда шел тридцать первый год, и, если верить его современникам, он был отчаянным храбрецом и красавцем.

«Король Арагона, Хайме, был красивейшим мужчиной, — писал Бернар Дескло, летописец. — Он превосходил в росте всех достаточно высоких мужчин на целых десять с лишним сантиметров. При этом он был статен и прекрасно сложен». Дескло не рассказывает, откуда ему известны такие подробности. По всей видимости, в те времена мужчины носили узкие, облегающие брюки. Но рост, конечно же, не самое его главное достоинство. Сам Хайме, а впоследствии и его потомки завоевали Балеарские острова, Неаполь, Сардинию и Сицилию, что способствовало развитию торговли и появлению нуворишей, хотя последние были всего лишь выскочками, не получившими достойного воспитания. Некий Франческо де Хименес даже взялся учить их хорошим манерам. К примеру, он наставлял их, о чем следует говорить во время трапезы, дабы не вызвать тошноту у сидящих за столом. К таким темам он относил разговоры о клизме, слабительном, а также о смертной казни через повешение.

К счастью, усилия де Хименеса не были бесполезными. В 1479 году Фердинанд II Арагонский унаследовал трон Арагона и Каталонии, за десять лет до этого женившись на Изабелле Кастильской и став соправителем деспотичной католической монархии. В конце концов ему удалось победить мавров, установить инквизицию нового типа, а также поспособствовать Колумбу в его географических изысканиях. Тем не менее семья Изабеллы была против ее брака с Фердинандом. Ее избранником они хотели видеть Альфонсо V, короля Португалии. Можно себе представить, как бы изменилась политическая карта Пиренейского полуострова, если бы этот брак был заключен! Сама же Изабелла не разделяла стремлений своей семьи. Фердинанд был молод, умен, обаятелен и статен. А Альфонсо, напротив, был старым и уродливым. Свадьба Изабеллы и Фердинанда состоялась во дворце города Сеговия. На невесте было белое парчовое платье, подбитое мехом горностая, а на женихе — мантия золотого цвета с отделкой из соболиного меха. Новобрачные были совсем еще подростками, да к тому же двоюродными братом и сестрой. Это означало, что для заключения их брака требовалось разрешение Папы Римского. Фердинанд же нашел простое решение: он просто-напросто подделал бумаги, заручившись при этом поддержкой своего отца и архиепископа Толедо. Когда Папа Римский узнал о подлоге, он отлучил Изабеллу и Фердинанда от церкви, что было плохим знаком. Вследствие брака Фердинанда и Изабеллы

Каталония оказалась под гнетом Кастилии, к тому же Фердинанд первым делом установил инквизицию в Барселоне. Евреи, занимавшиеся в этом городе торговлей, что способствовало его процветанию, были вынуждены, упаковав свои ермолки, бежать через горы во Францию.

Единственное, что Фердинанду не удалось, как ни старался, так это запретить каталонский язык, потому что для каталонцев язык не просто то, что отличает их от всей остальной Испании. Для них язык своего рода признание их автономии. Поэтому не случайно, что Франко тоже пытался наложить запрет на этот язык. Даже в наши дни в районах, лежащих за пределами Каталонии, на телефонных будках можно увидеть стикеры: «Говорите на языке христиан!» Дошло даже до того, что каталонский язык стали называть кастильским диалектом испанского языка. На самом деле это никакой не диалект и не что-то среднее между испанским и французским языками. Это совершенно другой язык, который развивался независимо от них. Исторически этот процесс напрямую связан с эпохой римских завоеваний. Дело в том, что завоеватели обошли эти земли стороной, отдав предпочтение территориям, находившимся на юге (Севилья, Кадис), где было выгоднее заниматься торговлей. Поэтому там латинский язык, на котором говорили римляне из высших слоев общества, постепенно видоизменился и преобразовался в кастильский диалект испанского языка. Саму же Каталонию населяли в основном легионеры, которые говорили не на классической латыни, а на латинском языке, допускающем всевозможные жаргонизмы. Именно на основе такого латинского языка и сформировался каталонский. Так, например, глагол классического латинского языка *comedere* (есть, кушать) в кастильском диалекте испанского языка преобразовался в *comer*. А слово *manducare*, характерное для вульгарной латыни, преобразовалось в каталонском языке в *menjar*, а во французском языке в *manger* — есть, кушать. Хотя французы, будучи очень щепетильными в отношении всего, что касается их языка, вряд ли будут довольны, если вы укажете им на тот факт, что их язык образовался от солдатского жаргона. В наши дни на каталонском говорят около семи миллионов человек. А в 1998 году в Каталонии был принят закон, подтверждающий, что каталонский язык — это лингва франка, то есть язык, включающий в себя элементы романских, греческого и восточных языков, на котором говорят в Восточном Средиземноморье. Он был признан официальным языком этого региона, что, безусловно, должно было способствовать его дальнейшему распространению. И это вызывало очень сильное неудовольствие и раздражение в Кастилии.

Но каталонцев отличает от всей остальной Испании не только язык, но и совершенно особый склад ума. Например, для них не существует такого понятия как *mañana* — завтра. Они делают все здесь и сейчас. Поэтому каталонцы не засиживаются долго за обедом. Для них работа и заработок гораздо важнее. Каталония всегда была процветающей и развитой в промышленном отношении, чему способствовало как ее благоприятное географическое положение, так и работоспособность жителей.

Не случайно сами каталонцы, характеризуя себя, употребляют такое слово, как *seny*. Его трудно перевести дословно, но смысл, который они вкладывают в это понятие, ясен: житейская мудрость. Роберт Хагес, искусствовед и писатель, автор книги «Барселона», объясняя значение слова *seny*, для наглядности рассказал историю, которая произошла с его другом каталонцем, отправившемся на Рождество в родную деревню. Когда он вместе со своими родственниками пришел на полуночную мессу, в церкви было негде яблоку упасть. Священник, вынесший деревянную фигурку младенца Иисуса, к которому выстроилась огромная очередь желающих поцеловать ноги Спасителя, смекнул, что может опоздать к рождественской трапезе. Он недолго думая что-то шепнул на ухо дьякону, который тут же незаметно проскользнул в ризницу и вынес оттуда вторую фигурку Иисуса. После этого дело пошло в два раза быстрее. «Только в Каталонии, — пишет Хагес, — можно было так ловко все устроить. При этом проявить уважение к набожности прихожан».

В каталонском языке есть еще одно слово, а именно *gaucha*, которое неразрывно связано с *seny*, потому что *gaucha* означает «расслабляться». Настоящий каталонец боится лишнюю часть времени сохраняет благоразумие, *seny*. Но зато когда он отдыхает и снимает

напряжение, то становится *rauxa*. И вот тогда ничто уже не может его остановить — он может, к примеру, просто напиться, или заняться граффити, или вообще сделать что-то такое, что огорчит его домочадцев, и стать еще больше *rauxa*. Так в Каталонии появился Сальвадор Дали, в котором *rauxa* возобладало над *seny*. Но о его поразительных усах и лихорадочно сверкающих черных глазах мы поговорим немного позже.

Во время Гражданской войны в Испании анархисты Каталонии не отказывали себе в *rauxa*, сжигая церкви. Оруэлл отметил, что за все время Гражданской войны здесь остались в целости и сохранности всего лишь две-три церкви. К счастью, сегодня это занятие стало немодным. И каталонцы ищут другие способы для проявления своего *rauxa*. Сорт, куда я направлялась, как нельзя лучше подходит для этого. Здесь все просто помешаны на экстремальных видах спорта. Повсюду реклама альпинизма, каньонинга, горного велосипеда, а на багажниках автомобилей или на автоприцепах можно увидеть спасательные плоты или байдарки. Но что мне показалось особенно страшным, так это то, что никто здесь не упоминает о четвероногих обитателях здешних гор, от которых только и остается, что спастись бегством. А ведь это тоже своего рода экстрим. Хотя не исключено, что сама же и навлекла на себя все те неприятности, о которых уже рассказывала раньше.

Прибыв в Сорт, я устроилась в гостинице, приняла душ, немного отдохнула и отправилась на прогулку по городу. Я была рада тому, что могла просто бродить по улицам и откровенно бездельничать. Устроившись на террасе кафе, я наблюдала за обитателями городка. Одни просто прогуливались, другие явно спешили куда-то по своим делам, третьи проезжали мимо на велосипеде. Между делом я выпила два пива и съела большую порцию слипшихся креветок, отдающих чесноком. Но на этом я не остановилась и заказала себе порцию *pa amb tomaquet*, легкой каталонской закуски, состоящей из ломтиков хлеба и томатов, которую местные жители просто обожают и едят даже на завтрак из чувства патриотизма.

Pa amb tomaquet очень легко перепутать с *brushetta*, хотя это совсем другое блюдо. Было бы глупо считать, что каталонская кухня всего лишь разновидность испанской и что многие ее рецепты просто позаимствованы. Каталонская кухня — это каталонская кухня. И я не устану повторять это еще и еще. Если же вы осмелитесь даже подумать, что каталонское *bacalao* (сушеная или очень соленая треска) — это то же самое, что готовят в Бильбао, а что *arros negre* похож на блюдо из риса с каракатицами в темном соусе, которое подают в кафе и ресторанах, находящихся южнее Каталонии, а *crema catalana* (каталонский крем) очень напоминает *flan* (флан), который предлагают повсюду в качестве *menu del dia*,¹⁴ то вас обвинят в центризме.

Глава 10

Там, где волосы, там и счастье

С одной стороны, горы не самое удачное место для обучения вождению. Но с другой стороны, если ты живешь в горах, то тебе сам Бог велел учиться управлять автомобилем именно здесь, а не где-нибудь в другом месте. Но каким все же было мое удивление, когда я, остановившись на вершине Коль-де-Канто, на высоте одной тысячи семисот двадцати пяти метров над уровнем моря, увидела учебный автомобиль. На мой взгляд, это было очень рискованно: сорваться со скалы было проще простого. Оба — и ученица, и инструктор — были белыми как полотно. Девушка, сидящая за рулем, вцепилась в него мертвой хваткой, как будто именно от него зависела ее жизнь. Это мое предположение оказалось недалеко от истины. Неожиданно она резко повернула руль и поехала по направлению ко мне. Инструктор вылупил от страха глаза и открыл рот, но быстро закрыл его, видимо

¹⁴ Меню дня. (исп.)

непроизвольно взвизгнув от страха.

Слава богу, что девушка справилась с управлением! И, поравнявшись со мной, она даже не обругала меня. Каждый раз, когда мимо проезжала какая-нибудь машина, водитель обязательно сигналил мне. Это всегда выглядело несколько странно и непонятно, ведь я никогда не была препятствием на их пути! Может быть, таким образом они приветствовали меня? Или выплескивали свое раздражение? Или так действовали на них мои загорелые, но измученные ноги?

Теперь это уже не важно, потому что совсем скоро я окажусь в Барселоне с ее элегантно одетыми отдыхающими. А ермолки и коровы с колокольчиками на шее останутся в прошлом. Конечно, в Барселоне водители тоже сигналият, но делают это совсем по-другому, словно предупреждая: «Прочь с дороги!» Это и понятно, ведь время — деньги. Кому как не мне, городскому жителю со стажем, не знать этого!

В тот день за завтраком я съела много всякой всячины и запаслась таким количеством углеводов, что никакие трюки мне уже были не страшны. В гостинице накрывали шведский стол, и я с аппетитом уплела бекон, яйца, две дольки зеленого яблока, два кекса «Магдалена», несколько тостов с джемом, фрукты, а потом еще выпила кофе и сок. После всего этого изобилия мне даже пришлось прилечь на целый час. Ну а если бы в дороге я все-таки проголодалась, то, как обычно, устроила бы себе пикник с бананами. Гликоген сделал свое дело — подъем на Коль-де-Канто я даже и не заметила! Хотя, возможно, причина была в другом: просто за время своего путешествия приобрела хорошую спортивную форму и наконец-то научилась ездить по горам. Оказывается, в этом нет ничего сложного, нужно ехать все время вверх, и снова вверх, и опять вверх, а потом на вершине съесть по традиции банан и сделать снимок на память, как вещественное доказательство вашей очередной победы. Таких фотографий у вас накопится за время путешествия огромное количество, даже больше, чем достаточно. Зато как вы вырастете в глазах своих родных и близких!

Да-да, это вид с вершины горы... А это еще один... А эту фотографию я сделала тоже на самой вершине, но это не та же самая гора, просто они очень похожи! А это вид с той же горы, но только с противоположной стороны... и так далее и тому подобное. Примерно такой комментарий могли бы слышать ваши родственники во время просмотра фотографий. И вот я на вершине горы! Теперь — спуск. Я, как всегда, несусь на огромной скорости, нажимая при этом на тормоз из страха свалиться с велосипеда. Затем снова вверх и снова вниз. И так до бесконечности. Время пролетает так быстро, что не успеваешь отследить, сколько километров осталось позади. Когда я оказалась в Андорре, в Сео-де-Уржелъ, то поняла, что дорога, на которую, как я думала, было потрачено очень мало времени, на самом деле заняла целых четыре часа.

Мое знакомство с жителями Сео-де-Уржелъ началось со встречи с одним господином, от которого дурно пахло. На вид ему можно было дать лет тридцать, хотя определить его возраст было довольно сложно, потому что люди, пропитанные запахами и воздухом комнаты без окон наутро после шумной вечеринки, имеют обыкновение быстро стареть. Поэтому вполне возможно, что моему новому знакомому могло быть всего лишь семнадцать лет.

— Простите, простите, — обратился он ко мне на английском в тот момент, когда я стояла на светофоре.

У меня сразу же возникло желание поскорее убраться оттуда. Соседство с подобными людьми, естественно, меня не прельщало, но то, что он говорил по-английски, удивило меня. Откуда он мог знать, что я англичанка? На мне были шлем и солнцезащитные очки, поэтому, кто я и откуда, было определить довольно сложно.

— Можно я воспользуюсь вашей картой? — спросил он.

Боже, подумала я, как от него отвратительно пахнет! Да, на приличного человека он не тянет! А вдруг это киллер и у него за пазухой топор? Пора сматывать удочки, пока цела! И я начала крутить педали.

— Подождите, подождите, у вас же есть карта! — крикнул он, собираясь догнать меня. — Вот же она! — Он показал на карту, торчащую из моей сумки. Затем, пытаясь отыскать на ней город Лерида, он спросил: — А что вы здесь делаете?

— Да просто путешествую! Боже, сколько времени? Ну, мне пора!

Я с силой выхватила из его рук карту.

— Вот черт! — услышала я вдогонку, удирая что было мочи. — *Me cago en la hostia!* — выругался он по-испански.

Не надо посягать на святое, подумала я про себя.

Если верить путеводителю, то, оказавшись в Сео-де-Уржелъ, я должна была увидеть очень красивый город, находящийся в долине. Наверное, сбилась с пути, подумала я, это какая-то дыра, а не город. Хотя оказаться в Монголии во время пыльной бури было бы намного неприятнее. И все же каталонцы должны благодарить Уржелъ, ведь это родина Вифреда I Волосатого, поскольку с именем этого человека связано образование Каталонии. В период между 870 и 878 годами Вифред и его брат (не знаю, был ли его брат волосатым или нет), надев кольчуги и вооружившись кинжалами, стали прорубать в прямом смысле этого слова дорогу к новой Каталонии, объединяя некогда отдельные графства в единое владение. Однако путь их был отмечен кровью и смертью.

С именем Вифреда средневековые испанские хроники связывали возникновение герба Каталонии, который представляет собой четыре вертикальные красные полосы на золотом фоне. Согласно легенде, однажды Вифред был ранен в бою, сражаясь на стороне Людовика I Благочестивого, короля франков, против врагов монарха. Когда Вифред, истекая кровью, лежал раненый в шатре на циновке, устланной своими волосами, его посетил сам король Людовик. Он опустил четыре пальца в кровоточащие раны Вифреда и провел ими по его золотому щиту четыре вертикальные полосы, которые с тех пор украшают герб Каталонии. Историки, обычно любящие докапываться до истины, должны непременно сделать одну важную поправку: эта легенда не совсем правдива, так как Людовик умер еще до рождения Вифреда. Но она очень красива, и каталонцы не тот народ, который можно поставить в тупик подобными фактами. Кроме того, они самые настоящие патриоты и будут стоять на своем до конца.

Большие сомнения вызывают также рассказы о необыкновенной волосатости Вифреда. По известной легенде, Вифреда разлучили с матерью в раннем возрасте. Он был вероломно похищен французскими рыцарями, убившими его отца. Вместо того чтобы вернуть его матери, французы взяли Вифреда с собой на север и оставили при дворе графа Фландрии. (Позднее он страстно влюбился в его дочь.) В течение шестнадцати лет Вифред ни разу не видел свою мать. Когда же они встретились, она смогла узнать своего сына по волосам на тех частях тела, где их обычно не бывает. Но никто с уверенностью не может сказать, где же росли у него эти волосы. Как гласит предание, у Вифреда они были даже на ступнях ног. Этот миф произвел такое сильное впечатление, что многие до сих пор представляют себе, что в Каталонии живут мужественные и воинственные рыцари, отличающиеся особой волосатостью. Не зря каталонская пословица гласит: «Там, где волосы, там и счастье».

Однако мне не посчастливилось встретить в Сео-де-Уржелъ таких мужчин. Вероятно, давным-давно все они осели где-то в горах. Но более достоверной информации по этому поводу я не нашла. Город Сео-де-Уржелъ поразил меня, но в плохом смысле этого слова. Попав сюда, хочется сразу уехать при первом же удобном случае. Я решила побыть в этом городе совсем недолго и после полудня сесть на автобус. Но как только я оказалась в Сео-де-Уржелъ, я поняла, что мои планы вряд ли осуществляются, потому что были выходные и все в городе было закрыто, даже супермаркеты строительных товаров «Би-энд-Кью» и «Хоумбейс». Испанцы в отличие от англичан не любят тратить время и силы на ремонт в доме. Передо мной стоял выбор: либо все утро гулять по скучным улицам Сео-де-Уржелъ между домами с опущенными ставнями на окнах и любоваться на бородатых мужчин, либо

отправиться в Барселону. Я оплатила свой гостиничный номер, поставила будильник на пять тридцать и отправилась на поиски ресторана или кафе, где можно поесть.

Но там было не лучше. Во всех барах и ресторанах по телевизору показывали футбольный матч между всеми почитаемой здесь красно-коричнево-голубой «Барселоной» и «Депортиво Ла-Корунья» из Галисии. (По ходу матча стало понятно, что «Барселона» скорее всего проиграет.) Я старалась сделать вид, что мне интересно, дабы не обидеть испанцев, поскольку футбол для них — это самая настоящая страсть, и он еще больше любим и популярен, чем коррида и велоспорт. Для многих фанатов это больше чем спорт. Футбол пришел в Испанию около ста лет назад, став при этом символом ожесточенной борьбы между провинциями как в спорте, так и в политике.

Футбольный клуб «Барселона», или «Барса», как часто его называют, был основан в 1899 году, как раз в тот год, когда Испания потеряла свои владения в Южной Америке. Гибель некогда могущественной империи приводит к тому, что Каталония начинает делать попытки отделиться от Испанского королевства. Ситуация накалена до предела.

Все это не могло не сказаться и на «Барсе», руководство которой поддерживало идею каталонской автономии. Таким образом, клуб «Барселона», добившийся за три с половиной десятилетия своей жизни в спорте огромных успехов и процветания, был вовлечен в ожесточенную Гражданскую войну. Когда к власти пришел Франко, его спецслужбы стали особенно тщательно присматриваться к «Барсе», считая этот клуб оплотом каталонского сепаратизма.

Сам же Франко любил футбол и считал его важным средством достижения объединения Испании. Поэтому его любимым футбольным клубом был «Реал Мадрид», а не «Барселона». Однако вокруг побед команды «Реал Мадрид», а также национальной сборной по футболу ходит много слухов о необъективных арбитрах, незаконных пенальти и даже об угрозах со стороны организаторов матчей. Когда в 1964 году в Испании проходил чемпионат Европы по футболу, команде Советского Союза, вышедшей в финал, был предложен допинг с целью дискредитировать советских спортсменов, тем самым обеспечив золото испанской команде. Предложение было отвергнуто, при этом сборная Испании все равно одержала победу. Пока Франко был у власти, все футбольные матчи между командами «Барселона» и «Реал Мадрид» сопровождались постоянными закулисными политическими играми на высшем уровне. Доходило до того, что каталонским болельщикам запрещалось говорить на их родном языке в публичных местах. Но они не сдавались и прямо с трибун выражали свое возмущение, не боясь при этом нелестно отзываться о самом Франко.

Хотя после смерти диктатора в 1975 году Испания встала на путь демократии, просуществовавшей около трех десятилетий, ожесточенное соперничество между этими командами тем не менее продолжалось. Теперь, когда испанцы должны, казалось бы, забыть о диктатуре Франко, следуя *pacto del olvido*¹⁵ и ужасах Гражданской войны, футбольные фанаты «Барса» и «Реала» по-прежнему чинят беспорядки после матчей, забрасывая камнями и бутылками автобусы футболистов и сопровождая свои хулиганские действия оскорблениями в адрес спортсменов. Но это не простое хулиганство или последствие чрезмерного употребления алкоголя, как это бывает среди футбольных фанатов в других странах Европы. В Испании футбол нечто большее, чем просто спортивная игра.

Глава 11

Карьеристка

Переезд из Сео-де-Уржел в Барселону прошел настолько гладко, что мне стало не по себе. Ведь должно же было произойти что-то не очень приятное, думала я. Ведь так не бывает! Я стала рассуждать про себя, припоминая все, что могло бы усложнить мое

¹⁵ Договор забвения (исп.).

дальнейшее путешествие. Может быть, я оставила бумажник в гостинице или выронила в автобусе паспорт, а вдруг я на краю света и нет никаких шансов, что кто-нибудь отыщет меня здесь...

И тут я вспомнила про невероятно обаятельного молодого человека на автобусной остановке. Он настоял на том, чтобы я позволила ему сложить мой велосипед, несмотря на то что он мог испачкаться машинным маслом. Интересно, подумала я, может быть, он и есть тот самый мужчина моей мечты. Эта мысль пришла мне в голову в тот самый момент, когда мы совместными усилиями пытались снять с заднего колеса цепь и переключатель скоростей. Да, с его физическими данными до тореадора ему было далеко. Но все же это не слишком серьезный повод для волнения, тем более что переезд из Сео-де-Уржел в Барселону длился совсем недолго и времени для флирта особенно не было. Да и вообще, завязывать какие-то серьезные отношения, толком не зная друг друга, было, на мой взгляд, просто неприлично.

Пассажиров в автобусе оказалось не очень много. Настроение мое было на нуле, потому что Сео-де-Уржел совершенно не оправдал моих ожиданий, зато водитель автобуса был очень галантен со всеми пассажирами и походил на гида какого-нибудь дорогостоящего тура. Поскольку испанцы отличаются особой пунктуальностью в отношении времени приема пищи, то приблизительно через час водитель сделал остановку для того, чтобы все могли перекусить, выпив кофе с булочкой с изюмом. Когда пришло время отправляться, он собрал всех нас, чтобы убедиться, все ли в сборе. Не только водитель, но и сами пассажиры этого автобуса отличались какой-то особой заботливостью и внимательностью.

— А где же девушка, которая сидит вон там? — спросил, закашлявшись, странный пожилой мужчина, на которого я обратила внимание еще тогда, когда он пытался купить себе билет, не совсем понимая, как это делается.

Увидев, что я сижу на своем месте, он весь напрягся от неожиданности, а потом так же быстро успокоился. На душе у меня стало тепло и хорошо. Всегда приятно, когда о тебе заботятся. Пусть даже это делает совсем незнакомый и не очень здоровый в умственном отношении человек. По прибытии в Барселону я снова собрала свой велосипед, в чем мне помогли два очень предупредительных водителя.

— Вы любите кататься на велосипеде? — спросил меня один из них.

Да, конечно, но только тогда, когда попа не болит, подумала я.

— Это заднее колесо... Его надо вставить в... А теперь будем натягивать цепь на эти маленькие шарообразные штучки... Да, правильно, вот так! — громко объяснял второй водитель.

— Спасибо, сеньор! — поблагодарила я и помахала на прощанье такому любезному мужчине (не видеть бы его больше никогда).

Мой путь лежал в гостиницу, которая находилась совсем близко. Я поехала по улице Гран-Виа. При этом кто-то предусмотрительно выделил на ней специальную дорожку для велосипедистов.

Улица Гран-Виа — одна из главных в квартале Эшампле, в новом городе. Средневековая же Барселона, или так называемый Готический квартал, была городом-крепостью, которую разрушили в XIX веке. Стены крепости снесли, и за ее пределами появился новый город — Эшампле. Планировкой занимался инженер Ильдефонс Серда, который ко всему прочему был социалистом-утопистом. Он мечтал об уничтожении классовой иерархии и о создании такого города, где один человек не будет смотреть на другого свысока, где все будут общаться друг с другом на равных и жить бок о бок — мясники с банкирами, а буржуа с пекарями.

«Перед нами открывается новая жизнь в новом городе, где все будет устроено не так, как раньше. Старый же город для нас не преграда, а всего лишь помеха», — говорил Серда в 1860 году.

В его планы входило строительство города с симметричными широкими улицами и

садами. По его мнению, это должен был быть просторный и свободный от большого количества застроек город. Но его проект одобряли далеко не все. Архитектор Джозеф Пуч-и-Кадафалька назвал Эшампле «одним из самых ужасных городов в мире, с которым может сравниться разве что какой-нибудь самый заурядный городишко в Южной Америке». Позже архитекторы, работавшие в Барселоне, стали отходить от низких, малоэтажных зданий, окруженных садами, и начали застраивать все свободное пространство, естественно, не без выгоды для своего кармана. Но и сегодня в Барселоне еще остались кварталы, где дома имеют скошенные углы, что обеспечивает хорошую освещенность, а также позволяет беспрепятственно парковать автомобили.

Названия улицам Эшампле были даны поэтом Виктором Балагером, который подошел к этому с особым рвением и чувством истинного патриотизма, присущего всем каталонцам. Названия связаны как со славным прошлым, так и с не менее героическим настоящим Каталонии. Одни улицы носят имена завоевателей, таких как Рожер де Лурия и Берн де Рокафор, другие — названия мест, имеющих отношение к каталонской истории, таких как, например, острова Сардиния и Корсика, некогда принадлежавшие Испании, а также Эль-Брук, Жирона и Байлен, где Наполеон получил решительный отпор. Здесь есть улицы, названные в честь поэтов, писателей и политических деятелей. Само собой разумеется, что все улицы Эшампле были тотчас же переименованы, как только к власти пришел Франко.

Забронировать номер в Барселоне оказалось непростой задачей. Особенно если ты заказываешь его не только для себя, но и для специально приехавших ради тебя членов твоей семьи. Первый попавшийся гостиничный номер тебя, конечно, не устроит: ванная покажется недостаточно чисто вымытой, матрас — неудобным и жестким, портье — слишком недовольным и мрачным, а горничная — одетой неподобающим образом. Заказывать же номер в городе, который ты едва знаешь, вообще рискованное и неблагодарное дело. Итак, я остановилась в гостинице «Гран Виа», потому что в других отелях все номера были уже заняты. Можно себе представить мое состояние, когда я переступила порог «Гран Виа»: нервы были накалены до предела. Хорошо, что со мной рядом не было родителей, а то я переживала бы еще больше.

Но оказалось, что все мои страхи были напрасными. «Гран Виа» — это очень милая, прелестная гостиница. Когда-то раньше этот отель слыл очень модным, и мои родители вряд ли бы могли в нем оказаться. А еще раньше, лет сто назад, здесь был курорт с минеральными источниками, где отдыхали только каталонские буржуа с толстыми кошельками. Их процветанию, безусловно, способствовала особенно развитая в то время текстильная промышленность. Со временем «Гран Виа» утратила свою былую популярность, но сохранила при этом атмосферу и настроение прошлых лет. Огромная входная деревянная дверь толщиной шесть дюймов, великолепная балюстрада, старинная мебель в гостиной, шикарные шезлонги, сверкающие канделябры — все это до сих пор сохраняет свой былой лоск. Единственное, чего не хватает всему этому великолепию, так это жен зажиточных буржуа в широкополых шляпах, в узких юбках и корсетах, подчеркивающих их безупречные формы. В конце XIX века корсеты стали шить из более эластичных материалов. Они плотно облекали талию и бедра, что не могло не нравиться женщинам и тем более мужчинам. При этом корсеты стали более удлиненными, а юбки — более узкими.

В мае 1908 года в журнале «Маккол» появилась статья, где обсуждалась новая мода на узкие юбки. Такая одежда была совершенно неудобна для прогулок, но лучше, чем любая другая, подчеркивала достоинства женщины. При этом было совершенно не важно, стоит ли она в позе модели или изящно устраивается на самом краешке стула, который ей казался тогда таким неудобным. Да, это был последний писк европейской моды. По вечерам леди в сопровождении своих кавалеров отправлялись в очень популярный тогда оперный театр «Лисео» на бульваре Рамблас послушать музыку Вагнера, имевшую в те времена грандиозный успех. Джентльмены предпочитали фраки, цилиндры и сильно накрахмаленные белые рубашки, но ни в коем случае не смокинги. Их они никогда не надевали на выход. Надо заметить, что особую популярность в ту эпоху приобрели борода и усы. Вспомним

легендарного Вифреда Волосатого, отличавшегося особой отвагой и храбростью. Ведь именно с тех пор в Каталонии пышная растительность на теле мужчины ассоциировалась с его мужской силой. Особенно модным в те давние времена было носить усы, причем самой разной формы и длины. Это могли быть длинные усы с кончиками, загнутыми вверх, словно беличьи хвостики, или, наоборот, усы с кончиками, опущенными вниз. Усы даже смазывали воском, для того чтобы сделать их линию безупречно тонкой.

Прайвет Виллер, один из пехотинцев Веллингтона, в своих письмах описал один смешной случай, который произошел в августе 1812 года по прибытии армии Веллингтона в Мадрид. Обезумевшие от радости жители выбежали на улицы, чтобы поприветствовать воинов, которых считали своими спасителями. Все было бы хорошо, если бы мужская часть населения не бросилась целоваться с воинами-освободителями. Как пишет Прайвет Виллер, англичане были просто ошарашены всем происходящим. К тому же эта процедура не могла не вызвать омерзения: запах чеснока и уколы жестких, словно прутья, усов испанцев, испачканных едой и провонявших потом, пылью дорог и табаком, сопровождали объятия и поцелуи, которые должны были выдержать англичане. Так Прайвет Виллер узнал на собственном опыте о страсти испанцев к усам.

Жизнь бедняков в Барселоне была несладкой: на одного жителя приходилось примерно девяносто квадратных футов. Плохое питание и ужасные санитарные условия способствовали частым эпидемиям холеры, брюшного тифа и дизентерии. Кроме того, рабочие фабрик получали массовые отравления токсичными веществами. Как известно, смена эпохи часто сопровождается расколами, террористическими актами, антиправительственными выступлениями. Барселона в этом отношении не была исключением. Опера «Лисео» являлась излюбленным местом для разного рода политических собраний и выступлений. Ведь здесь всегда было много народа, а значит, можно было легко и безбоязненно, ну скажем, бросить гранату в толпу. В 1893 году анархисты так и поступили. Они взорвали бомбу прямо по ходу оперы «Вильгельм Телль», что само по себе символично, не правда ли? Сюжетная линия этого произведения связана с событиями движения сопротивления патриотов Швейцарии против австрийского деспотизма. Террорист был приговорен к смерти. Палач, приведший приказ в исполнение, оказался не слишком сведущим в этом деле, так как казнь через удушение, гаррота, за последние тридцать лет в Барселоне в те времена была совершена всего лишь один раз.

Итак, я поселилась в номере когда-то очень модной гостиницы «Гран Виа», разобрала багаж и сдала велосипед в камеру хранения, где он простоял довольно долгое время. До отъезда в аэропорт у меня было еще несколько часов, и я решила снять с себя спортивную форму и переодеться во что-нибудь другое. Из всего дорожного гардероба я выбрала серые брюки. Они были несколько тяжеловаты и имели не совсем опрятный вид. К тому же в них я выглядела не особенно модно. Но делать было нечего: пришлось надеть то, что было.

Стоял воскресный день, и в центре Барселоны было полным-полно народу, как во время демонстрации. Я решила пройтись по широким улицам, некогда спроектированным гениальным архитектором Серда, а затем направиться к площади Каталонии. Я обратила внимание, что часть улицы сразу за универмагом «Корте Инглес» была приспособлена для катания на роликах. Вряд ли Серда в те давние времена мог себе представить, что когда-нибудь по улицам будут кататься на роликовых коньках. Хотя почему бы и нет? Серда так любил простор и широту, что для подобного рода занятий его проект подошел как нельзя лучше. На одной стороне площадки катались взрослые. Все они были одинаково экипированы и двигались синхронно с маниакальными улыбками на лицах. На другом конце состязались дети. Самым простым испытанием для них было преодоление подъема, а потом съезд и приземление на матрас. Но лишь половина из них смогла добраться до верхней точки. Но никто по этому поводу особенно не переживал. Здесь же, на площадке, находилась и группа поддержки. Все очень внимательно следили за происходящим, и если кто-то из соревнующихся не мог самостоятельно забраться наверх, то кто-нибудь из сочувствующих

просто подталкивал его, и шоу продолжалось. Все, и сочувствующие, и состязающиеся, казалось, были очень довольны собой.

От площади Каталонии, там, где заканчивается Эшампле, отходит бульвар Рамбла. *Рамблас* — арабское по своему происхождению слово и переводится как «русло». Это самое знаменитое место Барселоны. Река, которая протекала в этой части города, служила когда-то рвом. К концу XVIII века она превратилась в самую настоящую сточную канаву и в итоге заросла грязью. В наши дни в дождливую погоду вода старой реки через дренажную систему выходит наружу. В эпоху правления Франко один из пресс-офицеров усмотрел причину упадка в появлении городских коллекторов. Капитан Агулира, который не отличался особым воспитанием и красноречием, заявил, что до появления дренажной системы местный сброд погибал от различных полезных в этом отношении болезней. А теперь отбросы общества от этого не страдают. «Если бы не было канализационных труб в Мадриде, Барселоне, Бильбао, то все красные лидеры умерли бы в младенчестве, а не учиняли бы эти кровопролития по всей Испании. По окончании Гражданской войны мы должны уничтожить всю канализационную систему. Идеальное регулирование рождаемости в Испании подвластно только Богу. Канализация — это роскошь, которую заслуживают лишь немногие, а именно вожди Испании, но никак не чернь».

В тот воскресный день на бульваре Рамбла ничто не напоминало о прежних проблемах, связанных с канализацией. Здесь было много торговцев цветами и птицами, уличных художников и музыкантов, бродячих актеров. Многие из них не отличались особым талантом. В их исполнении такие мелодии, как «Мой путь» Пола Анки, песни, написанной для Синатры, и тема из кинофильма «Пианино», ставшие уже классикой, звучали просто бездарно. Немного отдохнув в ресторане, где цены были явно завышены, я решила устроиться где-нибудь на бульваре, чтобы повнимательнее изучить происходящее. Какой-то уличный музыкант решил спеть для меня серенаду. Его исполнение было настолько далеко от идеала, что я не выдержала и решила побыстрее рассчитаться с ним, чтобы он ушел. Я же продолжила рассматривать мимов, выступавших здесь же, и подростков, делавших безуспешные попытки станцевать брейк-данс. Все это сопровождалось пением марионеток под музыку Луи Армстронга, исполняемую на синтезаторе. Кроме выступления артистов мое внимание привлекли чистильщики обуви, которые предлагали свои услуги всем прохожим, кроме меня. Неужели я выгляжу так безнадежно? Кстати, тем, кто не имел каких-либо особых талантов, на бульваре Рамбла тоже нашлось место. Чтобы заработать свои несколько центов, они раскрашивали себя синей краской и стояли абсолютно неподвижно, наблюдая, как люди бросают монетки в их шляпы. Да, антрепренерам в Барселоне — сплошное раздолье.

Хотя в декабре 1936 года, когда сюда прибыл в начале Гражданской войны Джордж Оруэлл, Барселона была совсем другой. Тогда люди на улицах выглядели совсем иначе. Они носили рабочую форму синего цвета, а вместо джаза, исполняемого на синтезаторе, можно было слышать только патриотические песни. В своей книге «Памяти Каталонии» Джордж Оруэлл писал:

«По улице Рамбла, главной улице города, двигалась шумная толпа. С утра до ночи из громкоговорителя доносились революционные песни. Было мало хорошо одетых людей, за исключением небольшого количества женщин и иностранцев. Основная масса носила синюю рабочую одежду из грубой ткани, изредка разбавляемую формой полицейских».

Оруэлл вернулся с фронта в апреле 1937 года. Это было не слишком веселое время. В начале мая на улицах города начались массовые столкновения между анархистами и коммунистами, двумя республиканскими группировками. На пустынных и тихих улицах, по которым я теперь прогуливалась, тогда было очень шумно из-за непрекращающегося грохота оружейных выстрелов, но немногочисленно. На бульваре Рамбла тоже было безлюдно: водители трамваев и пассажиры, услышав стрельбу, тотчас же выскакивали на улицу и спасались бегством.

Я покинула Рамбла и направилась в Готический квартал. Прямо у собора один тенор очень выразительно выводил испанскую сюиту «Гранада». А на площади одна пара страстно танцевала танго. Побродив по запутанным мощеным улочкам готического города, я устроилась прямо на каменных ступеньках (что лучше всякого стула) и увидела одинокого виолончелиста, а может быть, гитариста, точно не помню. Прохожих на таких затерянных улочках Барселоны всегда очень мало. Зато здесь можно встретить музыкантов, играющих просто так, в свое удовольствие, и при этом гораздо лучше, чем многие другие.

Настал день приезда моих родителей. Я была очень рада видеть их и говорить, говорить, говорить... С ними это делать было гораздо приятнее, чем с дурно пахнущим исследователем карты. Мама привезла с собой целый чемодан вещей. Конечно, моей одежды.

Целых пять дней мы будем постоянно спорить с ней о том, что лучше: синие хлопковые брюки или крошечные розовые шорты, льняная рубашка или обтягивающая черная футболка. Но я все равно была рада и родителям, и вещам, которые они привезли для меня. Кстати, я даже ожидала этого.

Раньше мне было бы трудно представить себя, маму и папу в каком-нибудь людном месте. Маму, смертельно уставшую, в своих мешковатых тяжелых серых брюках (никогда не знаешь, кого ты можешь встретить в Барселоне), и папу — тоже в мешковатых брюках, но рыжего цвета и из вельвета. Итак, все эти пять дней мы беседовали только о шмотках и моде. Для мамы мои вещи и манера одеваться всегда были болезненным вопросом. Представьте, как я разочаровала бы ее, если бы, позвонив мне на мобильный, она услышала бы: «Привет, я в горах».

Одежды, которую она привезла для меня, оказалось немного. И мама была уверена, что все пять дней нашего совместного пребывания в Барселоне я буду носить только ее, хотя мнение мамы в вопросах моды уже давно не имело для меня никакого значения, с тех пор как мне исполнилось четырнадцать лет. Именно тогда я начала покупать себе неподобающие, по мнению мамы, крошечные топы от Дороти Перкинс.

Помимо разговоров о моде наше время занимали достопримечательности Барселоны. Мы должны были посетить их все, и строго по плану. Я уже упоминала об одной отличительной черте каталонцев — *seny*. Этот здравомыслящий народ и от других всегда требует того же и подходит к этому очень серьезно. Первым это испытал на своей шкуре мой папа, а затем и мы с мамой. Когда он, никому не мешая, уселся на сломанный стульчик в парке Гуэля, к нему подошла служащая, явно находящаяся в плохом расположении духа, и сказала:

— Здесь сидеть нельзя. Уходите отсюда!

Мой папа вообще не любит, чтобы ему указывали, что ему делать, а чего не делать. Да еще мы с мамой надолго задержались в очереди в туалет, испытывая его терпение. Естественно, от всего этого он просто рассвирепел.

Когда я, в свою очередь, пыталась открыть дверь в туалет в одном из баров, где мы сидели, подскочившая ко мне уборщица рывкнула мне прямо в ухо:

— Прежде чем пытаться открыть эту дверь, надо попросить разрешения!

Она нажала на какую-то маленькую кнопку и, уже смягчившись, повторила:

— Если бы вы попросили, я бы сразу же открыла для вас туалет.

За все время нашего пребывания в Барселоне мы не раз оказывались в похожей ситуации: то мы пытались поймать такси на пристани в том месте, где этого делать было неположено, то совершали безуспешные попытки пройти через турникет в метро (вместо того чтобы просто толкнуть металлическую решетку, мы ждали, пока она сама откроется). Если бы об этом нам не сказал один молодой человек, по всей видимости студент, который заходил вместе с нами, мы бы так и стояли, не зная, что предпринять. А сколько грубостей мы наслушались за все это время: «Вы что, идиоты?», «Эй ты, неуклюжая скотина, давай пошевеливайся!». Однако надо сказать, что все эти мелкие неприятности нас (меня и моих

родителей) очень сблизили и не особенно омрачали наши прогулки по городу. Мы с удовольствием бродили по улочкам, забавлялись, глядя на уличных музыкантов, беспрестанно напевая при этом «Мой путь». Да, отделаться от этой навязчивой мелодии было очень трудно. Потом мы лежали на пляже, грелись на солнце и ели сардины. Естественно, как и все женщины, мы с мамой не могли обойтись без покупок и, как-то раз зайдя в магазин «Зара», вышли оттуда, само собой разумеется, обвешанные разбухшими бумажными пакетами. Радости нашей не было предела. Приятные воспоминания остались у нас и от посещения одного из самых шикарных ресторанов в Олимпийском порту, где мы полакомились морепродуктами. На следующий день мы решили отправиться в музей Миро. Как же мы удивились, когда из десяти тысяч такси Барселоны мы остановили ту же самую машину, на которой ехали в Олимпийский порт! Как ни странно, таксист тоже узнал нас.

— Ну ничего себе! — сказал он. — Ведь это вас я посадил в свою машину вчера на этом же самом месте!

В тот день, как и положено настоящим туристам, мы пообедали в ресторане «Четыре кошки». Когда-то это была обычная таверна. Появилась она благодаря модернистам в 1897 году. Сейчас это ресторан, кстати высшего класса, а раньше это было кафе, причем необычное, если можно так сказать, интеллектуальное. Здесь собирались художники *fin de siècle*¹⁶ Барселоны (в том числе и молодой Пикассо), которые любили не только поговорить, но и хорошо выпить. К тому же они организовывали выставки, встречи и лекции. Модернисты отрицали реализм в искусстве. Они предпочитали Ибсена и Вагнера. Один из критиков по имени Рамон Касильяс в 1893 году написал следующее: «Модернисты поставили перед собой сложную задачу найти в обыденной жизни и выдернуть из нее яркие и блестящие образы-галлюцинации, одновременно притягивающие и отталкивающие. Они словно ходят по краю бездны. Хаос и парадокс — вот их настоящее кредо». Именно в этом, по мнению критика, заключается формула модернистского искусства, такого непонятного и странного, неотчетливого, но в то же время очень яркого, хаотичного и совершенного, в чем-то прозаического, но при этом чувственного и мистического, лишенного грубости и варварства Средневековья.

Оказавшись в парке Гуэля, созданного архитектором Антонио Гауди, мы затерялись среди ярких скамеек, облицованных керамикой, сказочных домиков с необычной архитектурой и скульптур драконов. А ведь когда-то на месте этого парка планировалось построить большое количество частных особняков для богачей. Дерзкие архитектурные формы и яркие краски, которые предпочитал Гауди, делали его в глазах других не просто чудачком, а сумасшедшим. Это впечатление еще больше усилилось в последние годы жизни архитектора. Он был настолько увлечен своим последним проектом — собором Саграда Фамилия (Искупительный собор Святого Семейства), что стал жить отшельником, продал свое имущество, чтобы раздобыть деньги на его строительство. Он практически ничего не ел, кроме хлеба. Его часто видели бредущим по улицам города в черном мешковатом костюме и тапочках, сгорбленного и несчастного. Когда 7 июня 1926 года он попал под колеса трамвая на улице Гран-Виа, его сразу не узнали, настолько он исхудал и выглядел измученным. Поэтому он оказался в общей палате на жуткой больничной койке среди самых обычных и простых людей.

Гауди не был ни сумасшедшим, ни чудачком. Он был обычным человеком, хотя сюрреалисты, даже сам Дали, боготворили его. Самого же Гауди шокировали их антирелигиозные убеждения, и он не разделял их. Гауди был истинно верующим человеком. В творчестве его направляли талант и приобретенный опыт, религиозные убеждения, а также знание законов архитектуры. К пятидесяти годам Гауди стал настоящим аскетом. Сексуальная сторона жизни тоже его не интересовала — как полагают историки, он умер девственником.

¹⁶ Конец века (*фр.*).

Глубокое религиозное чувство Гауди сравнимо только с каталонским патриотизмом, символы которого запечатлены в творениях архитектора. Его мечта об автономии Каталонии была настолько сильна, что на приеме у короля Альфонса XIII он даже отказался говорить по-кастильски, а обратился к монарху на каталонском языке. Однажды Гауди сказал: «Мы совсем другие, мы не похожи на тех, кто управляет нами из центра. Но это нельзя считать недостатком».

Действительно, Гауди стал непревзойденным мастером каталонского модернизма. Его творения, произведения высокого искусства, сделали Барселону совершенно особенным и неповторимым городом.

Его чудеса архитектуры открыты для всех. Они не спрятаны в галереях и музеях. Их можно увидеть прямо здесь, на улице. В центре Эшампле, на бульваре Пассеч-де-Грасия, находится Ла Педрера — здание с необычным волнообразным фасадом и детально проработанными железными балконами. Роберт Хагес так сказал про это произведение: «Это гора, возникшая на обрывистом морском берегу с пещерами, в которых живут люди». По замыслу самого Гауди у здания должен был быть пандус, чтобы жильцы дома могли спокойно подъезжать прямо к входу в квартиры. Но от этой идеи ему пришлось отказаться, так как он не был уверен в безопасности подобного сооружения. (Гауди даже исследовал уже построенные пандусы других зданий.) Так, например, он обследовал пандус колокольни Хиральда в Севилье и сделал вывод, что тот должен состоять из двух частей, или ярусов: один для подъема, другой для спуска. Интересно, во времена Гауди здесь было столько же толкающихся и снующих взад-вперед туристов, сколько сейчас? Вместо пандуса Гауди построил в Ла Педрере первую подземную автомобильную парковку. Для этого, правда, ему пришлось передвинуть одну из колонн, чтобы жильцам было удобнее заезжать на своих «роллс-ройсах».

Но самое знаменитое архитектурное творение Гауди — это собор Саграда Фамилия, который всегда был в Барселоне предметом споров и разногласий. Поначалу этот собор никому не нравился. Это продолжалось до тех пор, пока он не стал приносить прибыль от туризма. Большая часть интеллигенции Каталонии вообще относилась к этому сооружению с отвращением. Во время Гражданской войны анархисты, откровенно ненавидевшие этот собор и не понимавшие его архитектурной ценности, уничтожили все планы и рисунки, какие только могли найти. Гауди умер за десять лет до наступления Гражданской войны, так и не закончив строительства собора. Так как план собора был уничтожен, никто не знал, как можно завершить работу, начатую архитектором, так как никакие математические расчеты не могли помочь в разгадке замысла автора. Да и компьютеров, с помощью которых можно было создать модель собора, тогда еще не было. (Например, когда Гауди создавал проект склепа для Саграда Фамилия, он обратился к своему другу Эусебио Гуэлю, у которого была текстильная фабрика, с тем чтобы попробовать смоделировать процесс возведения этого склепа.) Строительство Саграда Фамилия продолжается до сих пор. В этом процессе принимают участие всего несколько архитекторов, фанатично увлеченных идеей завершения этого уникального произведения. На это уходит огромное количество денежных средств. Кстати, в 1930 году в Барселону приезжал английский писатель Ивлин Во, который тоже выделил деньги на этот проект. После дела пошло гораздо быстрее. Сам писатель так высказался по поводу Саграда Фамилия: «Было бы очень жаль, если бы это изумительное чудо исчезло с лица земли. Я очень надеюсь, что найдутся еще безумцы, которые пожелают сохранить это творение».

Глава 12

Город соблазнов

На стене висела табличка: «Будьте аккуратны при пользовании туалетом!» Другая, на зеркале, предупреждала: «Выбрасывайте бумагу в мусорное ведро!»

Это уже было слишком! Три дня, проведенные нами в Барселоне, показали, что

здравый смысл каталонцев, в прямом смысле этого слова, не знает границ. Все это нас очень сильно утомило и издергало. Плюс к этому от долгих прогулок по городу мы истерли все ноги. Но вот настал день расставания. Мы поймали машину и отправились в Кадакес, тихий городок на берегу моря, в нескольких часах езды от Барселоны. Трудно описать, с каким удовольствием мы запрыгнули в «фиат-пунто»! Тем, кому поездки на автомобиле кажутся скучными и неинтересными, я бы посоветовала для сравнения в течение нескольких недель попутешествовать на велосипеде, а уже потом делать какие-то выводы. Какое же это удовольствие, ехать в автомобиле с включенным кондиционером, удобно устроившись на мягком сиденье, и дать отдых своим рукам и ногам под успокаивающее жужжание мотора!

Кадакес когда-то давно считался притягательным городом, своего рода городом соблазнов. История его неразрывно связана с именем Сальвадора Дали.

Его бабушка и дедушка были отсюда родом, и Дали, будучи ребенком, приезжал к ним на лето и все время проводил у них в доме на берегу моря. В 1919 году в одном из своих писем дяде пятнадцатилетний Дали писал: «Я, как всегда, провел чудесное лето в Кадакесе, в этом сказочном раю. Здесь все пропитано ярким солнечным светом и необычными красками Средиземного моря. Все мои дни были заняты только одной живописью и больше ничем: невозможно думать ни о чем другом, созерцая залитый ярким солнцем пляж и ни с чем не сравнимое по своей красоте море».

Спустя десять лет Дали был изгнан отцом из родительского дома в Кадакесе, после того как прочитал на картине своего сына надпись: «Я не питаю к своей матери ничего, кроме злобы». После этого здоровье отца пошатнулось, и он чуть было не перенес инсульт. А сам Дали был вынужден, покинув отчий дом, купить собственное жилье. Он приобрел рыбацью хижину площадью двадцать один квадратный метр в километре от Кадакеса, в бухте Портлигат. Спустя некоторое время Дали расширил и надстроил свой новый дом, превратив его в запутанный лабиринт комнат, лестниц и коридоров.

В разные годы посетителями дома Дали были самые разные знаменитые персоны: художник-сюрреалист Рене Магрит, фотограф Ман Рэй и основатель сюрреализма Андре Бретон. (У последнего, кстати, остались от этого не очень приятные воспоминания: его сильно раздражали мухи.)

В 50-х годах там побывали Уолт Дисней и герцог Виндзорский (естественно, по отдельности), а несколько десятилетий спустя сюда приезжали Мик Джаггер и Габриэль Гарсиа Маркес. Несколько раз даже побывал один из самых известных испанских поэтов и драматургов XX века Федерико Гарсиа Лорка. А в молодости Дали и Лорка были хорошими друзьями, хотя их отношения со временем приобрели сексуальный характер. Несмотря на сомнительную репутацию, Дали сам не слишком одобрял такой поворот событий в дружбе с Лоркой. В более поздние годы художнику нанесли визиты представитель президента Каталонии Джорди Пуджол и даже король Хуан Карлос и королева София.

Несмотря на визиты именитых гостей, которые приезжали сюда, чтобы посмотреть на чудо-дом Дали, он не переставал оставаться простой рыбацей хижинкой и местом встреч жены Дали, ненасытной Галлы, с рыбаками Кадакеса. (Дали просто не успевал выполнять все ее сексуальные прихоти.)

В свое время в Кадакесе был даже снят фильм «Золотой век», один из самых обсуждаемых фильмов из разряда интеллектуального кино того времени. Кинолента запечатлела лица жителей Кадакеса, уже получившего к тому времени широкую известность, но, к сожалению, этот фильм не принес городу больших доходов. Даже сегодня здесь нет ни шикарных отелей, ни яхт стоимостью миллион долларов, ни казино.

Здесьние маленькие ресторанчики — это разновидность семейного бизнеса, где вам не предложат какие-то изысканные блюда, зато можно попробовать приготовленные на гриле свежие морепродукты и местное вино «Пенедес». А на здешнем пляже все еще стоят яркораскрашенные деревянные рыбацьи лодки. Что же касается ночной жизни, то об этом вам придется забыть. Когда мы спросили администратора гостиницы, не шумно ли будет в номере, окна которого выходят на море, тот удивленно взглянул на нас и ответил:

— Где угодно, но только не в Кадакесе.

Мы забронировали номер в гостинице «Лагуна» на окраине города. Изучив путеводитель, посчитали, что там удобные номера, но по приезду в эту гостиницу поняли, что это не так. Теперь я понимаю, что гостиница «Лагуна» могла бы быть прелестным уголком для туристов, если бы все полы в номере были застелены коврами, на кроватях, поверх простыней из египетского хлопка, лежали мохнатые покрывала, а в ванной комнате висели бы махровые халаты, в дополнение к которым бесплатно прилагалась бы парфюмерия и косметика фирмы «Кларинс». Но мы даже не предполагали, что всего этого там нет.

Мы с трудом нашли это место, так как оно затерялось среди зданий на крошечной глухой улице.

Выгрузив из машины огромное количество сумок и пошатываясь, побрели к входу. Войдя в гостиницу, мы невольно остановились и поморщились, увидев жуткий коридор и почувствовав заплесневелый запах, висевший в воздухе и исходящий от сырых стен с облезлыми обоями.

— У этой гостиницы всего одна звезда! — с дрожью в голосе проговорила мама, увидев вывеску на стене.

— Интересно, а нас кто-нибудь видел? — спросила я.

Оглядевшись, мы убедились, что у стойки администратора никого не было.

— Бежим отсюда! Скорей! — скомандовал папа.

Мы поспешили обратно к машине, причем старались идти как можно шустрее, гораздо быстрее, чем от такси к гостинице. По выражениям наших лиц было видно, что нам неловко и немного стыдно за свое бегство из гостиницы. Две последующие ночи мы провели в гостинице «Плая Сол» неподалеку от чудесного пляжа. Из окон нашего номера мы видели море и бухту с раскачивающимися на волнах лодками. Плеск волн убаюкивал нас, и мы блаженно засыпали. После плотного завтрака купались в бассейне, причем делали это скоренько, потому что вода была ледяной. Затем натягивали свитера и грелись на солнце, сидя в шезлонгах. Чтобы восстановить наше доброе имя, я позвонила в гостиницу «Лагуна» и объяснила, что мы не сможем больше вернуться в Кадакес, и виновата в этом якобы одна хрюшка, умеющая быстро бегать, с которой нам довелось встретиться в горах, естественно, не без последствий для нас. После этого телефонного разговора мы решили отметить удачное разрешение всей этой неприятной ситуации с гостиницей. Потягивая джин-тоники, удобно устроившись на балконе, мы могли наслаждаться заходом солнца над заливом.

На следующее утро, во время нашего первого завтрака в гостинице, мы решили обойтись без красного вина, как истинные трезвенники, а заказали вместо этого апельсиновый сок и бодрящий кофе. (Чай в Испании пить не следует ни при каких обстоятельствах. Еще королева Виктория, побывавшая здесь в 90-х годах XIX века, заявила, что здешний чай совершенно не пригоден для питья. С тех пор мало что изменилось.) После завтрака мы поехали к мужскому монастырю Сан-Пере-де-Родес. Путь наш пролегал по узкой, извилистой горной дороге. Сам же монастырь был заброшен, хотя, если верить возлюбленной Дали, Аманде Лир, нам здесь еще могли встретиться монахи, жившие во времена самого художника.

Существует миф, что Аманда Лир транссексуалка. Ее отец был французом, а мать — китайкой. Она выступала в кабаре, где можно было легко найти наркотики. Дали же считал ее своей музой. В книге «Дали глазами Аманды» Аманда Лир рассказывает о том, как Дали сделал ей предложение выйти за него замуж.

Прежде чем обвенчаться в церкви, они отправились за благословением к одному монаху, жившему отшельником в горах. Тот одобрил их союз, но посоветовал жениху и невесте получить благословение еще и в монастыре Сан-Пере-де-Родес. Что было дальше, мы не знаем. Но Ян Гибсон, биограф Дали, отметил в своей книге, что Аманда Лир любила приврать и что вся эта история с их поездкой в монастырь в горы могла оказаться всего лишь вымыслом.

Далее наш путь лежал к Кап-де-Креус, скалистому труднодоступному мысу, который сам Дали называл «величественным геологическим бредом». Бедная растительность этих мест напоминает о печальных событиях 80-х годов XIX века, связанных с появлением здесь полчищ филлоксер, уничтоживших все виноградники, которые до сих пор не восстановлены, а низенькие глиняные дома и террасы, где некогда вилась виноградная лоза, отбрасывая тень на темную почву, согреваемую полуденным солнцем, по-прежнему напоминают о некогда царившем здесь виноградном изобилии.

Во Франции в 60-е годы XIX века тля также уничтожила бо льшую часть виноградников. В результате этого бедствия многие французские виноделы были вынуждены уехать на юг Испании, в Риоху, чтобы на новом месте вернуться к своему основному занятию — виноградарству. С тех пор качество вина заметно улучшилось. С этим соглашаются все, но только не сами испанцы, и я не советую вам говорить об этом во всеуслышание, иначе вам не поздоровится. С другой стороны, то, что случилось с виноградниками во Франции, было на руку каталонским виноделам, так как спрос на их вино резко увеличился, а вместе с ним и цены. Но полчища крылатых тварей не останавливались на достигнутом и продвигались в сторону Испании. Правительство приказало вырубить виноградники на территории протяженностью в пять миль у подножия Пиренеев и остановить тем самым продвижение насекомых. Но это требование было проигнорировано. В 1879 году тля добралась до Каталонии. За десять лет было уничтожено около миллиона акров виноградников, которые так и не были восстановлены, так же как и здесь, в Кап-де-Креус. Как ни странно, скалы и несколько мрачноватая, но в то же время прекрасная природа мыса Кап-де-Креус вдохновила Дали на написание его первых картин.

На обратном пути в Барселону мы сделали остановку в Фигерасе, в городе, где вырос Дали. Там есть музей, созданный самим художником, экспонаты которого вызывают у посетителей, мягко говоря, недоумение. Вот некоторые из них: деревянный стул, подвешенный над полом, и муляж буханки хлеба. Дали всегда считался крайне эксцентричным человеком, а по правде говоря, просто сумасшедшим.

В ответ на международную выставку сюрреалистического искусства, которая проходила в 1936 году в Лондоне и где были представлены картины Дали, «Дейли телеграф» отреагировала следующим образом:

«Его образы настолько искусно вытянуты из подсознания, что было бы интересно понаблюдать, как специалист сможет вернуть автора этих произведений в реальный мир, то есть вернуть ему сознание».

«Да, этот молодой человек явный фанатик. Почему же тогда в Испании разгорелась Гражданская война?» — высказался по поводу Дали Зигмунд Фрейд, увидев художника в Лондоне в 1938 году.

А в 1926 году, после своей первой встречи с Дали, каталонский искусствовед написал следующее: «Его детское, гладкое лицо, такое бесстрастное, невыразительное, как будто окаменевшее, резко контрастирует с маленькими, лихорадочно блестящими глазами. Его взгляд грозен и ужасен. И ты сразу понимаешь, что перед тобой безумец».

Что же касается самого Дали, так он никогда не стеснялся открыто высказывать свою точку зрения. «Единственное, что отличает меня от сумасшедшего, так это то, что я не сумасшедший», — говорил он. Впервые эта фраза прозвучала из его уст в 1934 году. Он остался очень доволен своим высказыванием и не переставал повторять эти слова до конца жизни.

На этом я заканчиваю свой рассказ о Дали, о его жутких скульптурах и безумных картинах. Я уверена в том, что ни при каких обстоятельствах я не буду лепить буханки хлеба и ставить их на головы античных статуй. Я еще не настолько сошла с ума, чтобы дойти до такого!

Я проводила своих родителей в аэропорт и вернулась за велосипедом, который уже, наверное, затосковал по мне, ожидая моего возвращения в камеру хранения гостиницы.

Впереди меня ожидала Гранада, куда я завтра должна была вылететь. Мое велопутешествие, теперь уже по Южной Испании, продолжалось.

Глава 13

Грана-а-а-да

Девушка, стоявшая за стойкой регистрации в аэропорту, недовольно фыркнула. Ее напудренное лицо очень напоминало блин. Каждая мышца почти дрожала от злости, что незамедлительно отражалось на выражении лица. Она резко подергивала плечами и закатывала накрашенные глаза.

— В самолете, который летит в Гранаду, забронированы сто пятьдесят три места. Вы же в числе тех, кто находится в списке ожидающих.

Она осуждающе уставилась на меня, как будто это я была виновата в сложившейся ситуации и они должны были оплатить мое место в самолете. Я приехала в аэропорт в восемь утра, то есть, как и полагалось, за два часа до вылета. Мне объяснили, что компьютер при проверке моего билета завис. Когда же он вновь нормально заработал, меня решили исключить из списка пассажиров рейса.

— А почему бы вам не улететь дневным рейсом в половине пятого, — сердито предложила Госпожа Напудренное Блиноподобное Лицо.

В половине пятого? Извините, конечно, сеньорита, но, кажется, вы не поняли меня: в полпятого я уже должна быть в Гранаде и сидеть на солнечной террасе, потягивая четвертый или пятый бокал пива, и любоваться темно-красными стенами дворца Альгамбра.

— Если вас что-то не устраивает, вы можете подойти к стойке номер один и переговорить с человеком из PR-отдела, — презрительно фыркнула она.

Если меня что-то не устраивает? Это у тебя должны быть проблемы! — негодовала я про себя. Ты еще не знаешь, какая я на самом деле, это только с виду я спокойный и разумный человек! Я не потерплю издевательств в свой адрес! Так, значит, я должна переговорить с человеком из PR-отдела? Ха! Да он у меня еще попляшет!

И вот я направилась к стойке № 1 и увидела там огромную очередь, в конец которой мне пришлось встать. Народу было много, около ста пятидесяти человек. Люди просто кипели от злости и готовы были ринуться в бой.

«Es indignante. ¹⁷ Просто чудовищно!» — то и дело раздавалось в толпе разгневанных пассажиров из Барселоны.

Похоже, тому человеку из PR-отдела приходится несладко! Да, работа у него не из приятных! А я-то думала, что самая ужасная работа у Пола из лондонского муниципалитета в Виндзоре. Ему постоянно приходилось являться на встречи с жильцами, одним из которых была и я, отвечать на все их вопросы и реагировать на все их жалобы. Как правило, из всех жильцов эти собрания посещали только пожилые дамы. Все это выглядело очень забавно.

Квартиры были ими выкуплены у муниципалитета, и это давало жильцам право вечно высказывать свое недовольство. Они приходили, вооружившись маленькими дамскими сумочками, словно предупреждая о возможном нападении, если им что-то не понравится.

Бедняга Пол! Он и сейчас сидит там с кислой улыбкой на лице, пытаясь изо всех сил быть вежливым и не сболтнуть ничего лишнего. Конечно, все его мысли о пироге, который ему сейчас готовит жена. Но если посмотреть с другой стороны, то Пол — просто счастливчик. Он только один раз за несколько месяцев и только в течение получаса терпит выпады банды жильцов, угрожающей ему сумочками. Он возвращается в свой уютный офис, где чувствует себя в полной безопасности и где можно не особенно утруждать себя работой. А вот человек, работающий в PR-отделе авиакомпании «Иберия», весь день должен безвылазно сидеть за стойкой в аэропорту Барселоны.

¹⁷ Он возмутителен (*исп.*).

Наконец-то подошла моя очередь. Недовольная, я стала объяснять, что произошло. В порыве злости я уже была готова силой задержать свой самолет. Моим главным аргументом стало то, что я предъявила свой билет за два часа до отправления и имела право улететь своим рейсом. Человек из PR-отдела уткнулся в компьютер.

— Нет, — сказал он. — Вас не было в аэропорту за два часа до вылета. В компьютере есть только информация о том, что вы проходили регистрацию без десяти девять.

А это было за час и десять минут до отправки самолета.

От этих слов кровь закипела у меня в жилах, лицо покраснело, а сердце стало биться с такой силой, как будто за мной гнался тигр или как будто кто-то оговорил меня и обвинил в чудовищной лжи. Я просто негодовала от возмущения, и ничто не могло в этот момент вызвать моего сочувствия.

— Это все потому, что ваши компьютеры не работали целый час, — пролепетала я. — Я приехала в восемь часов. Мне сказали ждать.

— Нет, — резко бросил он. — Вы не могли быть здесь в это время. Вы приехали в восемь пятьдесят. — Напоследок он добавил: — Вы можете сесть на самолет до города Малага, который улетает в десять пятнадцать, а оттуда до Гранады идет автобус, который довезет вас прямо до места.

Это стало последней каплей, переполнившей чашу моего терпения.

Посещение города Малага не входило в мои планы с самого начала, потому что мне не нравилось это место. Кроме аэропорта, здесь смотреть абсолютно нечего. Можно, конечно, пойти в бар, но, кроме туристов из Британии и Германии, напоминающих цветом своего лица омаров — от бледно-розового до ярко-красного в зависимости от количества посещенных ими сегодня питейных заведений, — вы никого здесь больше не встретите. Хотя именно благодаря им побережье Коста-дель-Соль решает свои финансовые вопросы.

Единственное, что обращает на себя внимание в Малаге, так это название аэропорта. Дело в том, что он носит имя Пабло Пикассо.

Пикассо родился в Малаге в октябре 1881 года, и, как говорят, мертвым. (Интересно, что то же самое произошло и с Фрэнком Синатрой. Если бы его бабушка не полила его холодной водой, он не ожил бы.) Что же это получается? Все мертворожденные дети восстали из ада? Акушерка сказала, что ребенок мертв, и переключила свое внимание на мать. Однако дядя Пикассо по имени Сальвадор был врачом и вернул младенца к жизни. Он склонился над бездыханным синюшным младенцем и пустил сигаретный дым в ноздри ребенка. После этого тот закричал и порозовел. Он продолжал кричать, вопить и бредить в течение всех последующих лет своей жизни, дожив при этом до девяносто одного года.

Пикассо был сложным человеком, с которым было нелегко ладить. Увидев впервые свою будущую невестку, Ольгу Хохлову, мать Пикассо сказала ей: «Бедная девочка, ты не знаешь, на что себя обрекаешь. Если бы я была твоим другом, то посоветовала бы тебе ни в коем случае этого не делать. Думаю, ни одна женщина не смогла бы обрести счастье с моим сыном. Он должен жить один!»

Первые десять лет жизни Пикассо провел с родителями в Малаге. Потом они переехали на север Галиции, а затем в Барселону, где он, как и отец, стал учителем рисования.

Несмотря на то что Пикассо провел в Малаге самые ранние годы своей жизни, тихий средиземноморский город с богатым культурным наследием очень сильно повлиял на него. С детства он проявлял недюжинный талант художника. Однажды Пикассо так сказал о себе: «Я никогда не рисовал как ребенок. Когда мне исполнилось двенадцать, я уже рисовал как Рафаэль». Конечно, он был развитым не по годам. Первое слово, произнесенное им, по воспоминаниям семьи, было *piz*, то есть *lapiz*, что в переводе означает «карандаш». В школе же Пикассо считался очень плохим учеником. Ему тяжело давалась арифметика, а цифры он воспринимал как некие образы, которые навевала ему их форма. Например, цифра «7» казалась ему носом, только наоборот, то есть перевернутым с ног на голову. Поэтому

отец перевел его в частную школу, где директор позволял одаренному юноше проводить весь день за рисованием на кухне его дома.

Став взрослее, Пикассо начал неуютно чувствовать себя в родной Малаге с ее буржуазными ценностями. Он ощущал себя более свободно в интеллектуальных кругах Барселоны и Парижа. Он приезжал в Париж в 1900 году, когда ему было всего девятнадцать лет. Спустя четыре года он обустроился там уже навсегда.

Когда в 1936 году в Испании к власти пришел Франко, Пикассо поклялся никогда больше не возвращаться на родину, пока там будет править диктатор. В итоге Франко пережил Пикассо на два года.

Итак, впереди меня ждала Гранада, и я решительно направилась к автобусу.

Когда через несколько часов попала туда, куда хотела, я все еще сердилась. В салоне самолета было холодно, к тому же полным-полно орущих детей. Мне пришлось сохранять хладнокровие, чтобы не присоединиться к этому хору. В салоне автобуса, наоборот, было слишком душно. Кроме того, нас сопровождала одна властная дама в униформе, постоянно руководившая всеми пассажирами. Она могла составить конкуренцию разве что противному служащему PR-отдела и побороться с ним за титул «Самый лучший сотрудник по боям с использованием дамских сумочек в качестве оружия». (Чтоб он просидел всю оставшуюся жизнь на своем жестком пластмассовом стуле, выслушивая гадости в свой адрес.)

В Гранаде я пересела на велосипед и отправилась в гостиницу, где уже был заказан номер на втором этаже. Гостиница располагалась в очень старом здании. Лифт в ней оказался совсем крошечным. Глубоко вздохнув, я открыла металлическую дверь, которая весила тонн десять, и затащила туда велосипед и сумки. Но для меня места в лифте не осталось.

Что было делать? Не тащить же самой все свое богатство на второй этаж? Несмотря на то что моя фигура построилась, к сожалению, в такой лифт я пока вместе с вещами не помещалась. Ужас какой-то!

Придется теперь мчаться по лестнице, чтобы успеть за лифтом. Ничего! Я уже достаточно натренировалась за этот месяц. Я нажала на кнопку, и тяжелая металлическая дверь захлопнулась. А сама я, словно спринтер, понеслась на второй этаж по гладким мраморным ступеням лестницы. В велотуфлях я поскользнулась на каждой ступеньке и меня заносило на каждом углу. Я цеплялась за перила, боясь упасть, а еще отчаянно молила Бога, чтобы никто не вызвал лифт, не выбросил мой драгоценный велосипед и, что еще хуже, не забрал его себе. Да, моя затея была очень рискованной! Во время забега я чуть было не столкнулась с одной испанской парой. Они были одеты в элегантные, хорошо сшитые кожаные пиджаки. Даже сигареты, которые они курили, подходили к их нарядам.

— Бог мой! — по-испански проворчал мужчина и закрыл собой спутницу, защищая ее от столкновения.

Они остановились и, уставившись на меня, прижались к стене.

— Ой! Простите, пожалуйста! — выдохнула я, проносясь мимо, вся красная и потная от напряжения.

Они явно были в шоке от встречи со мной.

Запыхавшись, я вбежала на второй этаж и благополучно забрала все свои вещи. Это произошло именно в тот момент, когда лифт, мелодично звякнув, остановился. К сожалению, гостиница не стоила таких жертв с моей стороны. Стены номера были выкрашены в коричневый цвет, а в туалете оборвалась цепочка сливного бачка, висящего на стене.

Вследствие этого мне пришлось встать на цыпочки и дернуть за рычаг, чтобы смыть за собой. Вот такая вот гостиница!

На двери номера на первом этаже висел лист бумаги формата А4, на котором было написано: «Мы переселили Фелипе Гонсалеса».

Переселили? Боже, куда? Он что, устроил драку? Думаю, не я одна задавала себе

подобные вопросы. Разве бывший премьер-министр заслужил такое неуважение? Но потом я поняла, в чем дело, потому что в самом низу листа значился адрес. Оказалось, что бывшими жильцами этого номера были служащие коммерческого предприятия под названием «Фелипе Гонсалес». Просто им следовало указать новый адрес, поставив двоеточие после названия своей фирмы: «Мы переехали. „Фелипе Гонсалес“: улица... и так далее, и тому подобное». Тогда ни у кого не возникло бы никаких сомнений.

Да, в Испании и не такое бывает! Здесь четыре часа дня наступает в половине седьмого, поэтому думать о каком-то двоеточии никто не собирался. Ну ладно, хватит об этом. Пора взять еще пива.

Перелет, потом автобус, пребывание в гостинице, где удобства в ванной оставляли желать лучшего, — все это побудило меня к действиям. Моим спасением стал чудовищно бездарный уличный артист. Он жонглировал огненными факелами. Я же сидела на залитой солнечным светом площади Нуэва, пила пиво и ела жареных кальмаров.

Жонглер выглядел не лучшим образом: глаза от страха выпучены, ладони вспотели, пальцы словно неживые. Все время ему не удавалось поймать зажженные факелы. Он подпрыгивал и уворачивался от огня, боясь обжечь лицо, итак покрытое пеплом. От всего этого мне даже стало веселее. На почтительном расстоянии от жонглера уличные музыканты старались подражать Синатре, напевая вполголоса его песни. Правда, это удавалось им очень плохо. Уличные торговцы сидели в палатках. А те, у кого не было прилавков, разложили свои товары на ковриках прямо на земле. Здесь продавали ювелирные изделия, мавританские безделушки, псевдомавританские шкатулки и горшки, датированные приблизительно 2001 годом. Я была в Андалусии, а значит, Африка находилась совсем рядом. Совершенно естественно, что именно в этой части Испании мавры оставили свой самый неизгладимый след.

Мусульмане господствовали здесь около восьмисот лет, после чего часть из них была уничтожена, другая доведена до разорения и выдворена с Пиренейского полуострова. Первой мусульманской столицей был город Кордова. Последующие династии царствовали в Севилье, а затем повсюду, где христиане утрачивали свое влияние. Последняя мавританская династия — Насриды — занимала самый таинственный дворец под названием Альгамбра, в Гранаде. Вокруг него были разбиты прекрасные сады, деревья и кусты которых образовывали арки и лабиринты. А струящиеся фонтаны наполняли их свежестью и прохладой.

Здесь мавританские колдуньи, одетые в шелка и закрывшие свои лица чадрой, исполняли танец шимми. В перерывах их угощали инжиром, миндалем и виноградом. Их танцы сопровождала музыка, исполняемая музыкантами на лютнях, напоминавших по форме грушу, на цитрах, языковых трубах и барабанах под названием дарбука. Кстати, играли на лютнях с помощью орлиных перьев, которые для этой цели обрабатывали особым образом.

Свое королевство на территории современной Испании мусульмане называли Аль-Андалус. Оно упоминается в литературных трудах многих писателей-романистов и описывается как нечто благоухающее, чувственное и таинственное. Арабы проявляли религиозную терпимость, были образованны и ценили красоту. Арабский путешественник X века Ибн Хаукаль писал: «Кордова, которая в X веке была мусульманской столицей в Испании, резко отличалась от Магриба, Египта, Сирии и Месопотамии по численности населения, по площади, по количеству рынков, улиц, мечетей, купален и больших гостиниц». Халиф Кордовы, то есть ее правитель, Абд ар-Рахман III (который на самом деле был арабом на четверть, красил рыжие волосы в черный цвет, чтобы быть похожим на настоящего араба), построил здесь великолепный дворец. Его кровля и стены были сделаны из цветного мрамора. Работа была настолько тонкой, что они выглядели полупрозрачными. В центре помещения стояла чаша с ртутью, которая при колебании отражала солнечные лучи, так что они сверкали, словно молнии. Говорят, что пруды для разведения рыб во дворце были такими огромными, что рыба съедала в день двенадцать тысяч буханок хлеба. Позднее

династия Насридов, последняя из мусульманских династий, правивших в Испании, построила в Гранаде дворец Альгамбра.

В начале XIX века американский писатель-романист Вашингтон Ирвинг какое-то время жил в этом дворце. Он так писал о своем пребывании там: «Альгамбра — это огромное сооружение в арабском стиле, находящееся в центре христианской земли, мавританский дворец среди готических католических соборов, напоминание о смелых, умных и красивых людях, которые покорили эти земли, царствовали здесь и здесь же умерли».

Но завоевание Испании маврами оставило не только богатое культурное наследие. Дело в том, что мусульмане воевали и с христианами, и друг с другом. Поэтому за восемьсот лет у власти сменилось несколько династий. Как гласит одна мусульманская легенда, когда Аллах создал Землю, Он пообещал исполнить пять желаний каждого царства на Земле. Королевство Аль-Андалус попросило Его даровать чистое небо, красивое море, богатое рыбой, спелые плоды, прекрасных женщин и мудрого правителя. Аллах исполнил все желания, кроме последнего, сказав, что позволить такое стране означает создать Небеса на Земле.

Несмотря на то что мавры провозглашали религиозную терпимость, некоторые из самых богатых мусульман позволяли себе использовать христианские монастыри в качестве питейных заведений, где они могли пить вино, что было запрещено их собственными законами.

Религиозные войны в то время были обычным явлением и отличались особой жесткостью. В 920 году, после страшной резни христиан у Памплоны, мусульмане отрубили так много голов, что решили сложить их в одном месте, погрузить на мулов и отправить обратно в Кордову, а потом там вывесить на столбах у городских стен. Мусульмане обладали несметными богатствами благодаря мародерству и похищению богатых христиан с целью получения выкупа. Однако жадность, как известно, до добра не доводит. Каталонские воины во время сражения с мусульманскими берберами в 1010 году около города Ронда последовали их примеру. Но во время переправы через реку Гуадиаро многие из каталонцев утонули, так как награбленное ими золото и серебро оказалось очень тяжелым.

В ходе Реконкисты, вплоть до прихода к власти Фердинанда и Изабеллы, о религиозной терпимости не было и речи, так как северная половина Испании к середине XII века вновь оказалась в руках христиан, так же как и к 1250 году южные города Севилья, Кордова и Хаэн. Тогда же появились законы, позволяющие слежку за мудехарами — местными мусульманами. Им лишь разрешалось ходить в купальню в назначенный их религией день. Если же мудехаров заставляли в обществе христианок в момент их интимной близости, то мужчин забивали до смерти камнями.

В полдень я отправилась на прогулку по городу, чтобы осмотреть его достопримечательности. Была суббота, а накануне отмечался государственный праздник под названием национальный день Испании, то есть день открытия Америки Колумбом, который высадился на острове Сан-Сальвадор. Мне показалось, что половина Испании, воспользовавшись этим выходным днем, отправилась в Гранаду. Однако мне удалось все-таки пробраться сквозь толпу и оказаться на крошечных улицах Альбасена, старого исламского квартала, где я полюбовалась прекрасным дворцом Альгамбра с его золотисто-красными стенами. Я погуляла по центру города, по узким улочкам, вымощенным булыжником, по уютным скверам, в полумраке которых можно было разглядеть цветочные и газетные киоски, кафе и кондитерские лавки. Затем решила посетить место захоронения католических монархов, две усыпальницы — Фердинанда II Арагонского и Изабеллы Кастильской. Благодаря их браку, об этом я узнала во время моего путешествия по Каталонии, были объединены два королевства.

Гранада была последним оплотом мавров, поэтому Фердинанд и Изабелла направились именно сюда.

В момент принятия этого решения королева Изабелла дала обет ходить в одном и том

же платье, пока Гранада не будет завоевана. Ее муж поступил мудро, отговорив ее от этого.

В итоге в конце 1491 года Фердинанд и Изабелла благодаря своей армии добились капитуляции Гранады. В январе 1492-го они триумфально въехали в город, выдворив ее последнего правителя Боабдила и заставив его внести в казну тридцать тысяч золотых монет. (Покидая Гранаду вместе со своей матерью, которая не хотела провести остаток жизни в Африке, Боабдил услышал от нее совсем нелестные слова: «Ты рыдаешь как женщина, поскольку не смог защитить ее как мужчина». Она произнесла эту фразу в тот момент, когда он обернулся и заплакал, глядя на любимый город, который был вынужден покинуть.)

В том же году, когда Колумб переплыл океан, Фердинанд и Изабелла изгнали из Испании евреев (хотя те повлияли на ход последнего этапа Реконкисты).

За десять лет они добились избавления от мусульман, заставив их под страхом быть изгнанными принять христианскую веру. Для многих эмиграция казалась единственным выходом. Но уехать из Испании могли только те, кто заплатит значительную сумму в казну католических монархов и согласится выполнить ряд требований, например оставить всех своих детей в Испании. Поэтому почти все мусульмане выбрали первый вариант из двух предложенных. За один год христианство приняли триста тысяч мусульман, и их стали называть маврами. Но на этом история не заканчивается. Ислам продолжал существовать за закрытыми дверями. (Мавры, крестившие своих детей, смывали святую воду, как только приходили домой.) А в это время на улицах пылали костры инквизиции. Еще одним наследием католических монархов, стремившихся очистить вновь объединенную страну от так называемых еретиков, стало введение в Испании в 1478 году инквизиции, которая просуществовала триста лет и унесла двенадцать тысяч жизней. Католические монархи уж точно не были белыми и пушистыми, к ним лучше всего подходят определения «жестokie» и «беспошадные». И я бы не стала их приглашать на ежегодное празднование Ночи Гая Фокса, известное также как Ночь костров.

Судя по очереди, которую я увидела перед Королевской капеллой, усыпальницей Изабеллы и Фердинанда, тела которых лежат в свинцовых гробах, испанцы очень интересуются судьбой этих печально известных монархов. На первом этаже капеллы находятся мраморные гробницы. Там покоятся тела не только Изабеллы и Фердинанда, но и их дочери Хуаны Безумной и ее мужа Филиппа Красивого. Бедная Хуана страдала душевной болезнью.

А ее старший брат умер, как говорили врачи, по причине слишком активной половой жизни, которую он вел с ненасытной женой, Маргаритой Бургундской. Тем не менее они не оставили наследников. Хуана стала королевой Кастилии после смерти Изабеллы, но ее правление было недолгим. Она страстно любила своего женоподобного мужа Филиппа (который, как оказалось, был братом Маргариты Бургундской). Испытывая страстное влечение, она не получала удовлетворения, и это стало причиной ее душевной болезни. Бедняжка Хуана сошла с ума и потеряла бразды правления.

Когда через несколько месяцев внезапно умер ее муж Филипп, Хуана совершенно утратила рассудок. Пребывая в ярости, она не позволяла хоронить мужа, считая его своей собственностью. Однако поверила одному монаху, который обманул ее, сказав, что ее муж вернется к жизни, если она отправится в путешествие по Испании, сев на корабль и взяв с собой быстро разлагающийся труп Филиппа. Хуана устроила парадное шествие: кортеж, запряженный восьмью черными лошадьми, вез катафалк в сопровождении людей с факелами. Хуана постоянно требовала, чтобы гроб с телом мужа открывали и она могла рассматривать кишачий червями труп Филиппа.

В итоге Хуану с трудом оторвали от тела мужа, уже покрытого плесенью. Это было в Тордесильясе, на северо-западе Мадрида, где Хуана провела последующие почти полвека жизни под домашним арестом. В конце концов останки Филиппа перевезли в Гранаду, где теперь благополучно покоятся тела всех членов этой королевской семьи в Королевской капелле. Настоящие гробы с их останками находятся не на первом этаже в гробницах капеллы, а в склепе, в подвале.

Испанцы, желающие отдать дань уважения и увидеть останки этой королевской семьи, выстроились в длинную-предлинную очередь. Наконец пришел и мой черед. Чтобы заглянуть через металлическую решетку в темный склеп, похожий на пещеру, мне пришлось вытянуть шею. Там, в крошечной, лишенной каких-либо убранств комнате, стояли плоские, строгие свинцовые гробы. Туристы, приехавшие в Испанию, не очень-то были впечатлены блеском и богатством Фердинанда и Изабеллы, которые вступили в брак по любви, то есть неосмотрительно.

— Ну и ничего особенного! — недовольно фыркнула женщина, стоящая передо мной. Она явно была разочарована увиденным.

Потом мы гуськом стали подниматься по лестнице, на другую сторону. И тут, когда подошла к другой двери, я увидела, что иду следом за очередной группой пенсионеров. Это был кошмар! У одной пожилой дамы, на которую я обратила внимание, волосы имели фиолетовый цвет, что было очень дерзко с ее стороны, потому что в подобного рода местах это смотрится просто дико.

Пенсионеры, как обычно, постоянно болтали. Они были увлечены тем, что обменивались рецептами приготовления тортильи, а еще обсуждали какой-то ужасный скандал, связанный с некоей Марией, жившей в номере 62. Потом они заговорили о ком-то, кто порицал их пышные формы, которые у них были в прошлом.

Этих пенсионеров сопровождала очень шумная женщина-экскурсовод, размахивавшая ярким зонтиком и, так же как и они, рассуждавшая о чем-то с большим воодушевлением. Ей было все равно, где она и кто рядом с ней.

Тем не менее собор заслуживал внимания всей этой толпы. Его строительство началось через тридцать лет после захвата Гранады христианами, которые явно стремились превзойти мавров в архитектуре. Чтобы добраться до Альгамбры, я потратила немало времени и сил, но это стоило того. Я увидела огромное сооружение, которое потрясло меня своим блеском и красотой. В отличие от всех других соборов в Испании, где хор обычно располагается в центре и тем самым преграждает путь свету, Альгамбра просто сияет. Белые стены, мраморные окна с цветными стеклами, бесценные росписи — все это делает Альгамбру неповторимой.

Я проголодалась, но вытерпела только до половины девятого вечера. Так как было еще очень рано, среди туристов, которые, как и я, отправились на ужин, были лишь люди средних лет.

Солнце село, и стало заметно холоднее. Но в этом не было ничего странного, ведь шел конец октября. Все укутались в куртки с капюшонами и платки и, несмотря ни на что, заняли столики на улице.

— Дорогая, как ты думаешь, что такое кава? — спросил свою жену сидевший неподалеку от меня мужчина, изучая меню сквозь бифокальные очки.

— Не знаю, дорогой! — ответила она, сильнее укутываясь в шерстяную шаль. — Давай я посмотрю в разговорнике.

Она стала искать его на дне своей большой практичной сумки. Покопавшись, достала сначала цифровую камеру, которой ни она, ни ее муж не знали как пользоваться. Затем вытащила наполовину съеденную упаковку с фруктовыми низкокалорийными бисквитами «Маквите». В итоге все-таки нашла то, что искала — крошечную книжку с загнутыми уголками страниц. Похоже, этот разговорник был напечатан в 1960-х годах, когда она и ее муж впервые приезжали на Коста-дель-Соль. (В те времена этот разговорник был диковиной и очень стильной вещицей.) Женщина начала шелестеть страницами, правда, это продолжалось недолго.

— Ну, я не знаю, дорогой, — в конечном счете призналась она. — Кажется, этого слова тут нет! Я думаю, что это какая-нибудь рыба.

Кава — это не рыба, а сорт игристого вина. Местом его рождения считается Каталония, где до конца XIX века девяносто девять процентов этого напитка все еще разливали в бутылки.

После того как район Пенедес подвергся нападению тли, виноградники стали разводить в другом месте, а белый сорт винограда заменили на традиционный красный.

А вот по другую сторону Пиренеев, за двести лет до этого бедствия, французы совершенно случайно изобрели шампанское. (Пиренеи, как известно, это очень высокие горы, поэтому новости распространяются здесь не так быстро.)

Известен тот факт, что несколько бочек с вином были отправлены на корабле из региона Шампань до того, как процесс брожения завершился. Но тогда была зима, и поэтому дрожжи не забродили. Когда весной эти бочки все-таки прибыли куда надо, под воздействием теплых температур дрожжи забродили. Причем вино в тех счастливых бочках забродило не один, а два раза, и когда их вскрыли, вино оказалось игристым.

— Боже мой! — воскликнули французские аристократы, качая головами в париках. — Это вино газированное.

Однако благодаря предприимчивости французов оно очень быстро стало модным.

Почти через двести лет после описываемых событий в крошечном каталонском городе Сан-Садурни-д'Аноя группа виноделов, словно семь греческих мудрецов, собралась вместе. Они ломали голову над тем, что же делать с новым белым виноградом. Может быть, повторить то, что уже сделали французы? Но как добиться такого же высокого качества?

После долгих размышлений один из виноделов радостно воскликнул:

— Я знаю! Давайте последуем примеру французов.

Так они и поступили.

Отжали сок из винограда, затем налили его в бочки, оставили их в холодном винном погребе, чтобы сок забродил. (В Испании, как известно, очень жарко, поэтому им пришлось выкопать в земле очень глубокую яму для достижения желаемого результата. Во время работы их, должно быть, сильно мучила жажда.)

В декабре и январе они разлили вино по бутылкам, добавили дрожжи и сахар, в результате чего произошло вторичное брожение. Именно это и делает этот напиток шипучим и пенистым, о чем ранее узнали французы. Для того чтобы получилось игристое вино, оно должно настояться не менее девяти месяцев. Для этого бутылки с вином устанавливают горлышком вниз, чтобы именно туда и переместился осадок. Затем погружают в охлажденную жидкость, при этом небольшая часть вина в горлышке замораживается. При вскрытии ее удаляют. Обычно, когда мы открываем бутылку, мы слышим характерный хлопок. Углекислый газ, искусственно насыщающий вино, необходим для того, чтобы оно стало игристым. После первого вскрытия бутылки и выведения осадка на пробку, бутылку снова закупоривают и ставят обратно — настаиваться.

Единственное, что осталось решить виноделам, так это найти название своему новому вину. Они разлили его по бокалам и задумались. Подобрать название оказалось не так просто. Тогда они откупорили еще одну бутылку, раздался характерный чудесный хлопок, а потом еще одну. От выпитого ими шампанского у них закружилась голова. И тут один из виноделов вскочил и воскликнул:

— Я придумал! Давайте назовем этот напиток *кава*, что означает «винный погреб».

Так появилось название этого игристого вина.

Я направилась в номер. Надо было успеть посмотреть прогноз погоды, так как завтра планировала вновь сесть на велосипед. Я уже начала неплохо разбираться во всех этих волнистых линиях и разнице между высоким и низким давлением. Я даже уже могла точно определить, какая из девушек, ведущих прогноз, появится на голубом экране сегодня.

Однако в коричневом гостиничном номере я обнаружила одного весьма жирного представителя тараканьего семейства, их я терпеть не могла. (В моей квартире в Гонконге этого отродья была целая туча. Однажды я даже обнаружила таракана в стиральной машине.)

Я мужественно гонялась за ним по всей комнате, размахивая туфлей, и целых пятнадцать минут пыталась прибить его. Некоторое время таракан, несомненно, сопротивлялся моему нескрываемому желанию покончить с ним и выдержал мощный хлопок

туфлей. Я носилась за ним, а он проворно удирал от меня: мимо стульев, мимо кровати, прямо в ванную. И тут я с грохотом упала, сильно ударившись. Естественно, я обрушила на своего обидчика самые разнообразные угрозы, надеясь, что он в конце концов сдастся.

— Я доберусь до тебя, маленький негодник... Ты больше не будешь носиться по ковру, когда твои внутренности окажутся на полу от тараканьей морилки!

Однако таракан решил спрятаться под кроватью, куда я не могла добраться. Я прилегла на матрас, свесив голову и руку, затаилась и была готова нанести таракану очередной удар, как только он выбежит из-под кровати. В итоге эта тварь удрала, избежав моего наказания. Да, этот таракан оказался настоящим спортсменом!

Я проснулась в два часа ночи от шума, доносившегося снизу. От него можно было просто оглохнуть. Кто-то, видимо, решил устроить вечеринку с виски вместе с апельсиновым лимонадом «Фанта», а может быть, с чем-то другим. Это было уже не важно.

Утром я поднялась рано, поскольку решила отправиться в Альпухарас, горный район южнее Сьерра-Невады. Туда я добралась за пятнадцать минут. Это место имеет богатую историю. Именно сюда Боабдил, последний правитель Гранады из династии Насридов, был изгнан из страны, когда Фердинанд и Изабелла завоевали Гранаду. (Перед тем как вернуться обратно в Африку, он лишь год смог продержаться в этих горах.) Британский писатель Джеральд Бренан умудрился прожить в Альпухарасе несколько лет в период 1920–1930-х годов. К нему приезжали писатели Вирджиния и Леонард Вулф, которые были супругами, а также любовный треугольник Дора Каррингтон и ее друзья Ральф Партридж и Литтон Стрейчи. Стрейчи, по-видимому, не был впечатлен Альпухарасом. В своей книге «К югу от Гранады» Бренан писал: «Когда Вирджиния и Леонард Вулф собирались приехать сюда и навестить меня, Стрейчи был категорически против и очень решительно заявил мне, что здешние места для них смертельны».

Из произведений Бренана я узнала, что сельские жители за восемьдесят лет повидали здесь всякого. В те времена очень сильное влияние на них оказывала вера в приметы и колдовство. Когда однажды Бренан пришел к священнику исповедаться и признался в том, что он протестант, священник лишь махнул рукой, сочтя это не столь важным, и, похлопав по спине, сказал: «Не беспокойтесь! Просто приходите на мессу. Но советую вам никому не говорить, что вы протестант. Деревенские жители неграмотные, и они не поймут этого». Позже он узнал, что некоторые из сельских жителей считали протестантов людьми с хвостами. В начале 1920-х годов они не знали, что шла Первая мировая война, и думали, что Бренан участвовал в войне против мавров.

Совсем недавно музыкант Крис Стюарт написал книгу, посвященную Альпухарасу. В 60–70-х годах XX века здесь все осталось без изменений. И даже когда в 90-х Стюарт купил кирпичи и построил дом, в Альпухарасе по-прежнему не было ни дорог, ни водопровода, ни электричества. А крестьяне с большим подозрением относились ко всему новому.

Было очевидно, что быстрее всего можно попасть в Пампанейру, деревню Альпухарас, по автомагистрали. Но я совсем не собиралась этого делать. Мне хотелось добраться до места по узкой, извилистой дороге, отмеченной на карте белой линией. Рядом виднелась зеленая, что говорило о живописных видах, ожидавших меня по пути.

Но администратор гостиницы сказал мне, что ездил в деревню только по автомагистрали и что другой дороги не знает.

Однако я все равно решила довериться своему выбору в надежде, что по мере продвижения кто-нибудь да и подскажет мне дорогу.

Женщина, к которой я обратилась, выгуливала пуделя, который то и дело вставал на задние лапы. Она сказала, что не имеет ни малейшего представления, как доехать до интересующей меня деревни. Она посоветовала мне обратиться к молодому санитару в белом халате, стоявшему у соседней двери и ожидавшему, пока ему откроет заболевшая монахиня.

— Да, есть другая дорога, но я думаю, что вам следует ехать вон туда, — и показал туда, не знаю куда.

Я сделала вывод, что он имел в виду дорогу, идущую в объезд. Потом он снова позвонил в дверь. Ему открыли, и он исчез, не сказав мне больше ничего определенного.

Стоя на светофоре, я задала тот же самый вопрос велосипедисту, которому было лет шестьдесят. Он же просто подумал, что я сумасшедшая, и не стал вообще ничего говорить.

— *Hostia!* — воскликнул он.

(По-испански это ругательство: «Вот черт!» Но изначально это слово обозначало хлеб для причащения или тело Христово. Теперь же утратило свое исходное значение.)

А потом добавил:

— До Пампанейры как минимум восемьдесят километров.

Когда зажегся зеленый свет, он тронулся с места, ежесекундно теряя управление велосипедом. На велосипедисте были специальные очки, года этак 1960-го, а из-под майки и велосипедок из лайкры выпирал огромный живот.

Я решила задать интересующий меня вопрос пожилым мужчинам, сидевшим на скамейке в парке в шерстяных кофтах на пуговицах и без воротников. Они обсуждали тактику игры в боулинг. Из их объяснения я не поняла ни единого слова, так как они что-то прощамкали своими беззубыми ртами, при этом энергично размахивая палками и указывая на горы. Проплутав некоторое время по двум странным извилистым дорогам, я оказалась на той самой дороге, о которой они говорили. Там я обнаружила группу велосипедистов в полной экипировке, выехавших на воскресную прогулку. Они двигались по длинной ровной автомагистрали, где не было ни одной машины. Я же крутила педали мимо оливковых рощ с черными и зелеными плодами, мимо гранатовых садов и крошечных белых деревушек среди заснеженных гор Сьерра-Невады.

Не проехав еще и пятидесяти километров, я поняла, что совершила ужасную ошибку — обогнала другого велосипедиста. Одет он был лучше меня, в ярко-зеленые велосипедки из лайкры и бело-зеленую майку с названием баскетбольной команды: «Каха Рурал».

Кроме того, он оказался мужчиной, хотя и не особо сильным.

— Привет! — крикнула я ему по-испански, когда он начал взбираться вверх по склону.

Похоже, в его лице я оскорбила домашнюю ветчину, приготовленную его мамой.

Сеньор с трудом крутил педали и очень сильно напрягал каждую мышцу, щедро откормленную тортільей, чтобы держаться со мной вровень.

— Откуда вы и куда так спешите? — спросил он, тщетно пытаясь восстановить дыхание.

Что я могла ему ответить? На самом деле я никуда не спешила, поскольку убедилась, что стала профессионалом и что за время моего пребывания в Пиренеях моя четырехглавая мышца окрепла. Я решила проявить благоразумие и, сбавив скорость, поехала позади него, сказав, что направляюсь в Пампанейру.

— В Пампанейру? — поперхнулся он. — *Hostia!* Но для этого надо преодолеть двадцать километров, причем все время в гору!

Сказав это, он для наглядности поднял руку вверх. В этот момент я поняла, что испанцы склонны многое преувеличивать. Я сладко улыбнулась и подумала: эх вы, мужчина, да еще живущий в горах! А вот я, простая девушка, покорила вершину Котефабло, добралась до Наварры и одолела Пиренеи. Не важно, что, когда я достигла вершины, мои ноги тряслись и напоминали *флан* из сладкого крема. Я не буду рассказывать вам об этом, все равно вы не собираетесь забираться так высоко.

Первые десять километров пути из тех двадцати оказались просто замечательными. Мой путь пролегал по горным долинам. Несколько раз мне пришлось проезжать по каменным мостикам над скалистыми узкими ущельями. Я добралась до небольшого, но крутого холма довольно быстро, как говорится, на одном дыхании.

Затем выпила колы, пополнив запасы сахара и жиров, а потом в одном местном

ресторанчике, окруженном цветами, поела чипсов. Единственное, что меня удивило, так это полное отсутствие велосипедистов. Я сделала вывод, что если они здесь и есть, то их очень мало. И скорее всего это профессиональные велогонщики.

Белые домики Пампанейры, находящиеся высоко в горах, совсем не изменились. На их окнах, как и раньше, висели ящики для цветов: казалось, бегонии и герань вот-вот соскользнут в пропасть. В самой Пампанейре оказалось очень много уличных торговцев. Здесь в основном продавали изделия ручной работы: ковры с длинным ворсом, напоминающие нестриженую овцу, давно вышедшую из моды обувь, дешевые картины на темы из жизни деревни, а еще овощи, фрукты, хлеб, джем и, конечно, как и везде, керамические изделия, а также пикантные сыры с резким запахом, помогающие отпугивать соседей, торгующих рядом.

Как выяснилось, сегодня в Пампанейре открылась ярмарка прикладного искусства. Многие прибыли сюда, пройдя почти сто километров.

Публика здесь была самая разная: хиппи, фанаты книги «Автостопом по Галактике» Дугласа Адамса, местные жители с детьми, выехавшие на пикник. Они, видимо, делали это нечасто, и потому их дети выглядели чересчур возбужденными. Всего я насчитала семей пять. Затем я увидела туристов, их было человек сто. Они, как и я, приехали из-за границы, чтобы посетить места, связанные с Джеральдом Бренаном и Крисом Стюартом.

Мне показалось, что оставлять без внимания дорогой моему сердцу светло-зеленый дорожный велосипед, да еще в пятидесяти метрах от себя, небезопасно, и только после того, как я заблокировала колеса велосипеда, я решительно двинулась сквозь толпу и села за свободный столик на террасе, чтобы пообедать. Но добраться до него оказалось нелегкой задачей. Это вам не Гонконг, где все по привычке расталкивают друг друга локтями. Испанцы же настолько вялые и безжизненные, что пройти сквозь их толпу было совсем не просто.

Только я уселась за столик, как к моему велосипеду сразу же подбежали два маленьких мальчика. Я решила припугнуть их пристальным сердитым взглядом. Но эти шалопаи как ни в чем не бывало начали тыкать своими пальчиками в велосипедный компьютер, установленный на руле. Я просто сверлила их глазами, но ничего не помогало. В итоге парочка свалила велосипед на землю. А их родители даже не обратили на это ни малейшего внимания. Мне пришлось взять инициативу в свои руки.

— А ну-ка отошли немедленно от велосипеда! — мчась на помощь своему любимцу, прошипела я. — Это *мое*!

— Мы не трогали! — заверещал мальчик номер один. — Он сам упал.

— Так! Это мой велосипед. С ним играть нельзя!

— Мы просто посмотрели. Мы всего лишь стояли рядом, — запищал мальчик номер два.

Их родители продолжали отдыхать, допивая уже третью по счету бутылку дешевого домашнего вина.

В Испании, как оказалось, дети любого возраста предоставлены сами себе и могут делать что хотят. После всего этого ужаса, мне еще пришлось ждать автобуса из Гранады. Выяснилось, что здесь курсируют только два в день, а поскольку мне совсем не хотелось тащиться семьдесят километров до города на велосипеде, я была просто вынуждена ждать столько, сколько потребуется.

Мне удалось найти свободное место в передней части салона автобуса, что сделало мое путешествие еще более захватывающим. Аппарат для проверки билетов барахлил, и водитель был занят лишь им, вместо того чтобы держать руль. Естественно, автобус бросало на поворотах из стороны в сторону.

— Что за дурацкая машина! — пробормотал водитель, держа одной рукой руль, а другой ударяя по кнопкам клавиатуры. Он совсем не смотрел на дорогу.

Тут ему кто-то позвонил на мобильный.

— Да, я вас слушаю! Кончита! Как я рад тебя слышать! Да... замечательно... да... у меня тоже все хорошо... Слушай, а что ты делаешь сегодня вечером?

Одной рукой он держал телефон, а другой с силой ударял по аппарату для проверки билетов. Конечно, он абсолютно забыл про руль. И об опасных горных поворотах тем более!

Наконец водитель назначил Кончите свидание, договорившись встретиться в баре под названием «Ла Альгамбра» в десять вечера. Потом он кокетливо улыбнулся в телефонную трубку и сказал «*adios*». В этот самый момент навстречу нашему автобусу из-за поворота на огромной скорости вывернул другой. Наш водитель резко ударил по тормозам. Все пассажиры в ужасе открыли рты и напряглись. Сами водители тем не менее не очень-то испугались. Водитель встречного разразился громким смехом, а наш лишь криво ухмыльнулся и перекрестился.

— *Que te den por el culo!* ¹⁸ Вот тупица! — буркнул он, глядя на свой аппарат и все еще ухмыляясь. (А вот в адрес мобильного он не произнес ни одного грубого слова.)

Кто они, эти парни? Уставшие от своей мужской работы водители и желающие добавить хоть немного экстрима? Может быть, Лэнс Армстронг, когда состарится и не сможет уже заниматься велоспортом, переседет на автобус и станет лихачить по горным дорогам Испании?

В понедельник утром я планировала увидеть величественный дворец Альгамбра, резиденцию последней династии мавров. Но сначала мне требовался ремонт. Дело в том, что шестеренки моего велосипеда скрежетали, а цепь сильно громыкала. Наверное, мой породистый и совершенный велосипед не был готов к тому, что его будут так нещадно эксплуатировать, и просто не вынес гонки. Как бы то ни было, наученная горьким опытом, я все же не была готова делать ремонт собственными руками. Несмотря на то что колеса были в полном порядке и не случилось ни одного прокола, шины нуждались в подкачке. Я считала, что ребята из спортивного магазина справятся с этой работой лучше меня.

По совету хозяина гостиницы, где я остановилась, долго поплутав по лабиринту улиц, я наконец нашла этот магазин. Я надеялась, что мне повезет и я найду здесь второго Джави, святошу из Сан-Себастьяна. Толкнув дверь, вошла внутрь.

— Что надо? — угрюмо рявкнул из угла мужчина в измазанном машинным маслом комбинезоне.

О приветливой улыбке в мой адрес, которой обычно меня одаривал Джави, не могло быть и речи.

— Э... Вы не могли бы проверить мои... э... — начала я и вдруг поняла, что не знаю, как по-испански шестеренки, и показала на рычаг.

— Что? — уставившись на меня, спросил он.

— Ну... вот это... — пыталась объяснить я.

Мужчина в грязной спецовке бросил на меня взгляд умудренного опытом специалиста (но я прочла на его лице следующее: «Глупая женщина!»), а потом сказал:

— Оставьте ваш велосипед. Заберете после четырех.

Его помощник стоял рядом и просто тарачил глаза. Я оставила велосипед и поскорее ушла. Да, до Джави ему было далеко. И вот я решила сделать то, что обычно раньше делали глупые женщины, желая утешить себя после встречи с отвратительными мужчинами. Я решила выпить горячего шоколада.

В Испании горячий шоколад совсем не похож на напиток, который готовят в Северной Европе. Здесь горячий шоколад принято подавать на завтрак к *churros*, пончикам из горячего, легкого, хрустящего и румяного теста. Сам же шоколад очень густой и слишком

¹⁸ Здесь: Убить тебя мало! (исп.)

жирный. Испания первой из всех европейских стран пристрастилась к шоколаду. Произошло это благодаря Христофору Колумбу, который привез какао-бобы из Нового Света и показал их королю Фердинанду, объяснив, что их используют в качестве денег. Но Фердинанду золото было гораздо милее. А какао-бобы показались всего лишь непримечательными маленькими коричневыми шишками. На этом дело и кончилось.

Двадцать лет спустя теперь уже Эрнандо Кортес, отважный испанский конкистадор, высадился в Мексике. Ему всегда сопутствовала удача. По легенде, ацтеки поклонялись Кетцалькоатлю, божеству древней Америки, представлявшемуся им высоким белобородым человеком. Поэтому, когда увидели Кортеса, похожего на Кетцалькоатля как две капли воды, они пришли в неописуемый восторг и вышли поприветствовать его, взяв с собой самое дорогое, что у них было, а именно шоколад.

Согласно утверждениям Колумба, ацтеки брали какао-бобы с собой даже на богослужение. Как напиток шоколад стали употреблять только представители аристократии и военные. Какао-бобы обжаривали, измельчали до консистенции пасты, затем смешивали с водой и кукурузой, приправляли острым красным перцем, а затем взбивали в пену. Вождь ацтеков по имени Монтесума и его слуги каждый день выпивали по пятьдесят кувшинов этого шоколадного напитка. (Монтесума особенно любил употреблять шоколад перед посещением своего гарема. Он считал, что это придает ему энергии и мужской силы.) Этот эликсир пили из кубков из чистого золота, но использовали их лишь один раз, а потом выбрасывали в близлежащее озеро, что было невероятным расточительством.

Ацтеки тогда еще не знали, что Кортес никакое не божество, а всего лишь человек, к тому же захватчик. Им еще предстояло убедиться, что то, что они приняли за средство его общения с небесами, окажется ружьем, грубым орудием смерти из металла. От его выстрелов их древняя империя взлетит на воздух и разобьется вдребезги. А пока ацтеки не понимали, кто такой Кортес, и угощали его шоколадным напитком, который был так дорог им, наливая ему сразу в несколько чаш. А Кортес недолго думая убил своих гостеприимных хозяев, прихватил их богатство и вернулся на корабле обратно в Испанию с мешками какао-бобов и всем тем, что требовалось для его приготовления. Вскоре горячий шоколад стал в Испании очень модным напитком. (Испанцы не стали добавлять в него красный острый перец, а заменили на орехи и мед.) Испанцы так пристрастились к горячему шоколаду, что сторонники строгих нравов стали считать его зловещим ядом. Принцесса Испании Мария Терезия была просто одержима этим напитком, и эта одержимость пришла и в Европу, когда она подарила какао-бобы Людовику XIV в честь своей помолвки с ним. По-видимому, она пила шоколад каждый день, и по этой причине у нее очень скоро выпали все зубы.

Итак, я направилась в кафе на площади Биб-Рамбла. Там я решила выпить горячего шоколада, желая пополнить в очередной раз свои запасы сахара и жиров. Это очень шумное место, где собираются целые толпы испанцев.

Я села за столик, откуда был виден сквер. Торговцы цветами и фруктами с деловым видом устанавливали палатки вокруг красивого фонтана и сочных цветочных клумб на площади, вымощенной булыжником. На улице по ту сторону площади я увидела школьников с набитыми рюкзаками, которые садились в автобусы, а вялые и безразличные студенты с папками под мышками, усталые после вчерашней вечеринки, заходили в учебные аудитории.

Наконец-то появился официант. В одной руке он держал большой сосуд с густым горячим шоколадом, от которого шел пар, а в другой — полную тарелку с шипящими и хрустящими пончиками. Я набила себе рот всей этой вкуснятиной. Сначала от еды мне стало очень хорошо. Но к концу пиршества меня затошнило. Думаю, что после тоста с апельсиновым соком я чувствовала бы себя немного лучше.

Ощущая легкую тошноту, я добралась до площади Нуэва, а затем села на экскурсионный автобус, чтобы отправиться в Альгамбру. Мы проехали по узкой улице, а затем через каменные арочные ворота дворца Альгамбра поднялись вверх по аллее. Я видела

дворец Альгамбра первый раз в жизни и заранее боялась, что он не произведет на меня такого уж сильного впечатления. Но мои опасения, к счастью, не оправдались. Впечатление было умопомрачительным. Кроме как блистательной, ослепительной и божественной Альгамбру никак по-другому и не назовешь.

От восторга у меня даже закружилась голова. А еще я там встретила очень добродушных котов, которые непонятно откуда взялись и совершенно неясно с какой целью. Вам мой совет: бросайте скорее все свои дела и прямо завтра — в Альгамбру!

Глава 14

Столкновения с асфальтом

Если вы однажды уже терялись в незнакомом городе, путешествуя на машине, то уж на велосипеде туда ехать вообще не стоит. К тому же на любом шоссе полным-полно лихачей, грозящих аварией едущему рядом с ними велосипедисту. Когда я спрашивала у таких водителей, как добраться до необходимого мне места, они сразу отвечали вопросом на вопрос: почему я еду не по дороге, а трясусь по ухабистой обочине? Всем им было далеко за семьдесят. И это вселяло в меня уверенность, что они хорошо знают дорогу, ведь родились задолго до строительства этой автомагистрали. Возможно, так оно и было. Но весь ужас в том, что большинство из этих стариков были беззубыми и говорили с кошмарным андалусским акцентом. Поэтому я не могла разобрать ни слова.

Несколько часов я плутала по окраинам и глухим улицам. По пути увидела дорожный знак, запрещающий проезд. То и дело мне приходилось возвращаться обратно, и от этого у меня случилось головокружение. Но вдруг произошло чудо: неожиданно я выехала на дорогу, ведущую к селению Фуэнте-Вакерос, где родился Федерико Гарсиа Лорка.

Лорка — великий испанский поэт и драматург XX века. Самой известной его пьесой считается «Кровавая свадьба», а из его стихотворных сборников можно выделить «Цыганское романсеро». Но это далеко не весь список его произведений, хотя он их оставил не так много. Вот что однажды сказал Лорка, когда один журналист спросил его, какие из пьес ему нравятся больше всего: «Я влюблен в то, что я еще не написал». Лорка погиб от рук националистов в возрасте тридцати восьми лет во время Гражданской войны в Испании. Говорят, что две пули попали ему в задний проход, якобы тем самым националисты проявили понимание в отношении его нетрадиционной ориентации.

Он выступал против политики Франко, то есть был на стороне левых. В 1933 году его имя появилось в официальном списке сторонников политики Советского Союза. А также Лорка выступал против консервативных сил Гранады.

В бунтарском интервью газете «Эль соль» за два месяца до смерти Лорка произнес следующие слова по поводу взятия Гранады в 1492 году: «Это пагубно сказалось на дальнейшем развитии Гранады, хотя нашим школьникам пытаются доказать обратное. Все, что было прекрасного в этом единственном в своем роде городе, — поэзия, архитектура, изысканность, — все потеряно. Теперь он доведен до нищеты и бескультурия. Его населяют жалкие и трусливые буржуа».

Лорка был вовлечен в грязную политику, в тот хаос и беспорядок, которые господствовали в Испании в 1930-х годах.

Он неоднократно отказывался вступать в коммунистическую партию, ведь его прежде всего беспокоили права людей, а не политика. Он говорил: «Как и любой другой человек, мастер своего дела, я не могу не сопереживать своему народу».

Но когда его спросили о политических убеждениях, он сказал своему другу: «Посмотри, как я приветствую людей. При встрече с одними я поднимаю руку, как это делают, приветствуя Гитлера — Хайль, Гитлер! Иногда, как это делают коммунисты, я сжимаю руку в кулак. Но когда я приветствую своего друга, я просто жму ему руку». Лорка боялся политики, но не потому, что был трусом. Просто он был большим ребенком, искренним и непосредственным. (Одной из его любимых уловок было сидеть в углу

ресторана, притворяясь, что сочиняет стихи, которые на самом деле уже давно написал.) Больше всего Лорка боялся смерти. Он прибегал к разного рода уловкам, чтобы заговорить ее. Например, в молодые годы, которые провел в Мадриде, в пансионе среди талантливой и интеллектуально одаренной молодежи, его излюбленным занятием было, бросившись на кровать, изображать из себя мертвеца, а потом просить друзей разыграть свои собственные похороны на улицах Гранады. Или, например, по воспоминаниям сестры Дали, Аны Марии, бывая в Кадакесе у них в гостях, Лорка любил подолгу держать их за руки.

Он считал, что рукопожатие связывает человека с жизнью и отгоняет смерть. По этой же причине, боясь утонуть, он предпочитал купаться на мелководье.

Когда в Испании началась Гражданская война, Лорка в страхе покинул Мадрид и переехал в летний дом своей семьи, располагавшийся за пределами Гранады. Из радиоприемника, откуда он постоянно черпал новости из Мадрида, звучал восторженный голос коммунистического вождя, Долорес Ибаррури (Пасионариа), призывавшей всех женщин приготовить чаны с кипящим маслом, чтобы сбрасывать их на головы националистов.

«Лучше умереть на ногах, чем жить на коленях», — заявила Долорес Ибаррури, призывая к сплочению и единству: «*No pasaran!* Они не пройдут!» (Ходили слухи, что она однажды собственными зубами перегрызла горло одному священнику.)

Но Гранада не стала для Лорки убежищем. Вскоре и сюда пришли националисты. Республиканцы сбрасывали на них бомбы в знак возмездия, а Лорка, цепenea от ужаса, вместе со своей семьей прятался под большим роялем во время воздушных налетов. Его дом обыскивали несколько раз, обвиняя в шпионаже и тайном сговоре с русскими. Боясь за свою жизнь, Лорка скрывался в доме у своих друзей-фалангистов, членов испанской фашистской партии. Но и это ему не очень помогло. 16 августа 1936 года Лорка был арестован. «Он причинил больше вреда своим пером, чем другие своим револьвером», — заявил Руис Алонсо, офицер, производивший арест, у которого были свои счеты к руководству Испанской фаланги, крайней правой политической партии. Когда арестованного поэта заталкивали в машину, Алонсо был просто счастлив: поймать и арестовать представителя этой партии, да еще и такого знаменитого, как Лорка. Через два дня Лорку отвезли в Виснар, за шесть миль от места его ареста. Его казнили у предгорья Сьерра-Невады, в тени оливковых деревьев.

В Фуэнте-Вакерос, там, где родился Лорка, ничто не напоминает о том насилии, которому подвергся самый известный житель этого селения шестьдесят лет назад.

Но здесь, в этой милой, маленькой деревушке с аллеями, обсаженными деревьями, и с большой площадью, где на скамейках всегда много пожилых мужчин в ермолках, стоит памятник Лорке. Сам Лорка называл это селение «тихой, маленькой, благоухающей деревушкой». В девятнадцать лет, переехав со своей семьей в Гранаду, он написал: «Здесь прошло мое детство, поэтому это моя деревня». Он вспоминал о своем детстве в Фуэнте-Вакерос как о потерянном рае, о времени безграничной любви и счастья. Спустя годы, когда Лорка уже стал известным писателем, в честь него в Фуэнте-Вакерос назвали одну из улиц, а сам поэт в знак благодарности выступил с речью в местной библиотеке. Он поклялся своим слушателям, что всегда будет помнить родную деревню, куда бы он ни уехал. «Несмотря на мою славу и популярность, я всегда буду принадлежать дружелюбной Фуэнте-Вакерос», — произнес Лорка. Позже он признался, что никогда бы не написал свои произведения, в том числе «Кровавую свадьбу», если бы на его детские воспоминания не повлияли проблемы того времени.

Лорка родился в семье зажиточных фермеров, в доме, который стал впоследствии его музеем.

Его хранители постарались оставить в нем все, как было при жизни Лорки. Это касается и мебели, и котелков, и даже сковородок. Кровать, на которой Лорка появился на свет, всегда аккуратно застелена, хотя она совсем не такая, какой была в день его рождения. Через дверь, ведущую в спальню, где некогда спал юный Федерико, каждое утро заходила

его мама. Она подходила к окну, открывала ставни и говорила: «Пусть милость Божия снизойдет на нас». Потом она крестилась и вела своих детей на молитву.

Наверху, где раньше был амбар для хранения зерна, теперь можно увидеть самое дорогое для Лорки: его письма, конспекты и газетные вырезки. В другой комнате, над старой конюшней, можно посмотреть отрывок фильма, снятого в 1930 году. Он посвящен театральному выступлению группы студентов, организованной Лоркой, которую он назвал «Балаган» и благодаря которой сумел воплотить свои идеи и представления о том, каким должен быть театр. Эта группа путешествовала по всей Испании, от одной деревни к другой, и выступала при этом совершенно бесплатно.

«Мы приняли решение ставить наши спектакли не в библиотеках, а на свежем воздухе и под солнцем, прямо на площади нашей деревни», — заявил Лорка. Герои этого старого фильма двигаются неестественно быстро под звуки музыки. Но это лишний раз подчеркивает оптимистический настрой их режиссера.

Но вот я снова в седле своего велосипеда. Мой путь пролегает по проселочной дороге мимо кукурузных полей и тополиных рощ, мимо плодородной равнины Гранады, или *vega*, почву которой орошают талые снега Сьерра-Невады. Здесь поют птицы, что очень любил Лорка, как, собственно, и все, что связано с этими местами. Эта местность равнинная. Здесь нет ни людей, ни транспорта. Лишь птицы да маленькие резвые козы нарушают тишину этих мест. И тут я заметила змею.

Она лежала на дороге в форме буквы «S». Длинной она была четыре фута, а толщиной как мое запястье.

— А-а-а-а! — завизжала я.

Мои корзинки повалились влево, я сама понеслась в другую сторону. Вырулив прямо на проезжую часть, на встречную полосу, я в итоге с грохотом упала с велосипеда на дорогу.

Змея же не двигалась. Странно, подумала я. И тут поняла, что это вовсе не змея, а кусок старой резины. Он просто валялся на дороге.

Но страх еще какое-то время не отпускал меня, ведь в азиатских странах змеи — это обычное дело. Я пыталась успокоиться усилием воли, но мне это не удавалось. Интересно, а как психоаналитики объясняют подобные состояния вследствие галлюцинаций? Когда-то давно врачи считали, что истерия — это процесс, связанный с импульсами, поступающими из матки в головной мозг. В давние времена полагали, что это случалось с женщинами, воздерживающимися от половой жизни. Что же они тогда сказали бы обо мне в данном случае?

Козы, пасущиеся неподалеку, удивленно посмотрели на меня, когда я упала с велосипеда. Слава богу, что здесь больше никого не было видно! Я робко смахнула пыль и грязь, прилипшую к ногам. Убедившись, что мои царапины не опасны для жизни, я уселась на велосипед и помчалась дальше с такой скоростью, что у меня даже в ушах засвистело. Я решила, что никто и никогда не узнает об этом инциденте и о моем беспокойстве по поводу того, что происходит в матке во время истерии.

Я продолжала мчаться на огромной скорости, чтобы засветло добраться до следующего пункта моего маршрута, которым был населенный пункт под названием Альхама-де-Гранада и где я не собиралась задерживаться надолго. Я уже знала, что там не самые лучшие условия проживания. Об этом меня предупредили в туристической фирме: «Да, это не лучшее место в Испании, с одним-единственным однозвездочным отелем, где по непонятным причинам все номера всегда заняты. К тому же за ночь здесь надо платить двенадцать евро». Я приготовилась к самому худшему.

Как показывал мой опыт, бояться того, что я доберусь до Альхама-де-Гранада слишком быстро, не было никаких оснований. Когда двигаешься очень долго по хорошей дороге, обязательно жди подвоха. Проехав десять километров, я оказалась в Лачар, откуда мне даже пришлось следовать по тоннелю, проложенному под автомагистралью. Взглянув на карту, я

посчитала, что коротенькую и узкую дорогу к тоннелю прямо под загазованным шестиполосным шоссе будет преодолеть совсем несложно. А затем я предполагала оказаться на другой стороне этой же самой дороги, чего не произошло. Вместо этого я попала на круговую одностороннюю транспортную развязку. Мне ничего не оставалось делать, как поехать по сильно разбитой дороге, на которой к тому же не было никаких дорожных указателей. Вместо этого я увидела какую-то тоненькую, маленькую и высохшую штуковину, показывающую предположительно в сторону автомагистрали.

Асфальт находился в запущенном состоянии: одни трещины и ямы. Да, это явно не новая автомагистраль. Я слезла с велосипеда и побрела по гальке, перепрыгивая через ямы. Постепенно меня охватило отчаяние: я была совсем одна на разбитой дороге. Вокруг ни души. Не у кого даже спросить, куда ехать дальше.

Однако через несколько минут вдалеке я увидела идущего мне навстречу одинокого пожилого мужчину. Он был весь сморщенный, с ввалившимися, покрасневшими глазами и удивительно походил на дорогу, по которой я шла. Он гнал перед собой маленькое стадо тощих и голодных коз. Рядом с ним ковыляла старая собака. Сам же мужчина, одетый в грязное и тонкое пальто, прихрамывал.

— Простите, — обратилась я к нему, когда он и собака поравнялись со мной.

Ни он, ни собака даже глазом не моргнули.

— Простите, — громко повторила я.

Старик поднял слезящиеся глаза и вздрогнул. Из его приоткрытого рта торчало всего три гнилых и очень больших зуба. Все это выглядело довольно странно.

— Эта дорога ведет в Пеньюэлас?! — крикнула я.

Старик в ужасе прищурил глаза, от которых лучиками отходили морщинки. Я сделала глубокий вдох и заорала во всю глотку:

— В ПЕНЬЮЭЛАС?!!

Старик вздрогнул от неожиданности.

— Да, да, — спокойно сказал он и, подняв старую морщинистую руку, добавил: — Это там.

Но он даже не удосужился предупредить меня, что через сто метров дорога перейдет в наполовину разбитый участок трассы. На велосипеде здесь ехать было просто невозможно, а вот для старика с его козами это не представляло никаких проблем. В итоге я слезла с велосипеда и снова пошла пешком по камням. Потом мне пришлось тащить велосипед и свой багаж на себе, карабкаясь вверх. Оказавшись на вершине, я поняла, что стою на обочине шоссе. Пеньюэлас, к моему сожалению, был на его противоположной стороне. А чтобы туда добраться, мне снова пришлось карабкаться по склонам и только потом перейти через дорогу по мосту. Ровные трассы, по которым я ехала в начале дня, закончились. Меня ждали извилистые подъемы и спуски, перемежающиеся оливковыми рощами. Ветви деревьев никли к земле под тяжестью переспелых плодов. Они занимали такое большое пространство, что охватить их одним взглядом было невозможно. Оливковые деревья стояли так плотно, что образовывали бесконечно тянущуюся изгородь, состоящую из темно-зеленых точек на желтом фоне. Поначалу я двигалась как по волнам. Но потом ехать становилось все труднее и труднее. За одним подъемом шел другой, как и оливковые рощи, которые не собирались заканчиваться. Они, как я, то поднимались на холмы, то, словно утопая в волнах, падали вниз. И так до бесконечности.

Эти оливковые рощи появились здесь очень давно, ведь деревья могут расти более тысячи лет. Чего только они не повидали на своем веку! Может быть, самые первые плоды появились на них еще во времена арабов. Я представила, как смуглые юноши в тюрбанах с помощью длинных шестов сбрасывали спелые плоды на землю. Возможно даже, что эти оливы помнят христиан, пришедших с севера, чтобы сразиться с маврами.

Хотя оливковые деревья стали выращивать на Пиренейском полуострове задолго до появления здесь мавров. Впервые оливы высадили римляне. А теперь Испания — самый крупный производитель оливкового масла. На сухих и пыльных холмах произрастают двести

девятьюстами два миллиона оливковых деревьев. Большинство растет в Андалусии. В урожайные годы количество производимого оливкового масла доходит до миллиона тонн. Часть масла экспортируется, но большая часть остается в Испании, ведь испанцы не просто любят этот продукт, а обожают его. Согласно данным Международного совета по производству оливкового масла, в среднем каждый испанец ежегодно употребляет почти четырнадцать килограммов этого продукта. Испанцы используют его для заправки салатов, добавляя немного уксуса. На оливковом масле они жарят практически все, даже хлеб, а также его используют при выпекании хлеба и булочек.

Конечно, оливки едят и в консервированном виде, как закуску к вину или к пиву, или просто так, после вечерней прогулки. Странно, почему испанцы не живут вечно, ведь оливковое масло как нельзя лучше способствует долголетию. Говорят, что оно снижает уровень холестерина в крови, а еще содержит антиоксиданты и витамины А, D, Е и К. Полезные вещества в оливковом масле способствуют усвоению минеральных веществ. Кроме того, оно благоприятно воздействует на пищеварение: нормализует кислотность и даже помогает заживлению язв. Также оливковое масло избавляет от запора, благоприятно влияя на работу поджелудочной железы, печени и желчного пузыря. Оно укрепляет кости и улучшает состояние кожи. От него напрямую зависят ваше здоровье и красота. Все было бы хорошо, если бы не одно «но»: оно очень калорийное! Так что следите за своей фигурой!

Что касается меня, то моей фигуре ничего не грозит. Все дело в велосипеде: постоянные подъемы в гору помогли бы мне сжечь лишние калории. В этой части Испании горы не такие высокие, как Пиренеи, но их склоны гораздо более отвесные. Когда молочная кислота начинала действовать на мышцы, я слезала с велосипеда и поднималась вверх пешком. Здесь это случалось гораздо чаще, чем в Пиренеях.

На одном из участков дороги, покрытой галькой, я потеряла равновесие и упала с велосипеда. После этого стала внимательнее следить за дорогой, потому что здесь больше шансов, чем где бы то ни было, сломать ногу или испортить колесо.

Природа здесь очень скудная, а само место заброшенное. По пути мне попалось несколько дорожных знаков, и я очень надеялась, что двигаюсь в правильном направлении и что уже очень скоро доберусь до цели моего путешествия. Прошел целый час: ни людей, ни машин, только бесконечные оливы. Деревни, мимо которых я проезжала, были по большей части заброшенными. Однако днем я все-таки разглядела трех человек, работающих в поле. Да, это было знаменательное событие! Увидев, что я еду, они перестали работать, выпрямились и уставились на меня.

— Смотрите! — воскликнула одна женщина, показывая на меня мотыгой. — Девушка на велосипеде!

Очевидно, в этой части Андалусии люди не увлекаются спортом.

Доехав до деревни Кастилло-де-Тахарха, я все же обратилась к одному старику с очень смуглым и морщинистым лицом с вопросом, правильно ли я двигаюсь к Ла-Сахора. Он отнесся к нему очень серьезно.

— Все время идите прямо, — сказал он. — Затем будет поворот направо, но вам туда не надо. Через пару километров будет поворот налево, но туда тоже не сворачивайте. Затем надо будет подняться на холм и спуститься на другую сторону. Белый дом на холме — это верный ориентир. Если вы его увидите, значит, идете правильно. Потом будет еще один поворот налево, но вам опять не туда.

Старик говорил с каким-то непонятным акцентом. Я подумала, что все поняла. Однако, чтобы убедиться, решила повторить:

— Хорошо, значит, я еду прямо, потом поворачиваю направо и через несколько километров поворачиваю налево.

— Нет, — сказал старик, взглянув на меня с прищуром, словно я его обидела тем, что так и не поняла его объяснений, казавшихся ему такими простыми. — Я же говорю, все время двигайтесь вперед.

Добравшись до гостиницы, я неожиданно для себя потеряла равновесие и упала с велосипеда, забыв снять с педалей велотуфли. Причиной такой забывчивости стало слишком сильное удивление, которое испытала при виде очень чистой и светлой гостиницы. Такого я совсем не ожидала. Когда я с грохотом упала на землю, старик, ковлявший мимо меня вместе с таким же старым пуделем, как и он сам, удивленно и испуганно взглянул на меня. Но он не помог мне встать и даже не посочувствовал. Я продолжала лежать на земле, вся испачканная машинным маслом. А старик и его пудель остановились и уставились на меня так, как будто не видели ничего подобного за последние сто лет. Слава богу, что я ушибла только локоть! Отряхнув песок и смахнув пыль с лица, я зашла в гостиницу. Кажется, что меня здесь никто не ждал.

— Тут вот одна девушка пришла и говорит, что она заказала у нас номер! — крикнул своей жене пожилой мужчина, сидевший за столом, откинувшись на спинку стула.

— Заказала номер, говоришь?! — воскликнула женщина в фартуке, вперевалочку выходя из своего логова и размахивая при этом тряпкой для пыли. Она, видимо, из любопытства очень хотела взглянуть на меня.

— Ну да! — подтвердила я. — Я вчера звонила.

— А! Правильно, вчера звонили только вы, — кивнула она.

Последовала ужасно длинная пауза, во время которой она изучающе и недоверчиво смотрела на меня. Потом я услышала первые за всю эту неделю приятные слова в мой адрес:

— А я думала, что приедет иностранка.

Боже! Как приятно услышать такое! Сама бы я никогда не стала хвастаться своими успехами в испанском! Тем более что раньше, как только начинала говорить по-испански, все сразу понимали, что я иностранка, да еще и громко смеялись над тем, как я произношу слова. На этот же раз я обмолвилась всего несколькими словами на испанском, и сразу такой успех! А может, у нее проблемы со слухом?

Какое-то время назад со мной произошел один очень смешной случай. К тому моменту я уже полгода прожила и проучилась в Испании. Как-то раз я зашла в мясную лавку, решив купить куриные грудки. «*Hola!*» — обратилась я к уже знакомой мне молодой продавщице. — Пожалуйста, дайте мне две куриные пазухи».

— А откуда вы? — спросила глухая хозяйка гостиницы.

— Я англичанка.

— Правда? Из Англии?

— Ну да, — подтвердила я, подумав, что, может быть, со мной что-то не так, раз она все время переспрашивает. — Э... А откуда еще может приехать англичанка? — вежливо поинтересовалась я.

— Ну! — резко оборвала она, закатив глаза. Всем своим видом она показывала, что я, конечно, могла быть англичанкой, но уж какой-то очень медлительной. — Ну вы, например, могли приехать из Шотландии, или из Ирландии, или из Америки, или из Австралии...

— Или из Канады, или из Новой Зеландии, хотя оттуда очень долго ехать, — вставил ее муж, словно желая поразить меня своими познаниями.

Но все эти расспросы не испортили моего настроения, и я по-прежнему испытывала гордость за себя и за свой испанский. Пусть меня даже примут за иностранку! Это уже ничего не изменит!

Альхама-де-Гранада произвел на меня не такое уж плохое впечатление вопреки тому, что мне говорили о нем в туристическом агентстве. Хотя место, где я остановилась, не было таким же роскошным, как Гранада. Тем не менее этот город сыграл свою роль в истории. В 1482 году была одержана победа над маврами, способствовавшая объединению Гранады и Малаги. А мавры, порвавшие все связи с Африкой, потеряли город, который был оплотом мусульманской веры. Это событие описывается во многих произведениях, в том числе и в поэмах Байрона.

Я устроилась на террасе и стала с удовольствием уплетать бутерброд с сыром,

купленный мною в баре. Там же продавали и окорока. А еще в этом баре собралось много пожилых мужчин — любителей выпить, и делали это они днем, между послеобеденным дижестивом и вечерним аперитивом. Однако они совсем не были похожи на стариков в ермолках. На некоторых из них были мягкие фетровые шляпы, а на других — головные уборы, напоминавшие цилиндры. Для жителей Андалусии шляпа — это дань традиции, так же как берет для басков.

Подкрепившись, я решила немного погулять по городу. В наши дни Альхама-де-Гранада, расцвет которого пришелся на XV век, находится в состоянии некоторого упадка. И приезжих здесь не так много. Интересно, почему же тогда местная гостиница набита до отказа?

Во время прогулки я увидела одну немецкую семью, которая заблудилась, бродя по улицам Альхама-де-Гранада (в этом я и они были похожи). Светловолосая компания выглядела потерянной и несчастной. По этому поводу мы перебросились парой фраз, а затем перешли к теме неверных дорожных указателей, что было тоже им знакомо. Напоследок мы поделились своими планами на предстоящие дни. (Оказалось, что они разрабатывали маршрут еще более усердно и тщательно, чем я.) Тут светловолосая немка заметила, что я путешествую одна.

— *Um Himmels willen!* Вы путешествуете на велосипеде одна? И вы не замужем? — удивилась она.

Ее большие голубые глаза округлились от ужаса. Женщина взглянула на свою дорогую маленькую Грэтхен, видимо надеясь, что она не сделает подобной глупости: она не будет путешествовать в тридцать один год по чужой стране на велосипеде, к тому же одна, не будучи замужем. Хотя не знаю, может быть, ее слова означали совсем другое.

— Вы очень смелая! — подытожила она, уводя при этом свою семью подальше от меня и от моего неблагоприятного влияния.

А я продолжила бродить по улицам, проходя мимо магазинов одежды, которых здесь было не так много. К тому же эти вещи выглядели настолько неприглядно, что лучше уж ходить по магазинам электроники, хотя и там товары были такими допотопными, что у меня сложилось впечатление, будто транзистор появился здесь совсем недавно. А еще тут продавали омерзительного вида фарфоровые статуэтки на библейские темы. Гуляя по городу, я наткнулась на одно очень мрачное, полуразрушенное здание. Это оказался ночной клуб. Его хозяйка предложила мне ключ, если я захочу прийти сюда после двенадцати часов. «В двенадцать ночи? Сюда?» — чуть не вырвалось у меня.

Но я заверила ее, что ложусь спать уже в половине одиннадцатого. И именно так и поступила.

Глава 15

Заблудившаяся женщина

Мораль этой истории такова: никогда не шутите с подхалимами. На следующее утро после моего маленького, но все-таки триумфа, которого достигла благодаря своему испанскому, я все еще чувствовала благосклонность со стороны хозяйки гостиницы, принявшей меня за испанку, а значит, не все еще было потеряно. Вероятно, эта бабуля была настолько глухой, что не услышала бы сирену, предупреждающую суда во время тумана, даже если бы в ее голову вставили колокольчик. Но я почему-то прониклась к этой женщине симпатией. Тем не менее следовать ее советам, не проверив маршрут по карте, было просто глупо. После завтрака я села на велосипед и собралась уезжать.

Милая сеньора весело помахала мне рукой на прощанье.

— Спуститесь вниз, на перекрестке поверните направо, а потом езжайте по дорожным указателям. По пути вы увидите стрелку, указывающую дорогу к городу Лоха, — сказала она, радостно и приветливо улыбаясь.

Я тепло поблагодарила ее и поехала туда, куда она меня направила.

Дорога практически все время шла под уклон, и я будто ныряла головой в овраг. Казалось, что холмам не будет конца. Да еще начался мелкий дождь, вскоре превратившийся в самый настоящий ливень.

Ручейки воды стекали по моему шлему, а потом по носу. Каждая проезжающая мимо машина окатывала меня грязью. В итоге ноги промокли, и мне казалось, что я сижу в луже. Спустя час или два, спустившись по скользкому крутому склону, я попала в Салар.

Салар? Где это вообще? Я рассчитывала, что приеду в небольшой городок Вентас-де-Сафаррайя, с чудесным парком, населенным милыми животными, а оказалась в большом и неуютном городе. Лишь два чумазных ребятенка, с угрюмым видом пинавшие спущенный футбольный мячик, немного улучшили мое настроение. Я поняла, что надо срочно проверить, где находится Лоха. Странно, ведь я внимательно следила за дорожными указателями.

Вытащив карту, стала изучать свой маршрут. Отчаявшись, решила обратиться за помощью к кому-нибудь из прохожих. Но это не дало никакого результата. Как оказалось, Салар находился не очень далеко от Лохи. Дело в том, что я проехала под углом сто восемьдесят градусов и попала совсем не туда. Зачем только я послушала эту ненормальную женщину, которую приятно удивил мой испанский? Почему я так неосмотрительно последовала ее советам, забыв о своем тщательно продуманном маршруте?

Добрая сеньора была права, сказав, что до города Антекера лучше всего добраться через Лоху. Но для этого надо было двигаться не на велосипеде, а на машине. Я же не поехала по шоссе, потому что боялась угодить под колеса грузовика, мчащегося на огромной скорости.

Сколько ругательств я обрушила на свою глупую хозяйку! Но к вечеру мне стало легче: я с радостью обнаружила, что случайно увезла с собой ключ от 204 номера.

Посмотрев на карту, я решила, что еще не все потеряно и что еще можно миновать опасную дорогу с грузовиками. Но потом поняла, что все безнадежно, и уже начала готовиться к самому худшему. Дорога, ведущая в сторону от шоссе, должна была вывести меня на другую живописную дорогу. Но она вскоре исчезла. Передо мной была грязная тропинка, покрытая галькой, которую постепенно заменили камни и валуны. Пришлось слезть с велосипеда и идти пешком по грязи. Все складывалось ужасно, а тут еще мне навстречу выбежала огромная немецкая овчарка. Она свирепо залаяла, и я увидела ее острые белые клыки. Я вся похолодела от страха.

К счастью, хозяин собаки подоспел вовремя: я даже не успела снять с велосипеда криптонитовый замок, чтобы запустить им в собаку. Я спросила его, как мне быть дальше.

— Двигаться по автомагистрали, — посоветовал он.

— А как насчет вот этой узкой дороги, вот здесь на карте? — спросила я.

Мужчина посмотрел на меня недоверчиво, взял карту, развернул ее во всю ширину и, склонив голову, стал также недоверчиво изучать ее.

— Ну вот! Очки забыл! Ничего не вижу! Знаете, сеньорита, советую вам все-таки ехать по автодороге, — произнес он.

— На велосипеде?

— Да, уверяю вас, в этом нет ничего страшного.

Это самый лучший вариант. И приедете вы гораздо быстрее. Так... Дайте-ка я посмотрю. Значит, вам надо ехать вот так, вот нужная вам дорога... — сказал он, ткнув пальцем в карту. При этом место, которое он показал, находилось приблизительно в ста километрах от той дороги, где были мы. — Потом вам нужно следовать вот по этой дороге. — И он опять ткнул пальцем, попав в какую-то точку на южном побережье. — Так вы доберетесь до Риофрио. — И он решительным жестом показал на город Баэна в провинции Кордова. — Из Риофрио вы можете поехать по этой дороге. — И он снова ткнул пальцем в карту. На этот раз на место рядом с провинцией Хаэн, ближе к северу. — Вам все время нужно двигаться к Пуэрто-де-лос-Аласорес. — Сказав это, он показал на деревню Пинос-Пуэнте на окраине Гранады. — А затем в сторону Севильи. Это единственный

правильный путь.

Так я и сделала. Однако двигалась в нужном направлении только один километр. Затем съехала на обочину, боясь встречи с ревушими и грохочущими грузовиками. К счастью, я добралась до Риофрио без особых приключений. Но дальше никакой дороги не было.

Зоркого хозяина немецкой овчарки постигла та же участь, что и мою недавнюю знакомую, хозяйку гостиницы. Сколько ругательств я обрушила на него: он так мне помог! Следующим, к кому я обратилась за помощью, оказался сеньор, рубивший дрова.

— Простите, я правильно еду? Эта дорога ведет к Пуэрто-де-лос-Аласорес?

— О нет! — ответил он, опустив топор. — Вам надо выехать на автомагистраль. Скоро будет поворот.

— Я должна ехать в сторону Севильи?

— Нет-нет! Вам надо двигаться в сторону Гранады!

А потом, если не ошибаюсь, я снова попаду в Лоху, откуда целый час не могла выбраться, подумала я.

В конце концов мой новый знакомый предложил другой путь. Он сказал, что мог бы показать мне дорогу до деревни, а потом, когда дорога кончится, он пообещал вывести меня на маленькую тропинку, которая привела бы меня на дорогу к перевалу. Но он не был уверен, что я смогу там пробраться на велосипеде.

Я ехала очень осторожно. Но вскоре тропинка закончилась. Теперь я уже двигалась по проселочной дороге, которая вскоре уперлась прямо в открытое поле. Я жала на педали все быстрее и быстрее. Но поле не кончалось. Я перелезла через ограждение вдоль железной дороги, с трудом перетащив вещи и велосипед. А потом я волоком тащила его вверх по ужасно крутому и заросшему травой холму. Сомнений не было: я сбилась с пути. Теперь я обречена провести остаток своих дней здесь, питаюсь ягодами и маленькими пухленькими птичками, которых мне придется научиться ловить руками. Я продолжала идти, ведь другого выхода не было. И вот, о чудо! Я попала на тропинку, а затем и на дорогу.

— Простите, — сказала я, приближаясь к группе рабочих в поле, которые на тот момент отдыхали, лежа под деревом. — Эта дорога ведет к Пуэрто-де-лос-Аласорес?

— Да, — ответил один из них, остальные же в этот момент захихикали. — Это вон там, всего в двадцати километрах отсюда, на горе.

Ну и ветер там, скажу я вам! В итоге я добралась до Пуэрто-де-лос-Аласорес, проехав четыре часа на велосипеде, и снова вернулась на проселочную дорогу в тридцати шести километрах от того места, где начала свой путь.

На последнем убийственном подъеме в гору, к деревне Виллануэва-де-ла-Консепсьен, я слезла с велосипеда и пошла пешком. Настроение у меня было, прямо скажем, не очень. Когда я, уставшая и раздраженная, шла спотыкаясь по деревне, меня обогнали два подростка на мопед. Они смеялись, а я сердито ворчала. Они доехали до конца улицы, затем развернулись и снова просвистели мимо меня и велосипеда, нагруженного сумками. Один из них, тот, кто сидел сзади, хлопнул меня по голове. Другой же громко рассмеялся над этой дерзкой выходкой. А я, между прочим, предрасположена к апоплексии.

— Ах вы вонючие маленькие жабы! — крикнула я им, когда они повернулись, чтобы в третий раз прошмыгнуть мимо меня.

Пошатываясь, я выскочила на середину дороги и начала размахивать руками как сумасшедшая, выставив на всеобщее обозрение средний палец в надежде, что это отпугнет их.

— Эй вы, твари! — завопила я. — Только попробуйте снова приблизиться ко мне, я тотчас же разнесу ваш жалкий мопед! Я вам так накастыляю, что мало не покажется! Только попробуйте тронуть меня еще раз! От вас останется мокрое место! Думаете, я слишком устала, чтобы драться? Подонки с подлыми физиономиями! Ну что, рискнем? Посмотрим, что будет с парочкой мелких прыщавых юнцов? Вы посмели дотронуться до меня своими грязными пальцами! Я покажу вам, на что способна! ЧЕРТОВЫ КРЕТИНЫ!

Я могла продолжить и дальше свой список ругательств, но они и так поняли, что со

мной шутки плохи. Им еще повезло. Они получили настоящий урок английского языка от его носителя. За это вообще надо платить! Они еще немного посмеялись, а потом с грохотом укатили прочь.

Мое самолюбие было сильно задето, а тело было уставшим и обессиленным. Да еще мне нужно было пикировать, словно камикадзе, а потом, прихрамывая, взбираться на плато Эль-Торкаль. Вскоре я узнала, что оно известно своими удивительными известняковыми образованиями горных пород, поэтому это место называют музеем камней. Под действием солнца, ветра и воды на протяжении миллионов лет известняковые плиты плато Эль-Торкаль приобрели необычные формы. Названия, которые им дали, тоже очень необычные. Например, Ящерица или Волчица. Когда я пересекала Эль-Торкаль, то заметила какое-то мерцание. Оказалось, что так играют на солнце известняковые фигуры под названием Забавная скала. Я даже вернулась, чтобы посмотреть на них еще раз.

Добравшись до гостиницы города Антекеры, я в буквальном смысле ввалилась в нее. Мои велотуфли, как коньки, скользили по мрачному пандусу, а сама я как только зашла, так прямо и распласталась по полу, словно маслянистая жижа. Последние силы покинули меня. Это было немудрено, ведь я странствовала целых два дня. Администратор гостиницы, к моему великому удивлению, обратился ко мне *guapa*, что означает «красивая», хотя в тот момент я ею точно не была. Испанцы либо очень милые люди, либо откровенные пошляки или просто плохо видят. Кроме того, администратор сказал мне, что любит кататься на велосипеде. Я лишь слабо кивнула в ответ, потому что очень устала. Да и моя теперешняя завышенная самооценка не позволяла мне пускаться в долгие разговоры с кем бы то ни было. Я поспешила в свой номер, чтобы принять расслабляющий душ.

От горячей воды мне стало так хорошо, что по телу побежали мурашки. Когда я смогла вытащить себя из ванной и выйти в свет, было уже половина восьмого. Поэтому я не смогла насладиться видом Антекера при свете дня. Однако он мне сразу понравился.

Мавры возвели здесь очень мощную крепость, которая позже стала одним из оплотов Реконкисты. А период между XV и XVIII веками был временем ее расцвета. В этом городе сохранилось много достопримечательностей: восхитительные древние церкви с чудесными колокольнями, впечатляющие каменные дома и общественные здания с решетками из кованого железа на окнах. Если осторожно заглянуть в чью-нибудь открытую входную дверь, можно увидеть чудесные мраморные внутренние дворики, или патио, в мавританском стиле, утопающие в зелени и богато украшенные решетками. В местных магазинах полно самых разных вещей, которые я бы накупила, если бы они не были такими тяжелыми. Здесь можно найти керамику, одежду, милые вазочки и разнообразные товары для дома, отличающиеся особой роскошью. Гордость города — бронзовая статуя римского патриция высотой полтора метра. Она была найдена недалеко от Антекера в 50-х годах XX века. Теперь она находится в музее. Среди туристов большой интерес вызывает не сама статуя, а ее копия, которую можно приобрести в уменьшенном виде. Изображение патриция можно увидеть также и на тарелках, и на футболках. Выбирай что хочешь!

Глава 16

Лэнс, ты не против, если мы с тобой поменяемся ногами?

Держу пари, что, когда я в четвертый раз за последние два дня свалилась с велосипеда, овца, стоявшая у дороги, рассмеялась мне прямо в лицо, при этом перестав жевать травку и подняв на меня свою глупую курчавую голову. Мне даже показалось, что у нее приподнялись уголки рта, как у человека, когда он смеется. Ее блеяние звучало примерно так: «Хааа-хаа». Может, у меня уже паранойя?!

Отъехав от дверей гостиницы на расстояние чуть меньше километра, я остановилась на полпути до вершины очередного крутого холма. Мне надо было уточнить, в правильном ли направлении я двигаюсь. Мои измученные ноги отказывались идти вверх. А еще нужно было тащить на себе вещи. Силы были на исходе. Я еще пыталась крутить педали, но расстояние

до вершины существенно не сокращалось. Велосипед при этом мотало из стороны в сторону. В итоге я с грохотом повалилась на землю.

Ехать дальше смысла не было. За сегодняшний день я уже преодолела девятью пять километров, а вчера еще сто девять. Мне покорились две вершины, но какой ценой: я через силу затаскивала наверх себя и свой багаж. Тем не менее я строго поговорила со своими ногами, приказала им напрячься и продолжила длинный и утомительный путь.

Если честно, природа здесь очень сильно впечатляет. Я даже забыла на какое-то время про слабые и трясущиеся ноги. Известняковые фигуры по берегам рек бирюзово-синего цвета — это просто фантастика!

Кроме того, рельеф этой местности очень необычен. Он все время идет под уклон, что даже вызвало у меня тошноту и головокружение. (Наверное, потому, что в этой части Андалусии очень часто проходят киносъемки испанских вестернов.) Из-за того, что вчера я не успела насладиться красотой этих мест, в особенности известняковых фигур, я не могла не остановиться в Эль-Чорро. Скалы здесь достигают в ширину нескольких метров, а вот высота их порядка четырехсот. Эль-Чорро — это рай для скалолазов, для людей, не отличающихся, на мой взгляд, благоразумием. Просто ехать здесь на велосипеде и то страшно, а спускаться вниз — просто ужас какой-то! При этом голову надо держать высоко и не забывать все время притормаживать. Наверное, выглядит очень странно. По обеим сторонам дороги, идущей в Эль-Чорро, на склонах гор притулились белые особняки, утопающие в вечнозеленых лианах, бугенвиллеях. Это уединенное место для богатых туристов, которые приглашают сюда своих друзей. Они целыми днями не спеша прогуливаются вокруг бассейна, демонстрируя загорелое мускулистое тело. Сейчас эти виллы пустуют: ставни закрыты, а их хозяева, денежные воротилы, вернулись в шикарные, обшитые дубом офисы. Никто не знает, как скоро они приедут обратно; у них в запасе еще много других мест отдыха: ну, скажем, квартира в Палм-Бич или великолепно отремонтированный дом в Тоскане.

Когда остановилась в деревне Эль-Чорро, чтобы съесть сэндвич, я увидела группу велосипедистов из Австралии. Они катались на велосипедах по ущелью позади фургона, в котором приехали сюда. Как я не додумалась до этого раньше: способ передвижения, который избрали эти велосипедисты, был самым простым и разумным. Я поняла, насколько глупо с моей стороны было везти вещи, закрепив их прямо на велосипеде. Намного удобнее было бы взять с собой огромный чемодан и набить его нарядами. Можно было бы даже взять несколько самых экстравагантных. Например, пару туфель от испанского дизайнера Маноло Бланика, напоминающих по форме котят, или узкие маленькие брюки с заниженной талией от Гуччи, к тому же всевозможные туалетные принадлежности, о которых можно только мечтать. Все это богатство прекрасно поместилось бы в большой фургон, и путешествие было бы намного приятнее. А если после велосипедной прогулки забраться в уютный салон такого средства передвижения и отправиться на обед в роскошный отель, где можно восстановить силы, то путешествовать по-другому вам уже больше никогда не захочется. Да, в следующий раз я поступлю именно так!

В нескольких километрах от Эль-Чорро, вверх по дороге, находится деревня Барбастро. Некогда здесь была крепость, связанная с именем благородного разбойника Омара ибн Хафсуна. Этот испанский Робин Гуд жил в Средние века, в IX веке. Он принял мусульманство. (Но его семья, исповедовавшая ислам, перешла в христианство сразу после того, как в Испанию пришли мавры.) Ибн Хафсун был не только очень воинственным, но и жестоким.

Его отец отрекся от него, когда тот убил своего соседа. После ибн Хафсун был вынужден спасаться бегством в Марокко. Но через год вернулся в Испанию и построил крепость в Барбастро. Его хитрость и храбрость помогали ему держать под контролем огромные территории — от города Картахена и пролива Гибралтар, в самой южной части южного побережья Испании, до городов, находившихся внутри страны, таких как Эсиха,

Баэна и Хаэн. Несмотря на свой жесткий нрав и амбиции, ибн Хафсун слыл джентльменом. Говорят, что он очень уважал женщин и позволял им спокойно и беспрепятственно путешествовать по всем его владениям.

Благородные разбойники всегда воспевались испанскими поэтами и писателями. О них слагали романтические истории, и на ибн Хафсуне они, конечно же, не закончились. Например, эта отдаленная горная область помнит героическое сражение XX века: последний разбойник, по прозвищу Большие Шаги, погиб в 1934 году во время перестрелки с испанской жандармерией. Все эти благородные робины гуды были беспощадными, дикими, занимались воровством, отличались особой жестокостью, кровожадностью и даже желанием убивать. Но грабили они только богатых, проявляя при этом храбрость и мужество. Они сражались как герои и шли на это с одной только целью — помочь бедным и угнетенным. Да, это был мир настоящих мужчин, где женщинам отводилась только одна роль — роль домохозяйки.

Испанцы всегда превозносили мужское начало. Например, Диего Корриентес, благородный разбойник, никогда, как написано в рассказах о нем, серьезно не ранил своих жертв и никогда никого не убивал. Он грабил богатых только во имя бедных, чтобы те не умерли с голоду. Местный аристократ, дон Франсиско Бруна, не очень жаловал Диего Корриентеса. Однажды карета дона Франсиско Бруна поравнялась со всадником Диего Корриентесом:

— Рад видеть вас, дон Франсиско! — широко улыбаясь, воскликнул Корриентес. — У меня развязались шнурки на ботинках. Как замечательно, что вы оказались рядом. Завяжите мне их, пожалуйста. — И он сунул ногу в окно кареты дона Франсиско. Тому ничего не оставалось, как завязать шнурки Корриентесу.

Существует еще одна интересная легенда о том, как Корриентесу удалось ограбить дона Франсиско. Будучи очень решительным человеком, он заявился в дом дона Франсиско и обратился к нему со следующим вопросом:

— Это правда, что вы обещали десять тысяч реалов тому, кто передаст их прямо в руки вору Диего Корриентесу?

— Да, это правда. Вот эти деньги.

— Тогда отдайте деньги мне, потому что я и есть Диего Корриентес, — заявил бесстрашный разбойник, а когда дон Франсиско оправился от шока, Корриентеса уже не было, и денег, естественно, тоже.

Но самым известным из всех разбойников был Хосе Мария Эль Темпранильо, по прозвищу Молодой. Оно было дано ему потому, что он вступил на путь благородного разбойника в очень юном возрасте и очень быстро стал королем гор. У него были гладкие черные волосы, голубые глаза, белоснежные зубы и красивые, изящные руки. Он носил шикарную рубашку, бархатный жакет с серебряными пуговицами и кожаные чапсы — штаны, надеваемые поверх брюк. Он был таким смелым и таким красивым, каким только мог быть настоящий разбойник. Перед тем как напасть на дилижанс, он помогал дамам выйти из него, усаживал их в тень и только потом приступал к грабежу. Он всегда оставлял своим жертвам достаточно денег, чтобы они могли спокойно доехать до следующей деревни, и никогда не позволял себе красть драгоценности, которые были подарены возлюбленными.

Однажды высоко в горах Эль Темпранильо увидел бедного погонщика мулов на хромой лошади, который вез бурдюки с уксусом в свою деревню. Эль Темпранильо громко захохотал, увидев его:

— Зачем тебе, мой друг, этот старый осел?

Услышав такие слова, погонщик мулов очень сильно обиделся:

— Ты можешь смеяться, но эта старая лошадь, хотя и безобразна, единственное, что помогает мне не оказаться в могиле. Без нее я бы давно умер с голоду, а купить другую лошадь я не могу, у меня нет денег.

— Возьми этот мешок, — сказал Эль Темпранильо, — и направляйся в дом богатого старика Эррера. Он продает лошадь. Дай ему полторы тысячи реалов за нее. Обязательно подумай над моим предложением, потому что, если завтра увижу тебя на твоём старом муле,

я сброшу тебя и твоего осла в ущелье.

Погонщик сделал так, как ему велел Эль Темпранильо. Он пошел в дом богача, заплатил ему ровно полторы тысячи реалов и купил лошадь. Следующей ночью в дом Эрреры ворвалось два человека. Они избили его, завязав глаза, и потребовали:

— Быстро отдавай деньги!

— Пожалуйста, отпустите меня! У меня нет ни монеты.

— Ты лжешь, болван. Мы знаем, что ты вчера продал лошадь за полторы тысячи реалов.

Ему пришлось вернуть деньги, и оказались они, естественно, в руках Хосе Мария Эль Темпранильо, который в итоге пострадал от рук такого же разбойника, как и он сам. Он был зверски убит своим давним товарищем. Дело в том, что Эль Темпранильо увлекся играми с испанской жандармерией, но богиня возмездия этого не одобрила. Жандармерия была в те времена новым полицейским подразделением в деревне и клеймила всех разбойников, наводнивших горные дороги. По сравнению с жандармами Эль Темпранильо был просто ангелом. В 40-е годы XX века испанская жандармерия была правой рукой Франко, исполнителем всех его жестоких законов.

Ее штаб-квартира была в каждом маленьком городе и походила на крепость. Патруль, состоящий из двух жандармов, был в те годы обычным явлением.

Премьер-министр Нарваэс, который отвечал за создание этого полицейского подразделения, был беспощадным и жестоким человеком. Когда он лежал на смертном одре, священник спросил его, простил ли он своих врагов. Нарваэс ответил: «У меня нет врагов, отец. Я их всех застрелил».

Боже, как тяжело подниматься все время вверх, а потом съезжать вниз, и снова вверх, и снова вниз! Преодолев половину пути, на втором по счету трудном подъеме меня стали одолевать дурные мысли.

«Может попросить помощи?» — услышала я из глубины своего сознания тихий голосок.

Однако мои ноги неустанно крутили педали. Внезапно прямо в лицо задул ветер.

«Кончай», — хныкали мои ноги. «Поймай машину, поймай машину, поймай машину», — скулили мышцы. Усталость постепенно сковывала все тело.

От бедер она поднималась выше, к спине и шее, и дальше к голове.

«Не останавливайся!» — подсказывал мне здравый смысл.

«Подумай! Уже через двадцать минут ты могла бы быть наверху, если бы поймала машину, а не тащилась бы два часа на своем ужасном велосипеде. Ты уже лежала бы в ванне, в горячей воде, в горячей воде, в горячей воде», — говорили мне мои ноги.

Настоящим искушением стало такси, проезжавшее мимо.

Но я, как настоящий герой, все же доехала на велосипеде до Ронды, хотя внутри меня все сопротивлялось этому.

Я решила, что после тяжелого дня, проведенного в горах, заслужила поощрительный приз в виде шикарного номера в гостинице. Поэтому заказала его именно в «Сан Габриэль». Когда-то это был старинный особняк. Говорят, что здесь каждый номер — единственный в своем роде, но подтвердить этого не могу, так как еле-еле стояла на ногах. Гостиница была просто великолепной. Несмотря на то что я поселилась в одноместном номере, здесь стояла огромная двуспальная кровать, которая, однако, меркла на фоне роскошного интерьера и терракотовой черепицы, украшавшей крышу гостиницы. Душевая кабинка оказалась такой просторной, что туда поместился бы не один человек. В номере имелся даже крошечный балкон с решеткой из кованого железа, на который отбрасывало тень растущее неподалеку апельсиновое дерево. И стойка администратора была здесь особенной. При входе на стене висел крошечный указатель со стрелкой, который приводил вас в прекрасно обустроенное помещение, где во всем чувствовалась рука настоящего джентльмена: письменный стол, отделанный кожей, и книжные шкафы вдоль стен придавали ему солидность. Женщина,

сидевшая за этим столом, улыбаясь, любезно предложила мне сесть в обитое бархатом кресло. Она же тем временем заполнила необходимые бумаги. Я почувствовала, что мой внешний вид явно не соответствует обстановке, в которой оказалась. Кстати, такое происходило со мной не в первый раз.

Дело в том, что на мне была запачканная машинным маслом спортивная форма из лайкры, и я подумала, что, после того как встану, кресло обязательно сожгут.

Я приняла душ в одиночестве, хотя там могла поместиться целая компания моих друзей.

После достала из мини-бара бутылку пива, наделав при этом много шума. Я выпила его тоже в одиночку, сидя на балконе в тени апельсинового дерева. Сегодня, подумала я, для этого есть повод: я выпуталась из затруднительного положения, выдержала мучительные подъемы в гору, причем на велосипеде, и победила в себе не менее мучительные сомнения. Я устала, но одержала победу, собрала всю волю в кулак и продержалась до самого конца, забыла о боли во всем теле и продолжала двигаться, несмотря ни на что.

Зена, королева воинов, съешь свое сердце! Ты прекрасна в коротком кожаном платье и доспехах! Ты умеешь побеждать призраков и драться ногами. Ты можешь даже сразиться с недругом, пустив в ход хлыст с цепями! Но обругать велосипед ты никогда не сможешь просто потому, что его еще не было. Хитрая Лара Крофт, несущаяся на огромной скорости и бросающая черепки в камбоджийских каменных чудовищ. Продолжай в том же духе, если ты считаешь, что из этого выйдет хоть какой-то толк! А я буду по-прежнему покорять вершины, преодолевать свои страхи, терпеть боль и все время идти вперед. Заметь, что на следующий уровень своей игры я вышла без помощи оружия и у меня даже нет с собой второй запасной шелковой пижамы! Да, я сделала это! В отличие от тебя, Лара, я существую на самом деле! Я живая! И когда я подпрыгиваю от гордости за себя в роскошном номере, моя грудь, свободная от доспехов, дышит по-настоящему!

И вот, очень довольная собой и немного опьяневшая, я надела свои серые, проверенные, но тяжелые брюки, черный топик и отправилась на прогулку по Ронде.

Ронда — это город, который известен не только своими благородными разбойниками, но также корридой и очень глубокими, узкими ущельями. Он находится по соседству с туристическим раем, простирающимся вдоль Коста-дель-Соль, и поэтому здесь каждый день полным-полно туристов. Единственное, что хорошо, так это то, что большинство этих неугомонных, приезжающих сюда на экскурсионных автобусах, на них же и отправляются обратно на побережье, когда солнце уже начинает садиться, окрашивая в розовый цвет горные вершины.

Узкие ущелья в этом районе оставляют неизгладимое впечатление. Они здесь очень глубокие. Если подойти к самому краю моста Пуэнте-Нуэва (что означает «новый мост», несмотря на то что он был построен очень давно), от высоты просто дух захватывает. Но современные туристы предпочитают вести себя осторожно, они боятся уронить в ущелье камеры, а еще не подпускают к краю моста своих маленьких Карлосов. Омят неприятностями путешествие в их планы не входит.

Раньше все было по-другому. Люди вообще об этом не задумывались. Ущелье поражало их своей красотой, так же как и своей неприступностью. Здешные жители в прошлом даже и представить себе не могли, что кто-то свалится в пропасть, потому что город, располагавшийся на краю этого ущелья, был фактически недоступен. Но люди решили построить мост.

Город Ронда бережно хранит одну страшную легенду. В первые месяцы Гражданской войны в Испании здесь погибло пятьсот двенадцать человек. Их сбросили с высокого моста, и они разбились о камни. Это было очень жестоко. Роман Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол» основан, в частности, на этих событиях. Республиканцы отвели соседей-националистов к зданию муниципалитета, затем построили селян в два ряда на площади и дали им в руки молотило, дубинки и вилы. Их жертвами стали землевладельцы,

принадлежавшие правому крылу партии. Республиканцы не первыми испробовали такой изощренный способ убийства людей. Например, в XVIII веке тореадор по имени Педро Ромеро столкнул свою жену в пропасть ущелья после того, как застал ее в постели с другим мужчиной. Это было несправедливо, так как Педро, как говорят, сам переспал с королевой Испании и ее главной соперницей, герцогиней Альба. В качестве трофея он прихватил с собой розовые шелковые трико.

Возможно, Педро все же простили его прелюбодеяние в связи с родом его занятия, так как до сих пор Ронда и Севилья спорят, кто же из них изобрел корриду. В Ронде никто не смеет сомневаться в том, что современная коррида началась с истории семьи Ромеро. В начале XVIII века дедушке Педро по имени Франсиско Ромеро пришла в голову идея использовать шляпу, а потом и накидку, чтобы отвлечь внимание быка от матадора, пронесившегося мимо на лошади.

Сын Франсиско по имени Хуан первым вывел квадрилью, то есть группу тореро во главе с матадором, а Педро стал первым, кто укротил быка благодаря ловкости быстрых ног в туфлях на небольшом каблуке. Говорят, что Педро убил пять тысяч шестьсот быков и при этом не получил ни единой царапины. Если посетить в Севилье арену для боя быков, то на стене можно увидеть картину XVII века, на которой изображены солдаты, практикующиеся во владении копьем. Они тренируются на деревянных копиях голов. (Эти деревянные копии — лишь жалкое подобие быка и корриды в целом.)

Гид рассказывает о том, что такая тренировка, как и в любом другом виде спорта, очень необходима, тем более перед корридой, для того, чтобы приблизить условия боя к реальным. Жители Севильи придают корриде большое значение и относятся к ней очень серьезно до сих пор, хотя эта травля быков, сидя верхом на лошади, известна еще со времен Древнего Рима.

Глава 17

Спасение в горах

Я проснулась на уютной большой кровати в прекрасном просторном номере и увидела, что за окном идет дождь, который в мои планы никак не входил. Я собиралась выпить кофе, почитать газету, сидя на солнечной террасе, и полюбоваться на ущелье. А потом пойти посмотреть на знаменитую арену, где проходит коррида, и посетить одноименный музей, располагавшийся рядом. Но моим планам, к сожалению, не удалось воплотиться в жизнь.

Дождь не прекращался, но я все же поспешила в кафе, чтобы позавтракать. Заплатив за завтрак кругленькую сумму, решила переждать дождь в кафе, что не прибавило мне хорошего настроения. Когда узнала, что арена для боя быков и музей корриды закрыты на полчасовой перерыв, мой энтузиазм совсем сошел на нет. Да, день явно не удался, но изменить что-либо было не в моих силах.

Очень обаятельный администратор гостиницы, которого, если не ошибаюсь, звали Хосе, стал расспрашивать меня о моем путешествии. Я расписала ему свой маршрут и объяснила, что через холмы собираюсь направиться в Грасалему, а затем в Эль-Боске, считающиеся одними из самых красивых городов в этой части Испании. Потом я планировала посетить Акрос-де-ла-Фронтера и остаться там на ночевку.

— Ах! Грасалема! А вы в курсе, что там идут очень сильные дожди, как, впрочем, и по всей Испании? — спросил он, широко улыбаясь. Его улыбка в данном случае была явно неуместной. — В год в Грасалеме выпадает две тысячи миллиметров осадков, и это только в виде дождя. Для сравнения, в Ронде их всего шестьсот.

Было видно, что эта информация доставляет ему огромное удовольствие.

А в Ронде шел ливень, и это было совсем не к стати.

Однако я все равно села на велосипед и отправилась в путь. Поначалу все шло не так уж и плохо. Постоянно моросил дождь, но в этом не было ничего ужасного. Например, для Озерного края в Англии или для Ирландии, где много болот, это привычное дело. Отменив

все утренние планы из-за дождя, я выкроила больше времени, чем рассчитывала. Поэтому решила делать регулярные остановки, чтобы попить горячего чая. Первую такую остановку я совершила в печально известном городе Грасалема. Как и ожидалось, там тоже шел дождь. Я подумала, что в солнечный день здесь все должно быть очень даже мило: и белоснежные домики, и вымощенные булыжником улицы.

— Не совсем удачный день для катания на велосипеде, — сказал мне пожилой мужчина в ермолке, когда я вышла из кафе, где вместе с обычными посетителями спасались от дождя промокшие и приунывшие туристы.

Да, какой вы наблюдательный, сеньор.

— Отсюда до перевала далековато. А потом дорога все время будет идти вниз, — добавил он с редким воодушевлением.

Наверное, там, где постоянно идут дожди, должны жить только оптимисты.

Я начала подъем. Дождь и не думал стихать. По мере моего продвижения вперед он все усиливался и усиливался.

Когда я уже почти подобралась к вершине, мелкий противный дождь превратился в настоящую бурю. От страшных порывов ветра ветви деревьев клонились к земле. Меня же просто отбросило на встречную полосу дороги, и я упала прямо в канаву.

Стихия разыгралась страшная: вокруг все грохотало, трещало и хлестало во все стороны. Впереди ничего не было видно. Естественно, на велосипед я не села, а пошла пешком, правда, и это было очень непросто — ветер был невероятно сильным. Я двигалась по обочине. Ноги промокли насквозь. Все вокруг казалось мне каким-то кошмаром: я была одна на вершине горы, потоки воды стекали вниз по дороге, чудовищный ветер валил деревья, а ветки трещали, ломались и падали прямо к моим ногам. Создалось такое ощущение, что я попала в ад! На меня чуть даже дерево не упало! Но я была почему-то спокойна. Что случилось со мной, с моей паникерской натурой и с захлестывающими меня эмоциями? Как странно, удивилась я, что среди всего этого жуткого хаоса я могла держать себя в руках! Секрет оказался прост: немного солнца, физическая нагрузка и пара бутылок пива накануне вечером. Всего этого было достаточно для того, чтобы вернуть себе силы и энергию.

Около меня остановилась машина. Брызги от лужи накрыли меня с головой. Я заметила, как опускается стекло.

— Гм... подождите минуту, я сейчас открою дверь, — услышала я тихий голос из машины.

Я чуть было не сунула голову в окошко, прямо как было описано в Путеводителе по Испании.

— О, господи! *Hablaah inglays?* Вы говорите по-английски? — услышала я, а подняв голову, увидела человека, широко улыбающегося оттого, что он произнес несколько слов на иностранном языке. На его голове красовалась бейсболка с крупной надписью «Канада».

— Да, да, да, да, ДА! — прокричала я с ликованием. В тот момент я совсем забыла про бурю. Мне просто повезло! Какая удача! Я быстро запрыгнула на заднее сиденье и оказалась в прогретом салоне автомобиля. Теперь никакая непогода мне была не страшна!

Шеннон и Крис — так звали моих спасителей. Когда я оказалась в машине, забрызгав салон водой, Крис любезно вышел под дождь, чтобы закрепить на крыше велосипед. Естественно, он промок! Выяснилось, что Крис был родом из Тамворта, в тридцати километрах от Дербишира, графства в Великобритании, где я родилась. Мне очень повезло, что эти приветливые люди довезли меня до гостиницы.

Что в данном случае сказал бы Франко? Он держал на своем письменном столе два подноса. На одном из них было написано: «Проблемы, которые решаются временем», а на другом: «Проблемы, которые разрешились временем». Он с удовольствием, по-видимому, перекладывал свои бумаги с первого подноса на второй. Я знала, что у него возникали проблемы, как и у меня. Главное, не паниковать, а двигаться дальше и терпеть, даже если тебе что-то не нравится.

В конце концов ты будешь вознагражден. На помощь тебе обязательно придут Крис, Шеннон и бейсболка «Канада».

Гостиница «Лос Оливос» в городе Аркос оказалась замечательным местом. Двусторчатые, доходящие до пола окна в моем номере выходили на внутренний дворик, где среди деревьев и цветов были расставлены столики и кресла. Гостиница совсем не была виновата в том, что на улице шел дождь. Но он стал причиной раздражения и плохого настроения у обслуживающего персонала. Что случилось с испанцами? Виной всему плохая погода? Пара капель с неба, и вся Испания начинает кусаться. Все сидят дома и занимаются только тем, что спорят с родней со стороны мужа или жены. Никто не идет в магазины, и, слава богу, никто не идет в бары. Еще пара таких дождливых дней, и экономика страны окажется на грани упадка!

Девушка, сидевшая за столом портье, по-видимому, тоже стала жертвой дождливой погоды. Когда я, прихрамывающая и промокшая, зашла в гостиницу, она рассерженно взглянула на меня и глубоко, с возмущением, вздохнула. Я молча присоединилась к небольшой очереди у стойки администратора, встав рядом с очень интеллигентной супружеской парой средних лет из Англии, которая, постоянно извиняясь, разговаривала с ней на чистом английском языке. Оказывается, они просили прощения за то, что в их номере внезапно погас свет. Взбешенная администраторша хмуро взглянула на них и ответила довольно резко, что решит эту проблему.

Вежливые англичане взяли свои зонты, карты, очки и решительно отправились на улицу прямо под дождь. Они выглядели так, как будто только что вырезали купоны из газеты «Дейли телеграф» и благодаря им оплатили свой отдых в Шотландии. Казалось, что они совсем не переживают по поводу всех этих пустяковых неудобств. Главное для них — это прогулка по улице, пусть даже и по пояс в воде.

— Ну и чокнутые эти старики из номера сто тридцать два, — бросила администраторша, когда англичане ушли. — Они только и думают о том, горит у них в номере свет или нет! Так пошли бы и провели сами! Это совсем несложно! Вот старые жирные столетние калоши! А мозги у них как у картофельной тортильи недельной давности! Пусть катятся ко всем чертям!

И в этот момент она вспомнила обо мне. Меня по-настоящему взбесило не только то, что она говорит гадости про моих соотечественников у них за спиной, но еще и то, что она потребовала от меня заплатить дополнительно два евро за хранение велосипеда.

Если забыть об администраторше и о ее грубостях, то город Акрос-де-ла-Фронтера все равно вам понравится. Он возвышается над равниной и занимает достаточно небольшую территорию. Почвы здесь каменистые, поэтому деревья вырастают совсем крошечными. Но тут много исторических памятников, которые я очень хотела увидеть, поэтому решительно достала из промокших сумок такую же промокшую одежду и вышла на улицу. Потоп не прекращался, и мне пришлось укрыться от дождя в интернет-кафе.

Там я выпила очередную чашку чая и проверила электронную почту в надежде, что за это время порывистый ветер утихнет. Но дождь продолжал барабанить по крыше. Ветви деревьев по-прежнему с треском падали на землю. Я решила купить газету, а затем переместилась в другой бар. Конечно, там не было ни одного посетителя: в такую погоду постоянные клиенты не рискуют выходить из дома. Зайдя в бар, решила заказать себе пива. Дождь не унимался, а становился все сильнее и сильнее. Я сильно промокла и начала дрожать от холода. Тут послышался треск: еще одна ветка свалилась с дерева прямо рядом с баром и упала на асфальт. Мне стало как-то не по себе, и я решила вернуться в гостиницу. Прибежав в номер, сняла с себя мокрую одежду и, съевшись от холода, завернулась в одеяло. В первый раз за весь этот день я согрелась и почувствовала себя комфортно. Слава богу, что находилась в гостиничном номере, а не в палатке!

По телевизору должны были показывать корриду. На этой неделе проходило ежегодное

празднество в Хаэне. Как и на всех крупных фестивалях, на аренах выступали самые лучшие матадоры Испании и повсюду стояли телекамеры.

Однако сегодня в Хаэне никакой корриды не состоялось, так как там тоже дождь. На аренах, покрытых обычно идеально сухим, разрыхленным песком, стояли грязные лужи коричневого цвета. Когда я включила телевизор, дождь наконец-то кончился и обслуживающий персонал добыл целый грузовик песка и выгрузил его в самом центре арены. Мужчины с граблями в руках с большим воодушевлением засыпали жижу сухим песком. Конечно, привести арену в порядок было очень сложно. Поэтому телевизионные камеры стали показывать небо, а комментатор старался убедить всех в том, что дождя больше не будет.

Тем не менее, песок не очень помог исправить положение. Однако торeadоры все равно вышли на арену, чтобы оценить ситуацию и подготовиться к бою.

Комментатор что-то бормотал с грустью в голосе. Даже мне, не особенно сведущему в данном вопросе зрителю, показалось, что предпринятые меры явились не самым лучшим решением.

Но вот на арене показался первый бык, явно чем-то разъяренный. Почти сразу же заморосил мелкий дождь, который постепенно перешел в самый настоящий ливень. Бандерильеро стали, подпрыгивая, орудовать маленькими копьями, а пикадоры в свою очередь принялись отвлекать быков. И вот бык, весь окровавленный и мокрый от дождя, лежит в жидкой грязи. Вместо свирепого быка все увидели бедное животное, которое снова и снова падало на землю, а его блестящая черная шкура была сплошь покрыта жидкой грязью.

Первый матадор вышел на арену. Он был вынужден снять с себя обувь: она скользила и только мешала ему в такую ненастную погоду. На его розовые шелковые чулки налип мокрый песок, а его *traje de luces*, очень эффектный, сверкающий костюм, плотно облегающий фигуру, сегодня абсолютно утратил внешний лоск и даже выглядел неаккуратно. Матадор сделал несколько поворотов с мулетой в руках. Рога быка порвали ткань, и мулета выскользнула из рук матадора. И тут случилось неизбежное. То ли дождь повлиял на координацию движений матадора, то ли он просто потерял равновесие — все произошло очень быстро. В мгновение ока бык вонзил свой рог прямо в бедро матадора и приподнял его над землей. Он болтался в воздухе, словно тряпичная кукла, а кровь из ноги хлестала с такой силой, что его лицо стало мертвенно-бледным. Квадрилья, или группа тореро, бросилась на арену со своими накидками, чтобы отвлечь быка. В это же мгновение пять или шесть человек подняли матадора и быстро отнесли в полевой госпиталь. Все увидели кровавый след на песке.

Затем на арену вышел второй матадор. Все, что произошло далее, было неинтересно и слишком затянуто. Матадор пытался вонзить шпагу в *rubios*, точку между первыми ребрами. Лезвие должно было попасть в сердце и вызвать как можно более быструю смерть. Но матадору это не удавалось. Это безобразие продолжалось еще несколько минут. Замученное животное бродило под проливным дождем, а в его раненое туловище продолжали вонзаться копыта и шпага. Потребовалось еще немного времени и усилий, чтобы этот храбрый, но мокрый, грязный и прихрамывающий бык упал замертво в грязную лужу из песка. Коррида была приостановлена.

Позже выяснилось, что у первого матадора была задета артерия. Он пролежал полтора часа на операционном столе в полевом госпитале. Потом его перевезли в настоящую больницу, чтобы провести еще одну операцию. Прогноз, как писала газета «Эль пайс», был неутешительным — матадору грозила смерть.

Плохая коррида похожа на бойню. Самое худшее, когда *novillero*, или начинающие тореро, состязаются с более молодыми и менее опасными быками. Даже самым искусным матадорам не всегда удастся убить быка первым ударом шпаги. Начинающие тореро, как известно, менее опытные. Маленькие бычки, почти детеныши, очень слабые. При первом же ударе они падают на песок, издавая при этом жалостливое мычание.

Хорошая коррида, во время которой состязаются смелый и опытный матадор и свирепый бык, волнует кровь. Как-то один пожилой мадридский болельщик посмеялся над моей страстью к футболу. Коррида, по его мнению, была намного ближе к спорту. Он сказал: «Когда футболист допускает ошибку, он не забивает гол. Когда ошибку совершает матадор, он теряет собственную жизнь».

Матадор, показывающий хорошую и талантливую корриду, бесстрашен на арене.

В коротких узких брюках он падает на колени спиной к бешеному быку, рога которого лишь слегка касаются его плеча. Потом грациозно встает и начинает очень ловко заигрывать с животным мулетой, ярким алым плащом. Зрители в этот момент неистовствуют. Когда же начинается пасодобль, они начинают размахивать платками, кричать «*¡olé!*» и жадно пить вино.

Сходите на корриду, где выступает бесстрашный девятнадцатилетний сердцеед Эль Хули, при виде которого толпа просто сходит с ума. Этот молодой матадор с развевающимися черными волосами, озорными мальчишескими глазами, статной фигурой, энергичный, смелый и уже набравшийся опыта на арене, доводит девушек до истерии, а молодые люди просто мечтают быть похожими на него. Помните, моей подруге из Гонконга приснился сон, в котором присутствовал как раз Эль Хули, а я танцевала с ним страстный танец. Уж не пророческий ли это сон?! Я даже решила написать ей и расспросить, как этот тореадор выглядел. Конечно, Эль Хули еще очень молод, но его наивность придает ему особое обаяние. Естественно, увидев меня, мои темные круги под глазами, морщинки в уголках глаз, он тотчас же удра бы, а еще закричал бы так, как будто за ним гонится разгневанный бык. Но все-таки, может, стоит попробовать?

Резня, которую я увидела по телевизору, как ни странно, не испортила моего аппетита. (Если честно, это было еще более захватывающе, по сравнению с фильмом «Лоис и Кларк: Новые приключения супермена».)

Проголодавшись, я сняла с себя теплое сухое одеяло, надела мокрую одежду и направилась в ресторан. Я не стала долго выбирать, поэтому пошла в ближайший. Только два столика были заняты. За ними сидели пары. Погода не благоприятствовала, и лучше всего было бы свернуться калачиком у бразеро — обогревателя, стоящего под круглым семейным столом, покрытого толстым одеялом, который можно придвинуть к коленям и согреться.

Пара средних лет, сидевшая за соседним столиком, приехала из Америки. Они тихо разговаривали и украдкой поглядывали на меня. Видимо, я вызвала в них живой интерес. Наверное, им хотелось узнать, что может делать молодая женщина (к тому же в мокрой одежде), одна в ресторане, почему одна ест, да еще и пьет в одиночку. Можно было решить, что я упала в лужу. Но мне было все равно, что они подумают. У меня был трудный день, и, на мой взгляд, я заслужила бокал вина, а может, два или даже три. Я хотела отпраздновать маленькую победу над собой и попросила официанта принести мне полбутылки вина, на что он ответил:

— Нет, я могу принести вам только целую бутылку. Но вы можете выпить половину.

Мне подали бутылку местного легкого вина из двух сортов винограда — Паломино и Рислинг. Вино было произведено и разлито прямо здесь, в Аркосе.

Его вкус был отменным, и вместо половины бутылки я выпила три четверти. Испанцы совершенно не беспокоятся о времени и вине, поэтому официант взял с меня только четыре евро, как за половину бутылки. Чтобы не выпить лишнего, после ужина я сразу же поковыляла в гостиницу.

Глава 18

Встреча с Майклом

Дождь продолжался и на следующее утро, но я собиралась в Херес, где производят одноименное вино. Меня снова ждал мой велосипед, но мне ужасно не хотелось повторения

пройденного. И хотя вчера мне удалось избежать сотрясения мозга, когда на меня чуть не свалилась ветка с дерева, я совершенно не собиралась рисковать. У меня болела попа, и поэтому я отказалась от намеченного плана и села на автобус.

Главное было узнать расписание автобусов. Женщина, сидевшая за стойкой администратора, убедила меня, что автобусы в Херес идут в десять пятнадцать и десять сорок пять. Я не сразу нашла дорогу и попала на автобусную станцию в десять шестнадцать. Автобус уже уехал, причем вовремя.

— Боюсь, вы опоздали, — сказал мне худой старик в поношенном плаще, потирая руки с явным удовольствием.

Он был из числа тех пенсионеров, которые любят болтаться в оживленных местах, то есть там, где полно скучающих и доведенных до отчаяния людей. Для таких, как он, это было единственным способом найти кого-то, с кем можно поговорить.

— Следующего автобуса не будет до одиннадцати двадцати пяти. Придется вам сидеть здесь и ждать его вместе со мной, — усмехнулся он.

Мне показалось, что он был доволен тем, что поймал себе попутчика, да еще в такой странной спортивной экипировке из лайкры.

Расписание автобусов, которое я увидела на стене, не соответствовало действительности. Следующий автобус до Хереса должен был появиться в одиннадцать пятнадцать, но еще один старикан клялся всеми святыми, что автобус прибывает ровно в одиннадцать. А о автобусе в десять сорок пять никто даже и не слышал. Как только я уселась, чтобы погрузиться в чтение газеты, ко мне подошел дедуля номер три.

— Так, значит, вы любите ездить на велосипеде... — начал он, кивнув в сторону моего доверху нагруженного велосипеда. — Знаете, а я сам раньше тоже катался...

И тут он поведал мне о том, как на своем горном велосипеде он каждое утро отправлялся в горы, как свежий воздух и свобода помогали ему отвлекаться от его грязной и нудной работы на заводе по розливу вина.

— Как я любил свой велосипед! Я заботился о нем так, как не заботятся о женщине. — Он вздохнул и задумался. В его взгляде я разглядела ностальгию. — Но потом врачи сказали, что у меня проблемы с сердцем, и мне пришлось забыть о моем увлечении.

Целых полчаса старикан травил истории о своих молодых годах, о своих любовных похождениях и о шальных выходках. Все это было очень нудно и неинтересно. Затем он заговорил о политике:

— Ближний Восток? Там такая неразбериха! А Афганистан! Это же кошмар! А организация «ЭТА»! *Dios mio*, это просто ужас какой-то!

Слава богу, автобус появился без десяти двенадцать, а в двенадцать ровно мы отправились в Херес.

Херес-де-ла-Фронтера — красивый древний город с богатой историей. Но прежде всего это родина хереса. Город знаменит также своими лошадьми, ну и, конечно же, фестивалем фламенко. В Хересе родился генерал Мигель Примо де Ривера, совершивший в 1923 году государственный переворот, избежав при этом кровопролития. Он сумел удержать власть в своих руках в течение шести лет. Мигель Примо де Ривера принадлежал к старому андалусскому роду. Он любил женщин, лошадей, вино и корриду и был настоящим мачо. Его новое государство, как говорил он сам, «настоящее мужское государство. Я призываю всех, кто еще не до конца определился в своих взглядах, набраться терпения в ожидании лучших времен. Мы делаем для нашей родины все, что в наших силах. Да здравствуют Испания и наш король!»

Несмотря на свои не слишком либеральные взгляды в гендерной политике, Примо де Ривера был значительно мягче, чем все последующие испанские диктаторы. Он всячески способствовал развитию своей страны — например, создал сети гостиниц, или парадоры, управляемые государством. Но все же сильным руководителем его не назовешь.

Вот что сказал о нем испанский философ и писатель Мигель де Унамуно:

«Испания нуждалась в железном и безжалостном хирурге, а не в дантисте с дрожащими руками».

В 1929 году после финансового краха на бирже под названием Уолл-Стрит, наступила Великая депрессия. Временное процветание в Испании, которое наблюдалось в 1920-е годы, стало сходить на нет. Король Альфонс XIII, который всегда был на стороне Примо де Риверы, тем не менее порвал отношения с диктатором и отправил его в ссылку во Францию, в Париж, где тот и умер спустя несколько месяцев, разрываясь между церковью и публичным домом. Но Херес по-прежнему хранит память о нем. На главной площади города Дель-Аренал ему установлен памятник: огромный всадник на коне, которого украшают следы голубинового помета, будто на него опрокинули ведро краски, как это делали когда-то в дешевом немом кино.

Приехав в гостиницу и забронировав номер, я отправилась на обед, который не обманул моих ожиданий. За счет заведения мне даже принесли тарелку салата из морепродуктов. А потом подали «испанскую мясную тарелку», в которую входили ветчина иберико, сыр, чоризо иберико, салями и хлеб. Затем я отведала блюдо из морской собаки в соусе бренди с картофельными чипсами, а на десерт флан, то есть сладкий карамельный крем. Все сразу съесть было нелегко, но я стоически одолела свой обед, запив всю эту вкуснятину бокалом хереса «Фино». Да, после такой трапезы сиеста мне явно не помешала бы!

Из-за постоянных переездов каждый раз мне приходилось спать на новом месте. От всей этой чехарды в какой-то момент я даже стала забывать, в каком же номере остановилась. И вот когда в очередной раз подошла к стойке администратора, который в ожидании моих реплик даже приподнял брови, я промямлила:

— Э... *Buenas tardes*, будьте любезны ключ от номера... Гм...

Я стала вспоминать, какой же у меня был номер. Сто десять? Нет, это было в прошлый раз... может быть, триста двадцать шесть? Нет, это было в Гранаде. А может, сто два?

Мне, что же теперь, и ошибиться уже нельзя? А администратор сам мог бы меня поправить! Я чувствовала себя прямо как школьница на экзамене, которая не знала, сдаст его или нет. Пусть дают мне ключ от чужого номера, а если я зайду и увижу там постояльца, развлекающегося с горничной, пока его жена ходит по магазинам, то это будет на их совести!

Мне вспомнилась одна история, которая случилась с моим знакомым по имени Дэвид. Он постоянно ездил по работе в командировки и, естественно, каждый раз останавливался в новой гостинице. У Дэвида был сложный характер. Он обязательно закатывал скандал, если в ресторане его усаживали за столик не у окна. А однажды у него случился жуткий приступ ярости, когда он, придя в гостиницу, поднявшись наверх и вставив ключ в замочную скважину, обнаружил, что дверь не открывается. Разъяренный Дэвид быстро спустился к администратору и стал орать:

— Этим ключом дверь не открыть! Я не хочу слышать никаких извинений. Я сыт по горло вашим обслуживанием! Позовите менеджера!

— Но, сэр...

— Я СКАЗАЛ, ПОЗОВИТЕ МЕНЕДЖЕРА!

— Сэр, таких ключей в нашей гостинице нет. По всей видимости, он от номера какого-то другого отеля, — объяснил ему пришедший все-таки менеджер.

Да, велотерапия Дэвиду не помешала бы!

Отдохнув после обеда (слава богу, в нормальной кровати), я потратила полчаса на помывку велосипеда, а потом еще целый час отскабливала от машинного масла пол в номере. Закончила я только к шести. Небо просветлело, и я решила пойти на вечернюю прогулку.

Была суббота, и я оказалась свидетельницей одной свадьбы. Свадебная машина,

украшенная ленточками, плавно подъехала к церкви в старом квартале города. Из собора доносился торжественный свадебный марш. Одетые с иголки гости торопились в церковь, наскоро припарковав автомобили. Разнаряженные дамы, испытывая явное неудобство от туфель на высоком каблуке, ковыляли по булыжной мостовой, крепко держась за спутников, которые тоже чувствовали себя не в своей тарелке.

Я бродила по крошечным узким улочкам старого квартала, гуляла по скверам, над которыми возвышались величественные и богато украшенные здания, окруженные деревянной оградой. На террасах под апельсиновыми деревьями с еще несозревшими плодами сидели жители Хереса и болтали за кружкой пива, чашкой кофе или порцией мороженого. Был выходной день, и, естественно, испанцы отдыхали.

(Я ума не приложу, когда испанцы моют свои машины или прибивают дома полки.)

Однако, несмотря на субботу, этот день в Хересе выходным было назвать сложно. Интернет-кафе было битком набито молодыми людьми, игравшими в компьютерные игры, и хихикающими девушками, явно довольными своей перепиской в режиме онлайн. Правительство Испании пыталось делать все, для того чтобы жители ее страны научились пользоваться компьютером и Интернетом. Но, как пишут газеты, политики не особенно преуспели в этом деле. Многие все еще не обзавелись компьютерами дома и тем более не умеют пользоваться Интернетом. Наверное, те, кто проводит в Испании социологические опросы, никогда не заглядывают в интернет-кафе, находящиеся в маленьких городках. За время моего путешествия я неоднократно убеждалась в том, что испанские подростки знают, как пользоваться Интернетом и как переписываться в чатах в режиме онлайн. И сидят они за компьютерами целыми часами. Мне особенно смешно было наблюдать за четырнадцатилетними девочками и их реакцией: глядя в монитор, они то хихикали, то открывали рты от удивления, то кокетливо поправляли волосы, переписываясь с потенциальными женихами. Для них это подходит как нельзя лучше, ведь человек, с которым ты общаешься в режиме онлайн, не видит, что у тебя на лице прыщики.

Я зашла в один кинотеатр за городом. Это оказался большой торгово-развлекательный центр, где были еще ресторан быстрого питания «Макдоналдс», мексиканский бар, гипермаркет и различные кафе. Вдоволь наглядевшись на представителей среднего класса Испании, я поспешила обратно в центр города, чтобы пообедать в уютном ресторанчике. Наконец-то я шла в ногу с Испанией. Куда бы я ни приходила, где бы ни оказывалась, жители Хереса везде находили меня, словно шли за мной по пятам, поэтому мне пришлось даже ждать, пока освободится столик. В итоге в десять часов вечера я устроилась на террасе в старом квартале города и стала уплетать креветки в чесночном соусе и салат. В ресторане сидели преимущественно испанцы, туристов среди них практически не было, кроме меня. Публика вокруг была разношерстной: большие компании, явно решившие остаться здесь на всю ночь, семейные пары, жевавшие из общей тарелки, их маленькие дети, бродившие между столиками и натякающиеся на официантов. Им давно пора было спать! Группа модно одетых двадцатилетних молодых людей медленно прогуливалась мимо поваленных ветром апельсиновых деревьев с недозревшими плодами на ветках. Наверное, они направлялись в какой-нибудь бар или ночной клуб, чтобы там провести субботний вечер.

В воскресенье утром в Хересе было тихо, и я решила отправиться кататься на велосипеде. Я уже привыкла к ритму жизни испанцев и знала, что они обычно делают по воскресеньям.

В моих планах было объехать три испанских города, которые образуют некий треугольник: Санлукар-де-Баррамеда, Эль-Пуэрто-де-Санта-Мария и Херес-де-ла-Фронтера, и в каждом из них я хотела попробовать херес. После трех бокалов вина меня немного пошатывало, и я не была уверена, смогу ли дальше крутить педали. Хотя, когда ехала на велосипеде, нагруженном вещами, меня бросало из стороны в сторону ничуть не меньше. К счастью, на этот раз все мои сумки остались в номере. Итак, я двигалась по маршруту, который в свое время преодолели самые лучшие спортсмены, принимавшие участие в «Тур

де Франс». Рассказывают, что они поначалу во время гонки регулярно делали остановки, чтобы выпить немного вина. Это помогало им снять боль и напряжение. Так, например, в 80-х годах французский велогонщик по имени Бернар Ино наливал в бутылку из-под минеральной воды шампанское. Он делал это ежедневно во время всей гонки. А еще раньше, в 60-х годах, после смерти спортсмена Томаса Симпсона в его крови был обнаружен большой процент алкоголя.

Но я не собиралась пить обычное вино или шампанское. Я хотела попробовать именно херес, который производят в этой части Испании из винограда сорта Паломино, выращиваемого на меловых почвах, поглощающих большое количество воды. Именно благодаря особой любви англичан к этому напитку вино получило такое широкое распространение. Херес был воспет даже самим Шекспиром. (Сэр Джон Фальстаф в пьесе Шекспира «Генрих IV (Часть вторая)» заявляет: «Добрый херес... Он, устремляясь к вам в голову, разгоняет все скопившиеся в мозгу пары глупости, мрачности и грубости, окрыляет мысль...») Но особую популярность херес приобрел лишь в начале XIX века, когда британские купцы, торгующие вином, вступая в брак с дочерьми виноделов, стали превращать свои погреба в настоящие винные империи. В каждом баре Хереса, так же как и в любом другом городе на юге Испании, херес пьют абсолютно все — от мала до велика. Сельские жители начинают его пить с самого утра, а элегантно одетые дамы заказывают его в баре в качестве аперитива. Херес подают охлажденным и обязательно в сочетании с чоризо и оливками. Настоящий херес не имеет ничего общего с теплой смесью хересов «Харвейс Бристоль Крим», которым действительно можно отравиться, особенно если он вам достался по наследству от бабушки, спрятавшей его на самой дальней полке серванта.

Чтобы добраться до Санлукара, нужно преодолеть всего двадцать два километра. Дорога туда очень ровная и прямая, поэтому путешествие на велосипеде доставляло одно удовольствие, тем более без сумок, которые на этот раз остались в гостинице, хотя, по правде говоря, езда на груженом велосипеде была для меня очень хорошей тренировкой.

Поля, вдоль которых я ехала, были еще не убраны, так как эти земли не возделывались в период между осенним сбором урожая и севом озимых в январе. Вдоль виноградников, ведущих к *cortijos*, загородным домам виноделов, тянулась длинная прямая кирпичная стена высотой с изгородь. Я представила, как они, сидя за завтраком, любуются своими виноградниками, занимающими все пространство вокруг.

Оказавшись в Санлукаре, я отправилась прямо на пляж. Я оказалась в том самом месте, где в море впадает река Гвадалквивир, являющаяся крупной водной артерией, охватывающей всю южную часть Испании. На берегах этой реки были построены города Кордова и Севилья.

Раньше по берегам ловили рыбу. Сейчас же здесь располагаются шикарные рестораны. Сидя за столиком, покрытым колыхающейся на ветру льняной скатертью, можно вдоволь насладиться этим чудесным местом с видом на реку с ее яркими рыбацкими лодками и на национальный парк Донанья, который считается одним из самых заболоченных мест в Европе. В нем обитают испанские рыси и испанский имперский орел, а также здесь можно увидеть много водоплавающих птиц. Считается, что восемьдесят процентов диких уток из Европы зимуют здесь, на болотах этого парка и на дрейфующих песках. Здесь их так же много, как и на побережье Коста-дель-Соль.

Итак, я приехала в Санлукар. До обеда я планировала прогуляться по берегу, где росли пальмы. В полдень мне показалось, что настало самое время выпить первый бокал вина. Увидев ресторан, решила оставить свой велосипед снаружи и прислонила его прямо к стене. В отличие от элегантно одетых прохожих, я выглядела несколько неопрятно, поэтому обслуживающий персонал заметил меня издалека. Официанты переглядывались и хихикали. Я улыбнулась им, надеясь расположить их к себе. Они виновато опустили глаза и нехотя побрели в помещение, где царили спокойствие и прохлада.

Внутри не оказалось никого похожего на меня, а именно в облегающем спортивном

костюме, измазанном машинным маслом. Самый старший из всех, кто обслуживал посетителей, набравшись храбрости, подошел ко мне.

— Ах, *buenos días*¹⁹ — поприветствовала я его и улыбнулась. — Будьте добры бокал мансанильи и тапас.

— *No hay tapas*,²⁰ — сказал мужчина. — Еще слишком рано и на кухне никого нет.

— Тогда, может быть, пакетик чипсов?

— Нет. Я же сказал, кухня закрыта. Могу принести только мансанилью.

Несколько минут спустя официант принес мне бокал и бутылку мансанильи, то есть хереса. Санлукар известен именно этим вином соломенного цвета. Считается, что вкус его отличается от хереса «Фино» благодаря бризу, который дует с моря. Я не могу называть себя таким уж знатоком вин, но даже я почувствовала ту особую сладость, которой не обладает херес «Фино».

Единственное, в чем я уверена точно, так это в том, что херес, производимый в одноименном городе, по вкусу очень сильно напоминает тот, что продают в магазинах «Сейсбери».

Интересно, подумала я, а художник Франсиско Гойя и его любовница герцогиня Альба, сидя на берегу, тоже пили херес и ели устриц, перед тем как броситься в объятия друг друга. Когда я писала об Арагоне, родном крае художника, я уже немного рассказывала о нем.

Герцогиня Альба, у которой здесь было имение и которая была первой любовницей Гойи, считалась одной из самых очаровательных и привлекательных женщин в Испании. Один француз, приехавший в Испанию в 80-х годах XVIII века, по имени Флерио де Лангле, так писал об этой женщине: «Герцогиня Альба обладала волосами дивной красоты, пробуждающими в мужчинах страсть. Нет никого на свете прекраснее ее... Когда она проходит мимо, все бегут к окнам, и даже дети бросают свои игры, пристально глядя ей вслед».

Гойя, деревенщина с красным лицом родом из провинции, писал тем не менее поразительные картины. Обладая огромным талантом художника и не менее огромным талантом дипломата, он смог получить статус придворного художника. В молодые годы он жил не в престижной части города, предназначенной для знати, в том числе для герцогини Альба, а в так называемом деловом районе города.

В XVIII веке для женщины из высшего света иметь любовника не было чем-то необычным, поскольку браки в ту пору заключались чаще всего не по любви, а по расчету. После заключения подобных браков женщин знакомили в обществе с другими мужчинами, и герцогиня Альба не стала исключением из общего правила. В 1796 году, когда ее муж узнал об этом (за которого она вышла замуж в четырнадцать лет и который был для нее совершенно чужим), он чуть не умер. Гойя же, как говорят, вряд ли мог стать для герцогини хорошей партией, даже несмотря на его известность.

Но тем не менее в XIX веке стали распространяться слухи о их любовной связи, вспыхнувшей зимой в 1792/93 года. Гойя вместе с герцогиней едет в Санлукар, после чего, как утверждают сплетники, произошла ссора между герцогиней и королевой. (Они были заклятыми врагами и соперницами, особенно если учесть тот факт, что обе женщины испытывали страсть к тореадору по имени Педро Ромеро, статному красавцу, облаченному в шелковые одежды.) Но вернемся к Гойе и к герцогине Альба. По одной версии, во время путешествия Гойи и герцогини у ее кареты сломалась ось. Гойя стал чинить ее под сильным дождем и простудился. Болезнь оказалась очень серьезной, и впоследствии Гойя оглох. Однако совсем недавно историки опровергли этот факт, так как и имение герцогини в

¹⁹ Добрый день (*исп.*).

²⁰ Нет тапаса (*исп.*).

Санлукаре, и ее летний дом недалеко от Севильи занимали совершенно другие люди. И можно догадаться, что в те времена герцогиня никак не могла оказаться среди виноградников Паломино. Но нет никаких сомнений, что в 1796 году между Гойей и герцогиней вспыхнула страсть, так как именно тогда появляется серия его картин под названием «Альбом Санлукар». Достаточно одного взгляда на его работы, чтобы понять, что Гойя писал эти картины, не только сидя в своей мастерской.

Например, на одной из картин изображена обнаженная женщина, купающаяся в реке, а на другой — две обнаженные женщины, сидящие на кровати, спиной к спине. Можно себе представить, как сильно они вдохновляли Гойю, сына простого мастера-позолотчика!

«У него тряслись колени. Каждый волос, каждая пора на ее коже, широкие изогнутые брови, ее наполовину обнаженная грудь под черными кружевами будили в нем сильное вожделение», — писал Лион Фейхтвангер в своей нашумевшей книге «Гойя, или Тяжкий путь познания». Но какой бы сильной ни была их привязанность и какой бы жгучей ни была их страсть, оставим все это. Нам остается только догадываться о том, какими были их отношения на самом деле, так же как и Фейхтвангеру, жившему в XX веке. Но портрет Гойи, на котором он изобразил светскую красавицу, герцогиню Альба, был на самом деле. «Герцогиня Альба в черном» была написана после его приезда в Санлукар. На ней мы видим прекрасную даму в черном. Художник сделал особенно выразительным ее правый глаз, подчеркнув тем самым ее страстность. На правой руке можно заметить два кольца: на одном из них выгравировано имя ее недавно умершего мужа (но герцогиня явно не из числа тех, кто долго скорбит по такому поводу), а на втором — имя Гойя. Она носила его на указательном пальце. А у ее ног, на песке, начертаны слова «Solo Goya» — «Только Гойя».

После того как Гойя закончил писать этот портрет, практически сразу кто-то закрасил слово «только», и на картине осталась лишь подпись художника. Изобличающее его страсть слово *solo* было открыто лишь тогда, когда в 50-х годах XX века картина была отреставрирована. Также было доказано, что краска, которой написано это слово, имеет непосредственное отношение к тому времени, когда создавался сам портрет. Иными словами, либо Гойя, либо кто-то из его современников решил скрыть от чужих глаз привязанность художника.

А может быть, страсть Гойи просто угасла? Или любовники пытались скрыть ее и не выставлять на показ? А может быть, знаменитая вдова-герцогиня просто устала от Гойи? Ведь ей было тридцать шесть лет, к тому же она была самой желанной женщиной Испании. Гойе же было пятьдесят два года, и вдобавок он страдал глухотой. Возможно, ключ к разгадке лежит в картине Гойи под названием «Тантал». Она была написана в 1797–1798 годах. На ней изображен немолодой любовник, страдающий из-за неразделенной любви к молодой женщине, к сожалению покинувшей этот мир. «Если бы он был более искусным любовником и менее скучным человеком, то она бы воскресла» — такие слова можно прочесть под этой картиной в музее Прадо. И эти слова принадлежат самому Гойе.

А герцогиня Альба, всегда жившая спокойной жизнью, несколько лет спустя умерла в муках и лихорадке при странных обстоятельствах. Говорят, что ее отравил кто-то из представителей аристократии. При дворе же, наоборот, обвиняли ее слуг. Споры не утихали вплоть до 1945 года, когда герцог Альба приказал выкопать останки герцогини и установить причину ее смерти.

Как оказалось, герцогиня не была отравлена. Она умерла от энцефалита. Когда тело герцогини достали из гроба, было обнаружено следующее: обе ее ступни были отпилены, причем левой там вообще не оказалось. Через сорок лет после смерти герцогини церковь, где она была похоронена, уже нуждалась в реставрации. Ее тело было эксгумировано и захоронено на другом кладбище. Но новый гроб для захоронения тела герцогини был на девять сантиметров короче. Ввиду того, что некто из членов ее семьи при перезахоронении тела не присутствовал, приняли решение отрубить ей обе ноги до лодыжек. Ну а где же ее левая ступня? Может быть, по невнимательности ее забыли переложить в новый гроб? А может быть, ее левая ступня стала экспонатом чьей-нибудь коллекции, если учесть любовь

испанцев к подобного рода вещам? Как бы то ни было, вот такая судьба постигла изнеженные ножки женщины, пользовавшейся некогда огромной популярностью у всех мужчин в Испании.

Как было бы здорово, подумала я, забыть на время о своем велопутешествии и устроиться в каком-нибудь ресторанчике Санлукара, заказав себе несколько порций свежих морепродуктов. Но уклоняться от намеченного плана было нельзя. Когда я снова села на велосипед, то почувствовала слабость и тошноту. Конечно, я пила вино крепостью семнадцать с половиной градусов, да еще и на голодный желудок! И пульс участился во время езды. Как следствие я сбилась с пути и заблудилась, хотя Санлукар, когда въезжала в этот город, показался мне совсем маленьким. А может быть, мне просто неверно подсказали дорогу. И вот я стала спрашивать у местных жителей, как мне выбраться из города. На помощь пришла целая команда, состоящая из двух домохозяек, двух женщин, вышедших на утреннюю прогулку, и одинокого водителя фургона.

— Так вам надо выехать из города?! — воскликнула домохозяйка номер один. Она произнесла это так, как будто мой вопрос был очень странным и необычным. — Так, дайте подумать. А ты что скажешь, Инмакулада? А что, если она проедет по дороге мимо магазина Пако, а потом повернет налево к лавке, где торгуют фруктами...

— О нет! Это сложный маршрут, Консепсьон! Она снова заблудится. А может быть, ей лучше ехать по главной дороге, поскольку...

— Но главная дорога находится очень далеко отсюда. Лучше отправиться через парк, мимо бара Эдуарда, — вмешалась в разговор женщина, прогуливающаяся по улице.

В итоге все они ничего мне толком не сказали. А ведь жили здесь! Но тут случилось чудо! Я все-таки выбралась из города благодаря водителю фургона, который объяснил мне маршрут своим громким и низким голосом. И женщины полностью согласились с его объяснением: я должна была ехать вверх по дороге, потом повернуть влево. Так я и поступила.

Я выбралась на очень живописную дорогу, ведущую в Эль-Пуэрто-де-Санта-Мария.

По главной дороге до этого города было всего двадцать три километра. Я же должна была преодолеть вдвое больше по зеленым пастбищам и засеянным полям. Затем я объехала по окраинам небольшой морской городок и наконец добралась до ресторана в порту Эль-Пуэрто прямо к обеду. Там подавали морепродукты. А я заказала себе бокал местного вина (могу сказать с уверенностью, что цвет у него был бледно-соломенный, а по вкусу оно очень сильно напоминало херес). Потом я попросила официанта посоветовать мне рыбу, приготовленную на гриле, которая лучше всего бы подошла к моему вину.

— Вся рыба хорошая, все зависит, какую именно вы хотите попробовать, — ответил он охотно.

В меню был большой выбор рыбных блюд, но я не поняла ни слова и решила, что подойдет абсолютно любая. Я заказала себе *choco* — маленькую каракатицу.

Через несколько минут, к моему удивлению, мне принесли огромного кальмара с щупальцами и хоботком, который оказался очень нежным, свежим и мягким на вкус. Пообедав, я вернулась обратно в Херес. В гостинице я приняла душ и вытянулась на кровати. Впереди меня ждал третий бокал вина. Его я выпила, сидя на площади, вымощенной булыжником. Это было вино «Тео Пепе», очень популярное в этих местах. Стало смеркаться, и количество шумных и веселых от выпитого вина людей вокруг меня все увеличивалось и увеличивалось.

Тео Пепе, как оказалось, это человек, причем реально существовавший.

Я узнала об этом, заняв место в ярко-красном туристическом поезде, который довез меня до винного завода «Гонсалес Биас», где я прослушала целую экскурсию. Тео Пепе был дядей Мануэля Марии Гонсалеса, человека, который основал компанию по производству вина (*tío* по-испански означает «дядя»). Дядя Пепе был достаточно богат и не пожалел денег для своего неопытного племянника. В свою очередь, он стал самым

знаменитым дядей в мире хереса. Экскурсия была очень увлекательной: мы покатались на маленьком красном поезде, а потом спустились в винные погреба, где хранятся большие дубовые бочки.

В городе Херес живет много истинных ценителей хереса, но самые лучшие из них — маленькие резиденты «Гонсалес Биас». Два раза в день сотрудники винного завода «Тео Пепе» достают одну бутылку хереса, ставят ее на пол погреба и приставляют крошечную лестницу для мышей, живущих среди бочек с вином, к которому за долгие годы очень пристрастились. Есть даже фотография, где запечатлена мышь, пробующая капельку вина. А еще мышам оставляют тапас в качестве закуски. Когда я была в погребе, для них оставили миску с орехами. Так гид пытался привлечь внимание мышек и заставить показать свои фокусы пришедшим сюда туристам. Я увидела, как одна бедная мышь похрапывала, улегшись рядом с бочкой вина, а другая с удовольствием погрызла чью-то одежду.

В том же самом экскурсионном поезде я познакомилась с американцем по имени Майкл. Он был писателем из Техаса. Оказалось, что он провел четыре недели в Андалусии в поисках гитары для исполнения фламенко. Для того чтобы ее найти, ему пришлось общаться с танцорами фламенко, пить виски бочками, курить кубинские сигары, причем каждый день и до самого рассвета.

Майкл пригласил меня вечером в бар, где выступали танцоры фламенко. В моем воображении возникли седовласые, пожилые гитаристы с длинными сальными волосами, с мозолистыми пальцами и огрубевшими от алкоголя и табачного дыма низкими голосами. Они поведают мне свои необыкновенные истории, а после полуночи, когда вечеринка будет в полном разгаре, они возьмут в руки гитары, ударят пальцами по струнам и начнут играть самые страстные мелодии...

И тут среди них появится молодой танцор фламенко, такой притягательный и сексуальный, весь такой накачанный и мускулистый Хоакин Кортес. (Однажды я видела его выступление в Лондонском королевском Альберт-Холле и включила его в собственный список самых красивых и сексуальных мужчин.) И вот он появится в этом баре и закружится в вихре танца, отбивая ритм. Его блестящие черные волосы будут разлетаться в разные стороны.

«Вы не танцуете пасодобль?» — тихо шепнет он мне на ухо и посмотрит на меня очень печальным взглядом, прямо как герой фильма «Австралийское танго». Правда, Кортес в отличие от героя этого фильма моложе, привлекательнее, и к тому же он не женат и не имеет детей.

И вот он страстно подхватит меня на руки, и я окажусь рядом с ним, стоя на деревянном потертом полу. Конечно, я мастерски исполню пасодобль и ни разу не наступлю ему на ногу. Я приняла приглашение Майкла не раздумывая.

Фламенко, несомненно, разжигает в человеке страсть. И все вокруг растворяется, словно в тумане. Цыгане утверждают, что это их танец, потому что музыка фламенко будит сильные эмоции и напоминает о тех страданиях, которые были уготованы цыганам, прибывшим в XV веке в Испанию. Католические монархи посадили их за решетку. А позднее Карлос I издал указ, согласно которому все цыгане мужского пола в возрасте от двадцати до пятидесяти лет, не имеющие профессии, ссылались на каторгу. В тюрьме и на галерах их спасала музыка.

Они всегда были талантливыми певцами и музыкантами. Но многие исполнители фламенко, не из числа цыган, выступают против этой версии, объясняя это тем, что цыгане странствовали по многим европейским странам, и не только по Испании. Поэтому музыка, похожая на фламенко, появилась среди цыган и в Англии, и во Франции. Считается, что своими корнями фламенко уходит в грубую почву Андалусской земли и является плавильной чашей многих культур: византийцев, римлян, арабов, евреев и лишь потом, в самом конце, цыган.

Блас Инфанте, адвокат и лидер национально-освободительного движения Андалусии, выдвинул очень интересную версию. Андалусия, считал он, обладает более сильным

арабским наследием, чем остальная часть Испании. Мавры несколько веков царствовали здесь, после того как прибыли с севера, и оставили богатое музыкальное наследие. В 1609 году несчастные старые мавры были выселены Филиппом III из страны. Им было некуда идти. Тот, кто вернулся обратно в Африку, был убит или продан в рабство. Но большая часть мавров подалась в горы Андалусии, где оказалась под защитой цыган, которые сами были кочующими изгнанниками. Они прониклись ритмами музыки мавров: слово «фламенко» произошло от арабского *felah-mengu*, что означает «рядовой работник, спасающийся бегством». К сожалению, идеи Бласа Инфанте по поводу андалусских корней не были одобрены солдатами Франко, и они казнили его в 1936 году, чтобы тот уже больше никогда не высказывал вслух своих мыслей.

Но все же первый аккорд, написанный для фламенко, переносит нас в XVIII век. Чуть позже в таких городах, как Херес, Кадис и Триана, находящихся в Севилье, появились первые школы танца фламенко. (До сих пор в этих трех городах ведутся горячие споры, в каком же из них начали петь и танцевать фламенко первыми.) Прошло время, и фламенко стало включать в себя три составляющие: песню, танец и гитару. Сегодня на всех фестивалях фламенко во всем мире можно увидеть и услышать все: от веселых ритмов танца севильянас до печальных тягучих мотивов канте хондо (напоминающих завывания мартовского кота). Но, как говорят страстные любители фламенко, понять и прочувствовать его можно, только увидев и услышав его вживую. Настоящее фламенко, по их мнению, начинается после полуночи, когда группа друзей собирается в темном и грязном подвале бара. Неистовые танцы, бешеный ритм, песни, и во всем этом чувствуются страсть и особая боль. И конечно, все это утопает в море вина.

Я с ужасом представила, что было на уме у Майкла, когда он приглашал меня в бар. Началось все с обеда, во время которого он смеялся над всеми моими шутками, что было для меня недобрым знаком. Однако я продержалась до конца, ведь так хотела увидеть фламенко. Когда я стала расспрашивать его, где находится тот бар, Майкл ответил не сразу.

— Ну, — сказал он, — мне надо позвонить Борису. Я познакомился с ним вчера вечером. Думаю, он знает, где находится бар.

Борис? Странное имя для страстного танцора фламенко. Может быть, он продает подержанные автомобили марки «фольксваген»?

Наверное, он какой-нибудь продавец из Германии, а не сексуальный гитарист-мачо с волосатой грудью, виднеющейся из-под незастегнутой рубашки, что всегда привлекает внимание посетителей. Майкл позвонил Борису по мобильному:

— Привет, Борис! Это я, Майкл, узнал? Помнишь, мы познакомились вчера вечером? Да, это я... Ты сегодня вечером будешь там? Ты дома? Да, со мной тут одна девушка... Отлично! Мы придем к тебе... Через час будем... Отлично... Пока!

Мы? Через час? Тут одна девушка? Ехать к Борису домой? Конечно, я могу показаться слишком недоверчивой, но отношусь ко всему такому с подозрением. А вдруг Майкл и Борис какие-нибудь извращенцы и любят соблазнять молодых девушек (ладно, не очень молодых девушек)? А вдруг они заманивают бедняжек в какой-нибудь темный подвал и силой заставляют их принимать наркотики, приковывают цепями и держат в таком состоянии неделями, при этом мучают музыкой фламенко, играя на гитаре? А может быть, они порадуют меня песней «Мой путь» после бокала шотландского виски с апельсиновой «Фантой»? А может, никакого фламенко не будет и это просто их маленькая хитрость? Либо я очень цинична, либо Майкл просто хочет затащить меня в постель. Подумав обо всем этом ужасе, я сразу же решила, что ни к какому Борису с ним не пойду. Это не для меня.

— Мне очень жаль, Майкл. У меня уже давно не было никакого секса, но я не собираюсь идти с тобой ради этого к Борису. Может быть, у тебя со мной что-то и получится, но только для этого тебе придется узнать телефонный номер тореадора по имени Эль Хули.

Произнеся это, я горделиво задрала голову, повернулась к Майклу спиной, мысленно послав ко всем чертям его и Бориса с наркотиками. Вернувшись в гостиничный номер, я

легла в одинокую постель и, включив телевизор, стала смотреть ночной выпуск прогноза погоды.

Глава 19

На берегах реки Гвадалквивир

Дорога до Севильи оказалась гораздо более нервной, чем я ожидала. На моей карте была отмечена узкая и короткая дорога класса «Б», которая плавно перетекала в шоссе с двусторонним движением.

— Нет-нет, дорогая, это совсем не крупная автомагистраль, — успокаивали меня сотрудники компании «Мишлен», держа в руках желтые карандаши. — Это не очень оживленная двухполосная дорога. Она приведет вас прямо в сердце города.

Сотрудники «Мишлен» явно хотели ввести меня в заблуждение, и я им не поверила.

За несколько километров до Севильи движение начало становиться все более и более интенсивным.

То, что раньше было дорогой класса «Б», теперь походило на задыхающуюся выхлопными газами трассу с громыхающими грузовиками и резвыми машинками марки «фиат-пунто». Параллельно этой дороге на моей карте была отмечена еще одна такая же отравленная автомагистраль. Дорога была совершенно разбита. Поэтому я решила свернуть на обочину, по которой было очень неудобно ехать. Я сменила направление, свернув вправо и двигаясь в сторону Гранады, выбрав двухполосное шоссе с правосторонним движением.

Вы, конечно, помните, что я уже побывала в Гранаде. Мне там очень понравилось, но я не планировала возвращаться туда так скоро. И тем более совсем не хотела ехать на велосипеде по шумной автомагистрали с синими указателями. Решительно протискиваясь между «сеатами» и «опелями», я продолжила движение в сторону Севильи. Через некоторое время остановилась, чтобы осмотреться, но это не дало никакого результата. Я выругалась. Нервы мои были натянуты как струна, и я помчалась с невероятной для меня скоростью дальше по автомагистрали. Из-за нервного перенапряжения мне требовался отдых, не мешало также и подкрепиться. Я приняла решение остановиться в приличной гостинице и утолить голод. Хотя под рукой оказалась кредитная карта, к услугам банка я не прибегала. Чтобы ничем не омрачать свое пребывание в Севилье, я решила не останавливаться в какой-нибудь дешевой гостинице с сырыми и темными номерами. Я выбрала отель «Лас Касас де ла Худерия».

Он расположен в самом центре Севильи, в еврейском квартале, или, как его называют, Эль-Баррио-де-Санта-Крус. Отель представляет собой несколько старинных отреставрированных зданий, соединенных внутренними дворами. Здесь можно легко заблудиться, поскольку полно глухих улиц. Можно даже потеряться, блуждая по патио, проходя через деревянные ворота и снова попадая на узкие дорожки, образующие лабиринт. В связи с этим в отеле работает большой штат сотрудников. Они следят за тем, чтобы туристы не потерялись, и постоянно отвечают на одни и те же вопросы: «Простите, а где здесь выход? Где находится стойка администратора? Я вообще где?»

Окна номеров отеля выходят в роскошные внутренние дворы, утопающие в цветах и фонтанах.

А из окон моего номера я увидела медную чашу, наполненную до краев свежими апельсинами. Не знаю, стояла ли эта чаша для украшения, или нет, но я все равно взяла пару апельсинов и утащила в номер, где потом их и съела. Они были очень вкусными и сладкими.

В номере стояла шикарная кровать с пологом. На ней лежало изрядное количество белых мягких подушек. В ванной комнате имелась громадная ванна с золотого цвета кранами изящной формы и огромной душевой насадкой. О господи! Как тяжела жизнь! Что же мне здесь делать? Разоблачиться и нырнуть под душ? Или прыгать по кровати, словно довольный котяра? Или забраться на огромные мягкие подушки и перебирать пультом каналы кабельного телевидения? А может, просто выбежать на улицу и прогуляться по

Севилье?

В конце концов я сдалась и осталась в номере, решив принять ванну, так как здесь еще оказалось и джакузи. Я набрала воды, вылила туда пару бутылочек пены и нырнула. Белые горы с вершинами из пены розового цвета были просто огромными и закрывали меня с головой. Пар от горячей воды окутал меня со всех сторон. Я была довольна собой и тем, что потратила очень много, сняв с кредитной карточки приличную сумму.

Тут я решила, что самое время испробовать джакузи. Нажала на нужную кнопку, и все забурило и зашумело вокруг меня. Я поняла, что неправильно настроила гидромассаж. Вода с пеной со свистом стала выплескиваться на пол. Вся стена и пол были забрызганы водой. Шикарная ванная теперь находилась в ужасном состоянии.

Я убила целое море белых пушистых полотенец, чтобы убрать весь беспорядок, причиной которого была сама. (Я даже не могла себе представить, что будет, если персонал отеля узнает о том, что я украла апельсины и устроила такое безобразие в ванной комнате!) Но все равно решила пойти на террасу, где пообедала.

Старый еврейский квартал на протяжении пятисот лет был прибежищем для многих евреев. Их истребление началось летом 1391 года: христиане, проживавшие в Севилье, пришли в ярость, узнав, что евреи, сборщики налогов, увеличили эти самые налоги. Христиане убили почти четыре тысячи евреев, уничтожили синагоги, устроив в этом районе настоящий погром. На протяжении всего лета 1391 года еврейские кварталы Кордовы, Валенсии и других испанских городов подвергались нападениям и погромам со стороны христиан.

Евреи под страхом смерти стали переходить в христианство. Но многие из них, приняв христианство, тем не менее продолжали праздновать Шаббат и совершать обряд обрезания, вместо того чтобы крестить своих детей. Но, как говорили христиане, евреи, обратившиеся в христианскую веру, теряли высокое положение при дворе и переставали быть истинными евреями. (К этому времени христиане полностью подчинили себе Севилью, а в 1248 году здесь началась Реконкиста, доставшаяся в наследство от мавров.) Христиане, глядя на богатство и процветание евреев, негодовали и обвиняли их в том, что церковь для них — это способ подняться по социальной лестнице.

Недовольство и ненависть не утихали до конца XV века. Тогда доминиканский монах нищенствующего ордена заставил католических монархов ввести в Испании инквизицию, очень напоминавшую резню французских еретиков, начавшуюся там еще в XIII веке. Папа Римский поддержал это предложение, и инквизиция в Испании была установлена.

В октябре 1480 года в Севилье имела место первая пытка, проведенная инквизиторами. Через четыре месяца аутодафе, то есть акту веры, были подвергнуты шесть человек. Аутодафе — не что иное, как церемония сожжения еретиков. Через семь лет в Севилье было проведено семьсот казней и пять тысяч «легких» наказаний. В королевстве Кастилия (которое протянулось от Бискайского залива на севере и до Сьерра-Морена на юге) к 1490 году было проведено две тысячи экзекуций и пятнадцать тысяч наказаний. Представители нехристианского мира не становились жертвами инквизиции, но в Испании оказалось столько евреев (а после 1502 года и мусульман), обратившихся в христианство, что инквизиция стала преследовать и их и применять к ним свои пытки.

Почти все жертвы инквизиции являлись обращенными в новую веру.

Спутниками инквизиции были безнравственность и жадность. Евреи были богатыми. Предъявляя им обвинения, инквизиторы и корона могли заполучить их деньги, так как одного лишь подозрения в ереси, даже не подкрепленного фактами, было достаточно для конфискации всего имущества. По этой причине должностные лица пытались поймать как можно больше еретиков. Идея заключалась в том, чтобы не только поймать одного человека и заставить его признать себя виновным, но и принудить его впутать других людей в свое преступление. Инквизиция запрещала проливать кровь, но был разработан ряд разнообразных пыток без кровопролития, чтобы еретик опорочил имена других людей.

Лица, отвечающие за инквизицию, регулярно совершали набеги на города и деревни и устраивали принудительную мессу, на которой еретики признавались в своей «болезни». Если же месса приходилась на так называемый период благодати, то они спасались наложением епитимьи при условии, что выдадут других еретиков. В итоге инквизиция стала ареной для мести. Иногда некоторые признавали себя виновными во время мессы только для того, чтобы кто-то другой не обвинил их первыми.

Если кто-то винулся, то даже легкое наказание могло оказаться таким суровым, что этим пыткам многие предпочли бы быть сожженными заживо на костре.

Когда инквизиция была введена во Франции, то в самом начале там самыми распространенными наказаниями были длительные паломничества и сильные побои. Каждое воскресенье кающийся грешник приходил на мессу, неся с собой розги, которыми священник хлестал его прилюдно. В дальнейшем такие побои устраивались во время всех церковных праздников в первое воскресенье каждого месяца. Более того, эти наказания не имели временных рамок. Как описывают в своей книге «Инквизиция» Майкл Бейгент и Ричард Лей, эти суровые испытания для кающегося грешника продолжались всю его жизнь до тех пор, пока инквизитор не придет в его город, не вспомнит про него и не освободит его от епитимьи. Если бы подозреваемые не исповедовались, то, конечно, они не могли бы надеяться на такое снисходительное отношение к ним. Их просто сжигали бы на костре или, если они в последнюю минуту исповедовались бы, инквизиция благосклонно даровала бы им смерть в виде удушения. А потом их тела все равно бросали бы в пламя. До 1834 года инквизиция существовала официально, хотя ее последняя жертва была сожжена на костре в 1780 году, и произошло это в Севилье.

Ею стала пожилая женщина, которую обвинили в «плотской связи с дьяволом и в том, что она снесла яйца, на которых были написаны пророчества Священного Писания».

К счастью, во время обеда я сумела забыть обо всех этих побоях и о сожжении на костре, несмотря на то что заказанное мною блюдо явно пережарили. Иногда, когда находишься за границей, еда преподносит тебе разного рода сюрпризы.

Например, сочные медальоны из свинины или рагу из белого мяса в белом соусе оказываются приготовленными из пороссячьего хвостика. (Если бы вы видели, как выглядит этот пороссячий хвостик на самом деле, вы бы не поверили, что из него можно приготовить такое.) Да, без экспериментов здесь, пожалуй, не обошлось. Иногда, особенно когда путешествуешь пять недель кряду и когда это путешествие дарит тебе кучу сюрпризов, начинаешь относиться к еде очень серьезно. То сидишь, не в силах доесть гаспачо, то буквально через секунду берешь себе пиццу с румяной корочкой и с двойной порцией сыра в ресторане «Пицца Хат».

А бывает, что еда, которую заказываешь в каком-нибудь очень приятном или очень интересном, с точки зрения истории, месте, преподносит тебе такие неожиданные сюрпризы, которые даже и представить себе не можешь. Белое вино оказывается красным. Официант, интересующийся, хочу ли я охлажденного вина или комнатной температуры, в итоге приносит охлажденное, а не комнатной температуры, а блюдо «Сан-Джакомо», которое мне прорекламировали как цыпленка с ветчиной в сырном соусе, оказалось похожим на хрустящий хлеб с маслянистым соусом, жестким внутри и непонятно из чего приготовленным. Холодный овощной суп гаспачо очутился вполне сносным, но очень жидким, а дыня, которую мне потом принесли, была недоспелой. Еда — это тоже лотерея!

На следующее утро я долго нежилась в большой кровати, потом приняла душ в огромной ванной комнате, и к тому времени, когда готова была выйти в свет, завтрак в отеле уже был накрыт. Я побродила под лучами солнца в очень даже приподнятом настроении, на которое так благотворно повлияли глубокий сон и сказочные сновидения. Потом я провела еще час, отдыхая на террасе, читая газету и наслаждаясь вкусом жареного тоста и свежесваренного кофе. А затем пошла гулять по улицам Севильи, позабыв обо всех делах. Я

прогуливалась как все испанцы — не спеша, совершенно не думая о времени. Эту привычку я подглядела уже давно.

Севиля — это город с богатейшей историей и культурой. Сервантес под впечатлением от увиденных им королевских темниц написал эпическое произведение о Дон Кихоте и о его закадычном друге Санчо Панса. Бизе показал премьеру своей оперы «Кармен» недалеко от здания старой табачной фабрики. Теперь здесь находится университет, кишущий отошальными девушками в узких брюках с заниженной талией. Они курят легкие сигареты «Кэмел» (покупают они эти сигареты сами, а не подбирают окурки с пола завода) и при этом повторяют как заклинание: «Жировые клетки отравляются, отравляются, отравляются...»

Да, они живут в Испании и понимают, что у них осталось всего несколько лет в запасе. После тридцати все испанки, за редким исключением в лице Пенелопы Крус, обречены растолстеть. Такова месть оливкового масла!

Также Севиля — это город, где Христофор Колумб был благосклонно принят королевой Изабеллой. Здесь, в городском соборе, покоятся его останки. Хотя до сих пор ведутся споры на предмет того, действительно ли в могиле Колумба лежат именно его останки, а не чьи-либо еще. Сам Колумб просил похоронить его на Карибах, в городе Санто-Доминго.

Его тело было предано земле именно там. Но спустя примерно триста лет его останки были перевезены в погребальной урне на Кубу, а оттуда, как говорят испанцы, отправлены в Севилью. И было это в конце XIX века. Жители Санто-Доминго утверждают, что настоящая погребальная урна не была отправлена на Кубу. Это значит, что прибывшие в Севилью останки не принадлежат Колумбу. Следовательно, он потерялся где-то на Карибах. Жители Испании и Санто-Доминго до сих пор спорят на эту тему. Совершенно очевидно, что коты, которые съели птиц, съевших червей, которые съели останки Колумба, уже давно сами превратились в прах.

Самый известной достопримечательностью Севильи является Хиральда, минарет бывшей мечети. Удивительно, что минарет так хорошо сохранился, ведь христиане в начале XV века разрушили все мечети и построили на их месте свои соборы. Это было великое время для Испании, когда христиане провозглашали следующее: «Все, что можете сделать вы, мы сделаем лучше». Разрушая то, что было сделано маврами, они создавали новое, стараясь продемонстрировать превосходство и могущество католической церкви. Севилья — это особый случай. Когда церковные власти решили соорудить новый собор, то пришли к следующему общему решению: надо построить такую большую церковь и в таком стиле, чтобы те, кто увидит ее, приняли нас за сумасшедших. Конечно, она великолепна, но, если сейчас мою книгу читают жители Севильи, пусть не обижаются, поскольку я считаю ее мрачной и зловеще пророческой.

Проведя в соборе десять минут, я покорно поднялась на Хиральду вместе с остальной тысячей туристов. Здесь нет ступеней, поэтому подниматься очень легко. Вместо ступеней — пандус, потому что охранники в те времена следили за порядком, сидя верхом на лошади. А вы, наверное, подумали, что пандус придумали в помощь пожилым туристам из Германии, съевшим тарелку жареного картофеля? Возникает вопрос: а если бы лошадь застряла где-нибудь на вершине башни? Но отвечать некому — все охранники уже давно на небесах. В XV веке было легче, чем сегодня, подняться наверх, не важно, на лошади или без нее.

Дело в том, что здесь всего лишь два узких прохода к башне: один ведет наверх, другой — вниз. (Именно эта башня вдохновила каталонского архитектора Гауди построить двойной пандус в здании Ла Педрера в Барселоне.) Мы же, скользя ногами по полу, как стая пингвинов, двигались вплотную друг к другу. Одна группа из Китая остановилась в замешательстве: они измучились и, хлопая глазами, изучали маршрут своего путешествия, так и не понимая, в какую же страну приехали. Среди туристов также виднелись и крепкие матроны из Скандинавии в туфлях на неустойчивой подошве. В руках они держали планы и карты. Их сопровождали пузатые мужья в сандалиях и гольфах с биноклями в руках. А еще я увидела костлявых, неприглядного вида туристов с рюкзаками из Австралии.

Выглядели они словно жертвы голодной забастовки. Все вместе мы долго и утомительно тащились наверх. Нам пришлось еще потолкаться, чтобы подойти к решетке, так как все хотели увидеть панораму города с высоты птичьего полета. Наконец очередь дошла и до меня. Я увидела Севилью во всей красе. Постояв минуты две, сделала пару фотографий в подтверждение того, что я действительно побывала здесь и что все мои усилия не были напрасны. Потом нам всем предстоял спуск. Пришлось бежать, да еще и в компании потных туристов. Да, это было захватывающее зрелище, не то что подъем на башню. Ну а потом я отправилась за покупками.

Дело в том, что у меня с собой оказалось очень мало брюк. Я уже упоминала о том, что мой гардероб был невелик. Как известно, в мои корзинки помещалось мало вещей, поэтому каждый вечер на протяжении всех пяти недель путешествия, за исключением нескольких особенных дней в Барселоне, когда мама привезла мне одежду, я снимала с себя спортивную велосипедную форму, принимала душ, отдыхала и надевала все те же серые, тяжелые, немнущиеся брюки и одну и ту же черную майку. Перед тем как лечь спать, я брала тюбик с моющим средством «Трэвел уош» и полоскала свою велосипедную форму в раковине. Ее и еще кое-что из вещей нужно было успеть высушить до утра. Это означало, что стирка футболки и брюк была возможна лишь тогда, когда я останавливалась в дорогих гостиницах с хорошей вентиляцией. Иногда их высушить не удавалось и приходилось ходить в сыром. Но я придумала очень удобный способ сушки носков: для этого использовала насадку для фена. Включив его на полную мощность, я очень быстро расправлялась с носками. Потом перестала так делать, поскольку они начали моментально рваться.

На данном этапе я преодолела на велосипеде немногим больше тысячи километров. Согласно моему кардиомонитору, во время путешествия у меня сгорело без малого двадцать две тысячи калорий. Это равно тремстам двадцати штукам шоколадного печенья или двумстам семи бананам, или ста сорока девяти бутылкам пива. Но и это еще не все: сюда надо приплюсовать калории, затраченные мною на дыхание, ходьбу, просмотр фильма «Лоис и Кларк» и прогнозов погоды. В результате выше перечисленного калории благополучно перераспределились. Лишние килограммы ушли с попы и живота и нашли себе место на четырехглавой мышце бедра, превратившись в упругие и накачанные мускулы. Естественно, и раньше я старалась при любой возможности сбросить лишний вес и нарастить мышечную массу на лице.

Итак, мои брюки были скорее практичными, нежели красивыми. Они стали похожи на клоунские штаны из-за повседневной носки и сваливались с талии, повиснув на бедрах. Да, еще парочка подъемов, и они будут болтаться на лодыжках! Я выглядела в этих брюках как подросток-скейтбордист, который любит носить штаны, свисающие между ног на расстоянии шести футов. Здесь, в Испании, где даже бродячие собаки не прочь прихорошиться, я чувствовала себя какой-то чумичкой! Мне было ужасно стыдно, но я ничего не могла с этим поделать! Пришлось нарушить обещание не ходить по магазинам и купить новые брюки.

В Севилье, в квартале Эль-Сентро, представлявшем собой лабиринт узких улочек, вымощенных булыжником, вытекающих из главной артерии города, находится дорогой торговый центр «Калье Сиерпес». Здесь богатые жители Севильи покупают шикарные вещи, выходя из магазинов с не менее шикарными фирменными пакетами в руках. В основном тут можно встретить женщин, которые проходят розничную терапию.

Девушки-подростки в обуви фирмы «Кампер» целыми группами нехотя бродят по улицам, дымя легкими сигаретами «Кэмел». Они не покупают слишком много, но зато создают беспорядочные очереди и болтают как сумасшедшие, столпившись у примерочных кабинок. В руках куча обтягивающих футболок и длинных клешеных джинсов. Они проталкиваются в примерочную сразу по четыре человека, громко обсуждая при этом свои будущие обновления.

— Господи! — хихикали они. — Как это старомодно! И даже трусиков не видно! Это так несексуально!

— *Oye, Lidia, me hacen gorda es tos pantalones?* Эй, Лидия, у меня в них очень большая попа?

— Тсс, — хихикали девушки. — Они не нелезают на меня! — Из примерочной опять послышалось хихиканье. — Тихо, Ева, сейчас кто-нибудь услышит тебя! — Опять хихиканье.

И тут я почувствовала запах сигаретного дыма: неугомонные девушки с недовольными гримасами вышли из примерочной и отправились дальше.

Молоденькие профессионалки по части шопинга ходят по улицам с очень важным видом. На них короткие узкие юбки и безупречно чистые туфли на каблуках. Они с беспокойством во взгляде и очень быстро осматривают полки, выискивая что-нибудь, что можно было бы надеть на очередную вечеринку. Они ищут нечто соблазнительное, кокетливое, но скрывающее лишние килограммы, поскольку им в этом месяце некогда было ходить в спортзал, так как они проспали всю неделю. Полные дамы среднего возраста — мастера по части магазинов. Они очень дружелюбны и ходят на пару с подругой или знакомой. Они обсуждают и сравнивают абажуры, которые видели когда-то в универмаге «Эль Корте Инглес». Затем заказывают чашечку кофе и пирожное, чтобы подкрепиться перед следующим заходом в очередной магазин и посплетничать.

— *Es una verg#252;enza*, это позор! Старая миссис Мендес в воскресенье на мессу надела наряд темно-синего цвета. Представляешь? *Por Dios!* Прошло четырнадцать лет со дня смерти ее бедного мужа. Упокой Господь его душу!

И они несколько раз крестятся.

Около часа я дефилировала мимо них, стоящих у примерочных в очереди вместе с тинейджерами. Потом расстроилась, когда поняла, что набедренные длинные светлые джинсы не смотрятся на мне так же привлекательно, как на пятнадцатилетних. Поняв, что здесь себе уже ничего не найду, я решила зайти в магазин джинсовой одежды «Левайс».

— Я сомневаюсь, что эти джинсы вам подойдут, — внимательно изучая меня, высокомерно сказал продавец. Он явно был родом из Севильи, а у его предков были носы как у Цезаря. — Может быть, вам лучше примерить джинсы на размер больше?

«Знаете что, сеньор, моя попа сейчас крайне похудела. Кроме того, она еще и очень даже привлекательна», — хотела сказать я ему в ответ, но сдержалась и выскочила из магазина, оскорбленная и униженная.

Я перемерила много разных джинсов и брюк в «Заре», потом обошла весь «Манго». Затем очень долго бродила по «Эль Корте Инглес». И в конце концов, слава богу, купила новые темно-синие джинсы, кстати, очень маленького размера.

Гордая и довольная собой, в новых джинсах, я отправилась в Музей изобразительного искусства. Во второй половине XVI века и в первой половине XVII века Испания славилась своими культурными достижениями. В то время творил драматург Лопе де Вега, творчество которого относится к так называемому Золотому веку, а также Мигель де Сервантес. Этот период был чрезвычайно благоприятным и для художников. Король Филипп IV, который находился у власти с 1621 по 1665 год, был очень увлечен коллекционированием искусства. Несмотря на то что у него самого нос был в форме луковицы, куполообразный лоб и болезненный цвет лица, Веласкес создал ряд его портретов, иначе вообще никаких картин маслом в то время не появилось бы. У Филиппа IV было тридцать незаконнорожденных детей. Наверное, кому-то он даже очень нравился.

Севилья — это второй по значимости город в Испании после Мадрида. Когда-то это был шумный торговый населенный пункт. Отсюда путешественники отправлялись в Новый Свет. Севилья также считалась центром интеллектуальной жизни Испании. Особым спросом пользовались произведения искусства, связанные с религией: в них нуждались не только миссионеры и переселенцы Нового Света.

Тогда стало модным держать их у себя дома и в нужный момент хвастаться ими. Все это способствовало бурному расцвету торговли. Власти церкви, уничтожившие на тот

момент все мечети и построившие католические храмы, теперь нашли для себя новое занятие. В XVI веке вслед за Реформацией и расколом между протестантской и католической церковью наступил новый этап Реформации католицизма. Его девизом стало: «Лучше и больше». Начали появляться новые церкви, часовни и соборы; естественно, возникла необходимость в создании богатого внутреннего убранства. Наступило время расцвета искусства — иконописи, скульптуры и резьбы.

Самым известным и талантливым мастером в Севилье был Диего Веласкес. Он является одним из величайших представителей испанского Золотого века, хотя прожил в Севилье всего лишь до двадцати трех лет. Затем он стал придворным художником короля Филиппа IV в Мадриде и создал большое число портретов этого «привлекательного» монарха. Большинство его последних работ находится в Музее Прадо в Мадриде, а в других же музеях изобразительного искусства выставлено лишь небольшое количество его ранних полотен, наряду с картинами таких художников, как Эстебан Мурильо и Франсиско де Сурбаран.

Поскольку в тот период писали в основном на библейские темы, то здесь я увидела ряд картин с изображением святых. У них были суровые и даже, как мне показалось, недовольные лица. Вместе со мной в музее оказалась группа подростков из Великобритании.

Эти ребята приехали сюда без родителей. Скорее всего, это были ученики шестого класса. Они носились по музею и вели себя так, как и полагается подросткам. Девочки были в джинсах с заниженной талией, а веселые молодые люди с гордостью демонстрировали свою щетину, больше похожую на пушок. Кроме нас в музее было не так много посетителей. Постояв у картин, которые навеяли на меня тоску, я поскорее протиснулась к двери вместе с остальными туристами, чтобы избежать встречи с этими шумными прыщавыми подростками.

Возвращалась я пешком в гостиницу вдоль западного берега реки Гвадалквивир, направляясь к Торредель Оро — Золотой башне. (Ее комендант Юсуф II погиб страшной смертью в 1224 году: его до смерти забодала корова в городе Марракеш.) Затем я прошла мимо самой известной арены для боя быков, находившейся недалеко от башни. Каждые двадцать минут здесь проходят экскурсии для туристов. Присоединившись к одной из групп, я стала ждать в фойе, когда мы отправимся в музей, находящийся в Золотой башне. Во время экскурсии в окно лазарета мы увидели, что там стояла всего одна кровать. Вокруг находилось много разной аппаратуры, а также лежали медицинские инструменты.

И еще мы разглядели крошечный шелковый наряд тореадора. Этот костюм XIX века принадлежал мальчику, вышедшему на арену впервые в возрасте девяти лет. Потом мы заглянули в часовню башни, через дверь которой тореадор выходит на арену.

Это последняя остановка тореадора перед смертельно опасной битвой с быком. (Скорее быка с тореадором.) Он приходит сюда, чтобы попросить у Господа победы в сражении, хотя до самого последнего момента неизвестно, как и чем закончится этот опасный бой.

Мы толпились вокруг нашего экскурсовода, неустанно рассказывавшей нам о кровопролитии и о мгновенных смертях, случающихся во время корриды.

— А это мать того быка, которого убил тореадор Манолете, — сказала экскурсовод и, устало подняв руку, показала на голову кареглазой коровы, печально глядящей на нас со стены.

У большинства быков не было ушей, потому что самому мужественному матадору президент дарует одно или два уха погибшего быка. Это происходит на виду у ликующей толпы зрителей. (Существует даже ежегодная награда под названием «Золотое ухо». Последние три года ее обладателем становился отважный Эль Хули.) Морды быков, висящие на стенах музея, не выражали никаких эмоций, но в их глазах я увидела страх. По коже струилась кровь, но, я думаю, она была ненастоящей.

Однако фанаты корриды не верят в эту хитрость, потому что оказаться на стене для быка большая честь. (Голова одного из быков, погибших во время корриды в Севилье в середине XIX века, теперь висит на стене этого музея. Бык был настолько свирепым, что за

один день покалечил одиннадцать лошадей. Чтобы его убить, тореадору пришлось нанести ему пятьдесят один удар.)

Любители корриды утверждают, что смерть быка на арене не сравнима с его убийством на скотобойне от рук мясника, потому что бык, участвующий в корриде, живет, можно сказать, безмятежно до тех пор, пока не объявят его выход. Некоторые даже считают, что коррида — это своего рода экологическое движение. Ведь быкам, живущим в дикой природе, необходимы огромные пастбища, поэтому в Испании громадные площади земли отводятся для быков иберийской породы, и, кроме того, здесь существуют еще и национальные парки.

После отличного обеда, состоявшего из жареных перцев с тунцом и бутылки вина «Вальдепеньяс», половину которой сразу же выпила, я спросила у официанта:

— Это хорошее вино?

— *De hombre!* ²¹ — ответил он, будто только дурак мог задать такой вопрос.

Как вы помните, моя первая попытка увидеть фламенко в Андалусии не удалась, но я не оставляла этой затеи. Майкл из Техаса подвел меня, и теперь мне нужно было самой искать бар-фламенко. Около двенадцати часов ночи, надеясь, что еще не так поздно, я решила отправиться на поиски какого-нибудь бара и увидеть там фламенко, ведь говорят, что фламенко исполняют именно в это время суток. Я брела по пустынной и плохо освещенной улочке.

Бар, в который зашла, был похож на пещеру. Он был просто забит юными студентками, которые хлопали каждый раз, когда молодой гитарист заканчивал исполнять очередную мелодию.

Казалось, никто ничего не пил и даже не разговаривал. Все пристально и с восхищением смотрели на гитариста. Да, действительно, он хорошо играл, но это было не фламенко. Казалось, только мне одной здесь было неуютно: бар выглядел очень мрачно, и за окном было совсем темно. Как ни странно, я могла одна проехать на велосипеде полторы тысячи километров, могла есть одна, даже могла одна говорить по-испански, но хождение в одиночку по барам было не для меня. Я вспомнила свой номер с удобной кроватью, с мягкими подушками, с кабельным телевидением, с ванной с большими золотого цвета кранами... и погрузилась в себя.

Весь следующий день я пролежала в огромной кровати и просидела в летнем кафе. Стоящий рядом велосипед и побаливающая попа напомнили одно утро, проведенное мною в дворике-патио, где я, читая газету, пила кофе и сок, греясь на солнце. Мысли о дороге доставляли мне мучения. Но никакой вины за собой я не чувствовала, потому что не была воспитана в католической вере, требовавшей от человека покаяния при малейшем отклонении от пути истинного. Я просто наслаждалась миром вокруг себя и совершенно не страдала от того, что не заставляю свое избитое тело снова взгромоздиться на велосипед и крутить педали. Единственное, что омрачало мое жизнерадостное настроение, которым отличаются, кстати, все испанцы, так это деньги. Я понимала, что если останусь в отеле еще на какое-то время, то они у меня просто закончатся.

Впереди меня ждали бесконечные переезды и дешевые гостиницы. Но последний день в Севилье у меня никто не мог отнять.

В мои планы входило обязательное посещение Алькасара. Это одна из главных достопримечательностей Севильи, и там я никогда не была. В этой крепости, основанной в 913 году, находится чудесный дворец, построенный для печально известного короля Педро I, взошедшего на трон в 1350 году в возрасте шестнадцати лет. Годы его правления начались с

²¹ Мужское! (исп.)

кровопролития вследствие преследования им второй жены своего отца и ее отпрыска. Как утверждают историки, его жертвами стали архиепископ, несколько двоюродных братьев и сестер, множество друзей, а также незаконнорожденные единокровные братья. Он убил короля Гранады и тридцать семь его придворных, желая завладеть рубином из венца короля. Позже Педро подарил этот рубин жене короля Англии, Эдуарда Черного Принца, который послал войска, чтобы помочь Педро в сражении с его единокровным братом Энрике. Этот рубин, гордость императорской короны, сейчас находится в Тауэре.

Несмотря на кровопролития и убийства, Педро не могли осудить, потому что он был королем. Сам же он думал, что последующие поколения будут называть его Педро Жестокий. Те же, кто был на его стороне, называли его Педро Справедливым. Совсем недавно историки выдвинули предположение, что именно аристократия, недовольная правлением Педро, стремилась к тому, чтобы место короля занял его младший брат Энрике (известный как Энрике II Бастард).

Поданные короля были не особенно сильны в математике, поэтому они, видимо, неправильно истолковали следующие слова Педро:

«Одной буханки хлеба недостаточно, чтобы наполнить все преданные мне животы». В итоге Энрике убил своего брата и занял королевский трон. Трудно даже себе представить, что бы сделал Педро, узнай он случайно о готовящемся мятеже.

По дороге в гостиницу, я обнаружила, что полицейские перекрыли движение по главной дороге, а по ней стройными рядами шли студенты, которых было не меньше тысячи. Так они выражали свой протест против планов правительства установить контроль за всем, что происходит в стенах университета. В конце улицы вплотную друг к другу стояли полицейские автомобили, а рядом с ними — полчища мужчин в касках и в специальной форме темно-синего цвета. Полицейские держались очень спокойно, потому что повода для волнения не было: студенты жадно пили пиво прямо из бутылок, пели песни, и казалось, что им было просто хорошо. Никаких флагов и изображений Девы Марии в их руках я не заметила.

Когда выходила из здания почты, наткнулась на еще одну демонстрацию. Похоже, в Севилье настал день празднования Дня демонстраций. Я сходила на почту, чтобы отправить домой мешковатые брюки, и, выйдя на улицу, услышала пение, свистки и звуки сирен. Я решила, что это те же самые студенты.

По-видимому, они выпили еще пива и решили снова запрудить улицы города. На этот раз обстановка оказалась более напряженной. Я заметила, как демонстрантов увозили в полицейский участок. Мне стало интересно, и я подошла поближе. По улице маршировали тысячи мужчин и женщин, но не в форме, а с флагами и постерами в руках. Они призывали к лояльному отношению к полиции и требовали у правительства выполнить свои обещания. Полицейские свистки и сирены бесконечно завывали. Полиция? Демонстрация? А я-то думала, что полиция наоборот должна вести себя тихо и поддерживать порядок. Неужели и им тоже разрешают выходить на демонстрации?

Меня по-прежнему не оставляло желание послушать и увидеть фламенко. На этот раз я решила отправиться в Культурный центр, где было представлено искусство Андалусии. Это было организовано для раскрутки молодых талантливых танцоров фламенко.

Рядом с Культурным центром выстроилась длинная очередь: впереди англичане, за ними — немцы, а уже потом только скандинавы. Все покорно стояли. Испанцев, конечно, среди них не было. Они, наверное, занимались другими важными делами. Устроившись на открытой террасе, я стала наблюдать за зрителями. Мое внимание привлекла одна пара — туристы с рюкзаками за спиной. Им было лет по двадцать. По всему видно, что они не испытывали недостатка в деньгах, но при этом были очень худые.

Они внимательно наблюдали за выступлением, слегка наклонив головы. Убедена, концерт доставлял им огромное удовольствие. Среди зрителей оказались также ничем не примечательные, обычные пары средних лет, среди которых я обнаружила семейную пару из

Франции с двумя маленькими детьми.

Когда смотришь фламенко, то невольно начинаешь сопереживать происходящему: хлопаешь в ладоши и даже отстукиваешь ногами в такт музыке. Но на этот раз единственным таким зрителем была маленькая девочка из Франции. Ей на вид было годика два. Сначала она внимательно следила за танцорами, широко раскрыв глаза. Потом, улыбаясь, хлопала в ладоши под музыку, однако мама только шикала на нее и упрасивала немедленно прекратить. Рядом со мной никто не выражал никаких эмоций и даже не кричал «ol#233;». Все зрители вели себя очень тихо, и выражение их лиц говорило само за себя: «Я заплатил восемь фунтов стерлингов и не обязан слушать чьи-то вопли! Что в этом хорошего?»

Танцоры фламенко выступали прекрасно. Гитарист был просто виртуозом, а певец исполнял свою партию очень эмоционально. Невероятно подвижный танцор с шикарными волосами и бачками зажигательно отбивал ритм. Он вращался с таким энтузиазмом, что ему приходилось несколько раз покидать сцену, чтобы переодеться. Его рубашка была насквозь мокрой.

Фламенко не идет ни в какое сравнение с ирландским танцевальным шоу «Ривердэнс». Оно так же далеко от фламенко, как Водный театр кукол в Ханое, или выступление традиционного индонезийского оркестра — гамелана — в Джакарте, или театра Пекинская опера. Вы покорно слушаете диссонирующие долгие низкие звуки и резкие завывания и вопли, вздрагивая при каждом звуке колокольчика. Вы пытаетесь убедить себя, что культурно просвещаетесь, но где-то на уровне подсознания вам хотелось бы провести это время в ирландском пабе неподалеку, выпить там пива «Килкенни» и послушать группу «Кренберис».

«К черту эту испанскую культуру!» — ворчала я про себя, когда фламенко закончилось.

На улице было очень тепло. Я увидела открытый летний ресторан и, усевшись за столик, заказала себе пива и курицу под соусом карри.

После ужина я вернулась в номер и неохотно разложила на кровати карту с маршрутом путешествия. Завтра я должна была снова отправиться в путь. Я решила посмотреть, что там показывает мой велокомпьютер. Оказалось, я проехала всего лишь чуть больше тысячи километров. А расстояние, которое планировала преодолеть, было равно тысяче миль, или тысяче шестистам девяти километрам. У меня оставалось всего семь дней до встречи с друзьями в Толедо, где мы планировали провести вместе последние выходные. Мой велосипед по-прежнему ждал меня.

Глава 20

Тигры, тоги и так далее

Конечно, мне следовало бы преодолевать расстояние от Севильи до Мерида на велосипеде. Уж раз я выбрала этот вид транспорта, значит, надо продолжать свое путешествие именно на нем, а не на автобусе. Но, чтобы добраться до Мерида на велосипеде, во-первых, потребовалось бы несколько дней. И тогда бы у меня совсем не осталось в запасе свободного времени на прогулки по городским скверам, на пиво и на солнечные ванны. Во-вторых, если бы я крутила педали, я бы скорее всего оказалась в одиночестве, один на один со своими сладкими мыслями о холмах Эстремадуры, от чего мне было бы не очень весело. И в-третьих, я уже давно не перемещалась в душном автобусе и соскучилась по раздраженным водителям и шумным школьникам.

На табличке автобуса, который следовал по маршруту «Севилья — Мерида», было четко написано слово «Мерида», но, как оказалось, автобус туда ехать не собирался. Когда я показала водителю свой билет, он рявкнул мне в ответ:

— Вам нужно пересечь в Сафре!

— Разве этот автобус не едет в Мериду? — спросила я.

Я поняла слишком поздно, что мне не стоило задавать ему этого вопроса, потому что водитель свирепо уставился на меня, вылупив глаза. Его лицо побагровело, и было видно, как с каждым вздохом под его рабочей формой, сидевшей на нем в обlipку, его грудь напрягалась от возмущения.

— Я же уже вам сказал, что, чтобы доехать до Мерида, надо сделать пересадку в Сафре, — в озлоблении повторил водитель.

Я не стала сопротивляться и покорно села на заднее сиденье. Накренившись и сильно грохоча, автобус отъехал от остановки, и я попрощалась с Севильей. А вдруг я не узнаю Сафру из окна автобуса и так и буду трястись до Бадахоса? Однажды я провела там целые выходные и могу с уверенностью сказать, что это ужасная дыра. Единственным развлечением здесь были приторные венесуэльские мыльные оперы по телевизору. А вот Мерида — это огромный римский город на Иберийском полуострове, где давным-давно жили стройные и загорелые римляне в коротких тогах. В рекламе он совершенно не нуждается. По крайней мере, прогулки среди скал туристам здесь точно обеспечены. Я еще раз уточнила у водителя, в тот ли автобус села. К счастью, через несколько часов я добралась до нужного мне места в целости и сохранности, но все это время напряженно вглядывалась в окно, боясь пропустить заветный дорожный указатель.

Конечно, я не могу назвать себя знатоком старины, но реликты прошлого в Мериде действительно впечатляют, но только при отсутствии толп туристов, без которых, к сожалению, не обходится ни один крупный город.

В качестве памятных подарков в любом сувенирном магазине здесь можно купить точную копию бюста римлянина размером шесть дюймов, а еще магнитик на холодильник, украшенный мозаикой.

Ничто тут туристов особенно не напрягает — ни тебе экскурсий в аудиоформате на шести разных языках, ни гидов с флажками в руках.

При посещении древнего римского театра я обратила внимание, что все места рассчитаны на людей с крупными габаритами. У римлян, похоже, были большие попы, раз посадочное место пятьдесят шесть сантиметров шириной. Возможно, они любили хорошо поесть: наверняка в их рацион входили один или два жареных кабанчика. И уж точно после столь плотной трапезы они вряд ли садились на велосипед.

Но, несмотря на упитанность римлян и их откормленные попы, древнеримский театр сохранился очень хорошо. (На протяжении шестнадцати веков до раскопок он лежал под грудой камней.) Когда я попала в древнеримский театр, там находилась группа учеников начальной школы. Они забрались на театральные подмости, установленные прямо на колоннах, и распевали какие-то песенки, кто во что горазд. Было очевидно, что учителя совершенно за ними не смотрели.

Я же поднялась вверх по ступеням амфитеатра и оказалась в относительном одиночестве. Усевшись на каменные ступени, представила себе, как две тысячи лет тому назад на этом же самом месте сидели римляне в тогах, а на арене на расстоянии не более метра ходили львы и тигры. Они неистово рычали, вступая в схватку с гладиаторами, облаченными в короткие мягкие туники, и, конечно, выходили из боя победителями. Добычи при этом им хватало на один зуб. (Должна сказать, что я не знаю, как выглядели на самом деле туники гладиаторов. Хотя, впрочем, некоторое представление о них я получила, посмотрев фильм «Гладиатор» с Расселом Кроу в главной роли. Если учесть, что туника позволила увидеть его накачанные мышцы, то мне даже страшно представить, как гладиаторы, тела которых были практически ничем не защищены, так мужественно сражались с хищниками. Думаю, ни одна, даже самая совершенная компьютерная игра не сможет нам помочь в этом.) Арена, на которой в те давние времена проходили бои гладиаторов, теперь выглядит по-другому: все здесь поросло травой, а каменные ступени за эти две тысячи лет подверглись эрозии, но тем не менее на них можно увидеть углубления — отпечатки лап голодных львов и тигров, которые, сердито рыча, томились в клетках в

ожидании обеда. Теперь здесь нарушают тишину не дикие возгласы кровожадных римлян, а щебетанье сладкоголосых птиц. Трудно даже вообразить, какие толпы зрителей собирали гладиаторские бои и сколько храбрых, но обреченных на смерть мужчин погибло на этой арене. Дав волю воображению, я даже представила, будто слышу мужественный голос, слабым эхом разносившийся среди древних камней римского театра: «Меня зовут Максимус Декимус Меридиус, я воин, пришедший с севера...»

Но самое удивительное в Мериде — городской музей. Поскольку отношусь к скептикам, я рассчитывала увидеть здесь всего лишь пару черепков старинных горшков или, в лучшем случае, какие-нибудь непонятные обломки кирпича. Я планировала побродить по музею минут десять, не больше, поэтому меня ничуть не смутило то обстоятельство, что я приехала туда за сорок минут до закрытия. К тому же мои мысли были заняты другим: после беглого осмотра музея я собиралась отдохнуть в летнем кафе за кружкой пива.

Однако, к моему удивлению, в музее мне очень понравилось, и я сожалела, не могла побродить по нему часами. Особое впечатление на меня произвели огромные мозаики. Невероятно тонкая работа и нежные тона делали их необычайно красивыми. Я бродила по залам с отвисшей челюстью, словно жадный зверь с открытой пастью, изображенный на фресках музея. Каждый их фрагмент сохранился настолько хорошо, не говоря уже о яркости цвета, что гладиаторы в сценах боев с хищниками выглядели как живые. Помимо фресок и мозаик в музее имелось много скульптур. Не обошлось, конечно, и без фрагментов старинных горшков. Я уверена, что, даже если вы не особенно интересуетесь стариной и даже если вам придется добираться до Мерида окольными путями, как это случилось со мной, вам просто необходимо побывать здесь. Этот город стоит того.

На следующее утро, уезжая из Мерида, я подумала, что Эстремадуру явно недооценивают.

В этой местности я прожила целый год. По счету это был третий год моего обучения в университете, где я изучала испанский язык. Много раз в душе я посмеивалась над теми хитроумными городскими всезнайками, которые считали, что Эстремадура совершенно не заслуживает их внимания. Но в какой-то момент мне стало казаться, что у меня слишком заниженные требования и что виной этому местный джин «Лариос», не один литр которого я выпила за все время пребывания в этих местах. Однако, несмотря ни на что, о Эстремадуре у меня остались только приятные воспоминания. Тем не менее при каждом упоминании о годе, прожитом мною в Пласенсии, я видела, как у моих собеседников, в основном жителей крупных городов, удивленно приподнимались их идеально выщипанные брови и морщились напудренные носы. (Казалось, они говорили: как же дурно пахнет от этих ослов, пасущихся на полях Эстремадуры!) А затем с важным видом задавали мне один и тот же вопрос: «А где именно вы жили в Пласенсии?»

Можно подумать, что они собирались туда поехать!

Меня должны были направить в качестве ассистента преподавателя в среднюю школу, которая находилась в Саламанке, привлекающей своими архитектурными памятниками и яркой ночной жизнью. Впрочем, последнее меня даже очень интересовало. Правда, до поры до времени, пока не узнала, что такое похмелье и лишний вес. Однако все сложилось иначе. Министерство образования отправило меня в Пласенсию, в автономной области Эстремадура, южнее Саламанки, примерно в часе езды на машине. В Пласенсии, которая была совершенно не похожа на Саламанку, жил всего один англичанин по имени Стефан. Он работал водителем катафалка странного розового цвета. По-видимому, он использовал свою машину не только по назначению: ну скажем, для перевозки мебели.

Естественно, что я, будучи молодой англичанкой (мне было тогда двадцать лет), стала просто звездой этих мест. И вместо того чтобы заниматься изучением фиест в Эстремадуре, я тратила все свои силы на гулянки в Саламанке и возвращалась домой в четыре утра, поглотив при этом огромное количество пива и вдоволь напрактиковавшись в испанском

языке.

Первая моя пирушка в Пласенсии была по случаю забоя свиней, или *matanza*. В сельских районах Испании это целое событие, чего не скажешь про Англию. Об этом можно разве что только прочитать в романах Томаса Харди. Мне посоветовали прийти попозже на эту пирушку, чтобы не видеть сам процесс забоя свиней, ведь это очень неприятное зрелище. Поэтому мы собрались только во второй половине дня и до позднего вечера сидели под лучами теплого январского солнца, потягивая бутылку за бутылкой пенистое пиво, в то время как кусочки свежей свинины жарились на гриле. После забоя свиней начались праздники, которые длились пять дней, и все это время люди пили и танцевали. Затем последовали *romerías*, то есть народные гулянья, во время которых в каждой деревне отмечается День святого покровителя.

В эти дни пьют гораздо меньше, однако люди всей деревней отправляются на пирушку, взяв с собой пиво и вино, заходя при этом в каждый дом. Так они из года в год прославляют своего святого в надежде, что он защитит их и их дома. Но, по правде говоря, это лишь повод, чтобы хорошо выпить и повеселиться. Кроме того, в каждом городе и в каждой деревне устраивается *feria*, или ежегодный праздник в честь святого покровителя. В Пласенсии этот день отмечают в июне, и именно здесь я впервые увидела корриду и отважного героя, Энрике Понсе, который привел меня в полный восторг.

По выходным я каталась по городу на своей старой машине, и как-то раз, что было очень удивительно, она сама вдруг резко ускорила, не реагируя при этом на мои попытки торможения.

— С вас восемнадцать тысяч песет наличными, и немедленно, — сказал мне полицейский в плотно облегающей форме цвета зеленых оливок и с внушающим страх пистолетом.

Он был в солнцезащитных очках «Окли». Интересно, сейчас все полицейские в Испании так одеваются? Должна признаться, что если бы мы встретились с ним при других обстоятельствах, то я даже нашла бы его привлекательным. Чем-то он напомнил мне длинноволосого Антонио Бандераса.

— Восемнадцать тысяч? Неужели я так быстро ехала на своем «ниссане-микра», которому уже десять лет и объем двигателя которого всего литр? Конечно этого не может быть!

Я открыла от удивления рот и вылупила глаза. При этом попыталась сделать это как можно более эротично. Затем пересчитала все деньги, которые у меня были с собой, включая и спрятанные под пассажирским сиденьем.

У меня оказалось всего четыре тысячи триста тридцать пять песет.

— Ну что же, мы будем вынуждены забрать ваш автомобиль, — невозмутимо произнес очень симпатичный полицейский.

Я поняла, что он не шутит. Да, кажется, я влипла в историю. И как они собираются забрать мою машину? Снять с нее колеса и оставить меня здесь одну, в незнакомом месте?

Я попыталась изобразить грусть на лице, потом покраснела от стыда и стала, заикаясь, извиняться. Затем начала заигрывать с полицейским, причем не скрывая своих намерений. Но в конце концов я просто расплакалась. В этот момент красавец полицейский снял солнцезащитные очки, и я увидела его большие карие глаза. Он захлопал густыми ресницами, улыбнулся, обнажив жемчужно-белые зубы, и произнес:

— Да ладно вам!

Выписав штраф, он добавил:

— Мы наклеим квитанцию на стекло другой машины. Только будьте внимательны и осторожны за рулем!

О Господи! Пожалуйста, сделай так, чтобы он оказался в Англии! Должно же там быть хоть что-то приятное!

Естественно, я сбавила скорость. По пути я заезжала в каждую деревню и заходила в каждый бар, чтобы утолить жажду пивом, что, естественно, вредило моей печени и моему

тонкому кошельку.

Поскольку была любительницей поесть, я пробовала все, что мне предлагали. Например, свиные уши, правда, я отведала их лишь раз, поскольку, когда жевала, они неприятно хрустели на зубах да еще и застревали между ними. Свиное рыло показалось мне более вкусным. Оно было жирным и сочным, как шкварки.

Свиной желудок плохо переваривался моим желудком, а вот *морсилья*, кровяная колбаса с луком, стала моим любимым блюдом. Я научилась выбирать хорошую чоризо, готовить сносную тортилью и делать гаспачо, холодный испанский овощной суп, после приготовления которого кухня не напоминала место побоища.

В Эстремадуре нет крупных городов, жить в которых считалось бы престижным, но тем не менее в этой автономной области имеется немало мест, вызывающих интерес. Также вас не оставит равнодушным и своеобразный ландшафт: вечнозеленые дубы, особенно привлекающие печально известных свиней иберийской породы с черными копытцами; пологие холмы, идеально подходящие для езды на велосипеде; зеленые пастбища, сплошь усыпанные лютиками; и каменные глыбы. Среди всей этой красоты и хорошо откормленных свиней вы увидите стада крупного рогатого скота и овец, но нигде не услышите, в этом я абсолютно уверена, сладкоголосого Фрэнка Синатру.

Местом моей следующей остановки стал город Трухильо, где родился испанский конкистадор Франсиско Писарро, которого отверг собственный отец. Его жизнь с самого раннего детства была не очень счастливой. Однако его семья стала относиться к нему иначе, когда Писарро побывал в Южной Америке, где промышлял мародерством. Именно после этого Писарро разбогател. После восемнадцати лет пребывания в Новом Свете он вернулся в Испанию и поведал захватывающие истории о несметных богатствах империи инков. Писарро мечтал вернуться в Перу, но, заручившись поддержкой короля, сначала прибыл в Трухильо, где его приняли как героя. Вместе с ним в путешествие отправились четыре его родных брата. По возвращении в Перу им удалось благодаря необычайному повороту судьбы захватить почти сто восемьдесят мужчин и тридцать семь лошадей. А самое главное, короля инков, которого они заточили в тюрьму. Тот предложил им в обмен на свободу заполнить всю тюремную камеру, где он был заточен, золотом. Конкистадоры забрали золото, а потом все равно убили короля.

За неистовую ярость Писарро и весь его род невзлюбили. В испанской литературе Писарро стал воплощением зла и жестокости. Историк Марк Уильямс так пишет об этом злодее: «Этот смуглый парень с черной острой бородкой и страшным мечом Толедо не только жестокий и жадный человек, но и развратный предатель до мозга костей». В литературе появилось множество так называемых черных легенд, в которых рассказывалось об особой жестокости испанских конкистадоров по отношению к уроженцам Южной Америки.

Например, один английский писатель XVI века так описывает испанцев: «...хитрые лисы, жадные волки, свирепые тигры. Грязные и развратные, погрязшие в роскоши, они потакают своим похотливым желаниям, бесчеловечно обращаясь при этом с собственными женами и дочерьми и вероломно похищая маленьких мальчиков... Испанцы — это грязная куча самых омерзительных людей, которые когда-либо жили на земле».

А вот в маленьком музее Трухильо испанцы представлены совсем по-другому.

Испанцы — это славные и храбрые представители аристократии, которые свергли немытых туземцев, еле-еле прикрывающих свое тело, да еще настолько нецивилизованных, что они позволяли себе стрелять в славных захватчиков отравленными стрелами. Какие неблагодарные негодяи!

Великий Писарро был настолько уважаемым человеком, что в его честь в Трухильо на площади Майор установили бронзовую статую. Хотя она, как и сам Писарро, имеет сомнительное происхождение. Сплетники утверждают, что скульптор Рамси первоначально намеревался создать памятник Эрнандо Кортесу, завоевателю Мексики, уничтожившему

государство ацтеков. Скульптор подарил свое творение Мексике. Рамси, вероятно, был плохо образован и не знал, что мексиканцы скептически относились к Кортесу, ведь он жестоко сверг их прародителей. Когда они не приняли работу Рамси, тот решил подарить свое творение из бронзы городу Трухильо, дав своему памятнику имя Писарро.

Существует и другая версия. Жена Рамси оказывала на мужа большое влияние и пожелала, чтобы он отлил в бронзе памятник герою, которого она представляла высоким, стройным и обязательно галантным. Скульптор не смог отказать жене. На самом деле Писарро (или все-таки Кортес?) был внешне уродлив, к тому же незаконно поселился на чужой земле.

Однако есть еще одна версия. Она более правдива, хотя и банальна. Рамси попросили создать скульптуру для проходившей в Сан-Франсиско в 1915 году выставки под названием «Панама-Пасифик». (Для этой же выставки статую Кортеса создал Шарль Нишо.) Памятник Писарро, как говорят эксперты, резко отличается от своего прототипа. Автор изобразил его совсем даже и не высоким и не очень-то симпатичным. Его лошадь тоже не блещет особой грацией. Интересно, что конкистадоры предпочитали низкорослых лошадей, то есть сильных и выносливых. После окончания выставки было создано несколько вариантов памятника, и один из них был подарен родному городу Писарро. Вот такие забавные истории связаны с происхождением необычного творения Рамси. Кстати, ничего другого интересного, говоря о городе Трухильо, я вспомнить не могу. Со времени моей последней поездки в этот город прошло десять лет. Тогда я была ассистентом преподавателя английского языка в Пласенсии и передвигалась по городу на «ниссане-микра». Теперь же мне предстояло путешествовать на велосипеде по неровному булыжнику, который вел к площади Майор города Трухильо. Каково же было мое изумление, когда я обнаружила, что площадь перекопали. Красивые флаги лежали под грязными булыжниками и кучей новых пластмассовых труб. Писарро на бронзовом коне стоял на законном месте, но вокруг работало полно бульдозеров.

В моем путеводителе я прочитала, что город Трухильо — это чудесный маленький городок, который совершенно не изменился с 1529 года. (В тот год Писарро и его отряд отправились в Перу.)

Конечно, автора путеводителя можно простить, ведь он не знал обо всех этих ремонтных работах. Хотя, наверное, именно из-за этого и говорят, что данное место нисколько не изменилось. Теперь эту площадь можно сравнить с разрушенным амфитеатром в Мериде, а не с историческим центром города.

Если же закрыть глаза на все эти бульдозеры и ремонтные работы, то можно сказать, что Трухильо хорошо вписался в двадцать первый век. Во-первых, дорога, по которой я приехала сюда, была сплошь застроена безликими жилыми домами, которые, держу пари, были поставлены уже после всех событий, связанных с Писарро. Во-вторых, окраины города просто пестрели автомобильными салонами и магазинами электротехники. Короче говоря, Трухильо в прямом смысле заметно вырос за это время. Но люди в этом не виноваты. Ведь если не вырубить несколько деревьев, то невозможно построить дом и провести водопровод. А жителям Трухильо хочется полежать в ванне, и просто вымыть голову, и делать это не раз в месяц, а регулярно.

В Трухильо все живут так же, как в любом другом современном городе: здесь давно забыли о тяжелых доспехах, напудренных париках и огромных воротниках «мельничный жернов». Как и всем, обитателям Трухильо хочется быть счастливыми обладателями мобильных телефонов. А если на нем в качестве звонка установлена мелодия группы «Эвергрин», так это просто счастье!

В Трухильо я поселилась в гостинице, которая повергла меня в ужас. Дело в том, что ее хозяйева, муж и жена, были просто помешаны на экономии электроэнергии.

— Когда будете уходить, не забывайте выключать свет! — сказала мне хозяйка. — Вот выключатель. Делается это вот так! Видите?

И она щелкнула выключателем несколько раз. Свет загорелся и сразу же погас, но

несколько ватт на их счетчике, конечно же, прибавилось. Через три минуты ее муж снова повторил:

— Убедитесь, что перед выходом вы выключили свет! Нужно нажать сюда, кнопка щелкнет и вернется в то же положение, понятно?

Когда я решила выйти на улицу, чтобы немного отдохнуть от них, хозяйка крикнула из своего логова:

— Вы не забыли выключить свет? Нужно нажать на маленькую кнопку там, на стене! Ну, я вам уже показывала, как это делается!

— Да, сеньора.

Демонстрация работы выключателей была прервана, так как в комнате неожиданно появился геккон. Здесь он, по всей видимости, и жил.

Я боюсь гекконов и охотно поспорю с теми, кто их считает милыми и безобидными. Этим людям ничего не стоит достать упаковку мюслей из кухонного буфета. При этом они совершенно не боятся, что геккон запрыгнет им на руку в ожидании лакомства или будет ползать по их голым ногам, после того как они случайно потревожат его сон, согнав с зонта, в складках которого это очаровательное существо свило себе уютное гнездышко. У меня же просто волосы встают дыбом, когда я думаю обо всем этом.

Мне захотелось поскорее удрать из этой комнаты подальше от геккона и ненормальных хозяев, помешанных на экономии. Я зашла в кафе пообедать и устроилась за столиком на площади Майор. Обслуживание там было отвратительным, хотя само по себе кафе выглядело вполне прилично. Отдав последние деньги, я поняла, что у меня даже нет мелочи, чтобы оставить чаевые. Надеюсь, официант этого не заметил. После обеда я бесцельно шаталась по городу, осматривая местные достопримечательности: музей, замок и несколько церквей. С чувством выполненного долга вернулась обратно на пыльную площадь Майор, чтобы выпить пива на снятые в банкомате деньги.

В путеводителе было написано, что здесь есть один очень хороший местный ресторан. Но это не соответствовало действительности.

Мой путеводитель стал меня раздражать. Ресторан под названием «Мезон ла Труа» мог бы сойти за отличное место, но лишь в том случае, если вы не двугорбый верблюд, который запасается едой впрок. У меня сложилось впечатление, что для хозяев этого ресторана важно не качество, а количество, так как в меню не существовало легких ужинов, а только меню дня — *menu del dia*.

— Аперитив за счет заведения, — сказал официант, с грохотом швырнув на стол половину омлета с картофелем, огромную порцию салата в салатнице «Пирекс», тарелку чоризо и целую буханку хлеба.

А еще я должна была съесть гаспачо в качестве основного блюда, а затем мясо молодого барашка, считавшееся фирменным блюдом в этом заведении. Да, порция была немаленькой!

— Ну а теперь получите свой бонус! — произнес официант, предложив мне порцию жирного мяса ягненка, уложенного горкой на тарелке.

Надо сказать, что этот бонус было практически не разжевать, а вторая тарелка, которую принес официант, была до краев наполнена какой-то непонятной жидкостью коричневого цвета.

О боже! Что это? Хвост быка с какой-то дрянью? Или, может быть, тушеный бродячий кот?

Официант остановился в нескольких шагах от моего столика и стал пристально наблюдать за тем, как я ем. Он как будто поспорил с кем-то на кухне, буду ли я, англичанка, есть двойную порцию внутренностей геккона. Я даже представила, как Педро, расставляющий приборы на столе, и Пако, мойщик посуды, тихонько хихикают, обсуждая мой ужин. Они еще пожалеют об этом! — подумала я.

Съев два из предложенных мне блюд, я наелась до отвала. К мясу, которое принес официант, я даже не притронулась. Оно так и осталось валяться на тарелке. Я попросила

счет.

— Оплата при выходе, — буркнул официант, с укоризной глядя на четыре килограмма мяса, под весом которого стол просто трещал.

У входной двери ресторана стояло провисшее кресло. Оно все скрипело и квакало и так и просилось на помойку. В кресле возлежала старая и очень крупная женщина, одетая во все черное. Она тихо храпела. Официант подошел к ней вплотную и склонился к ее уху.

— *Cobra!* — крикнул он.

(В испанском языке это не предупреждение о надвигающейся опасности, когда смертоносное жало змеи вот-вот вопьется в ваше тело, а просто указание на то, что пришло время принять у клиента деньги.)

Вопль официанта разбудил пожилую женщину. Она вздрогнула и еще какое-то время тряслась от испуга. Потом вытерла слюни с подбородка и прохрипела:

— С вас двенадцать евро.

— Можно мне получить чек? — спросила я, забрав сдачу.

— Что? — дрожащим голосом спросила она по-испански, видимо не поняв моего вопроса.

Эта старая карга начала возмущенно переспрашивать меня и заморгала слезящимися глазками. Ей послышалось, что я прошу у нее кулинарный рецепт.

— Ладно! Но тогда с вас еще три евро! — сказала она мне.

Да не нужен мне твой рецепт! Вот старая жирная дуреха! У меня сейчас живот лопнет от чоризо и вашего серого хлеба. Вот глухая тетеря! Какая же тупая!

Я не стала с ней спорить и согласилась на этот несчастный рецепт, а потом немедленно убралась из ресторана. Я вернулась в свой мрачный маленький номер. Там, слава богу, не надо воевать с едой странного вида и общаться с толстыми столетними экспонатами в черной одежде. Моему желудку больше ничего не угрожало.

Глава 21

Вы спали одна?

Я не могла уснуть до пяти часов утра: постоянно ворочалась не в состоянии устроиться на неудобной кровати, которая скрипела при каждом моем движении. Ко всему прочему моя комната была на первом этаже, и мимо моих окон то и дело шастали пьяные, которые при этом еще и вопили. Все дело в том, что была суббота и многим, по-видимому, не сиделось дома. Шум и крики отдавались звоном в моей голове. Простыни, на которых я спала, были явно не новыми, давно не стиранными и неприятно пахли. Да, подумала я, а еще удивляюсь, что не могу уснуть. А денег столько содрали! Только непонятно за что. Никогда больше не буду останавливаться в такой же грязной, дешевой гостинице, как эта, да еще и в компании с гекконом.

Что по-настоящему вывело меня из себя, так это грязная ванная комната с отвратительным душем, несмотря на то что эта гостиница не была уж такой дешевой. А если еще учесть все те неудобства, с которыми я столкнулась, она совсем не тянула на тридцать евро. Тем не менее я отдала хозяйке эту сумму на следующее утро, но при этом попросила у нее чек.

— Нет, — сказала она, сложив руки на пышной груди.

— Как нет? Вы не можете дать мне чек? — с недоверием взглянув на нее, спросила я.

Между прочим, она даже не предложила мне заполнить анкету, когда я только приехала сюда.

— Нет! — повторила она, уставившись на меня. — Не могу! — снова сказала она еще более решительным тоном.

Ситуация явно накалялась, но не только из-за того, что я заплатила столько денег за отвратительные условия и не спала практически всю ночь. Через несколько минут ко мне снова подошла хозяйка, как раз в тот момент, когда я собирала и укладывала вещи в

корзинки велосипеда.

— Этой ночью вы спали одна? — задала она вопрос.

— Конечно одна! — возмутилась я и даже закашлялась от неожиданности.

А с кем я должна была, по ее мнению, спать? С рабочим, который кладет трубы на площади Майор?

Или, быть может, она решила, что я провела ночь с ее немолодым мужем, помешанным на экономии электроэнергии? Или она думает, что я лесбиянка и что привела к себе в номер старую толстуху из ресторана? Ну уж последнее точно невозможно, поскольку после такого свидания наутро от меня осталось бы мокрое место.

— Если это действительно так, то с вас двадцать пять евро, — сказала она и вернула мне пять.

Я оставила эту гостиницу с неприятным осадком на душе, и все из-за странного и неприличного вопроса. Я просто негодовала, вспоминая отвратительную комнату, в которой ночевала, и отказ хозяйки гостиницы выдать мне чек. Но махать кулаками было уже поздно, а ругаться тем более. Да я и не стала делать этого. Мне все-таки удалось взять себя в руки, вспомнив, что есть и другой выход из этой дурацкой ситуации. А именно, можно, скажем, обратиться в Государственное управление по финансам, поскольку, как мне показалось, эта старая ведьма из «Пансион Паз» в Трухильо скорее всего не платит налоги. Надо будет объяснить в этом управлении, что для того, чтобы найти ее, нужно доехать до площади Майор, а потом повернуть налево, к дворцу Конкисты. Нужно будет не забыть уточнить, что она живет совсем рядом, направо.

Весь следующий день я ехала по сельской местности Эстремадуры. По пути мне попался пожилой фермер с ослом. Они общими усилиями возделывали поле. А затем я увидела свиней с черными копытцами. Меня по-прежнему проверяли на прочность крутые подъемы и головокружительные спуски. Но в тот день я испытала столько эмоций. Просто адреналин какой-то!

— И-и-и-ха! — кричала я, мчась на скорости вниз по склону мимо удивленной свиньи, стоящей на обочине. В этот момент я совсем забыла о том, что я обычный велосипедист, и чувствовала себя ковбоем, участвующим в родео.

Я двигалась по тем самым местам, где вырос великий испанский режиссер Педро Альмодовар. Среди его киношедевров такие картины, как «Женщины на грани нервного срыва», «Все о моей матери», «Поговори с ней». Педро Альмодовар родился в суровом засушливом крае Ла-Манча, но когда ему исполнилось восемь лет, его семья переехала в Эстремадуру, в деревню Мадригалехо, приблизительно в пятидесяти километрах от Трухильо. Мадригалехо находится в самой настоящей глуши и даже не сравнится в этом смысле с Эстремадурой.

В юности Педро отправили учиться в католическую школу-интернат, где, как он сам позднее говорил, священники пытались перевоспитать его с помощью религии, что для него было невыносимо. Единственной отдушиной для него служило кино, и только там он забывал о религии и о том, чему его учили священники. Когда сил терпеть больше не оставалось, он бежал в кинотеатр.

Мечтой Альмодовара было купить билет на самолет и как можно скорее покинуть это место. Так он и поступил, когда ему исполнилось шестнадцать лет. Переехав в Мадрид, он мечтал поступить на режиссерский факультет. Но увы! Как раз в то самое время Франко закрыл все школы киноискусства. Альмодовар работал некоторое время в испанской компании «Телефоника», заработав тем самым достаточно денег для того, чтобы купить самую лучшую видеокамеру. Быстро меняющаяся обстановка в Мадриде подходила Альмодовару больше, чем жизнь в сельской местности. В своем эссе под названием «Как стать всемирно известным кинорежиссером» он писал: «Главное — как можно скорее убраться из деревни. Снимите на пленку рассвет и поклянитесь никогда больше сюда не возвращаться... Но если вы все-таки когда-нибудь вспомните сельскую жизнь, то для вас это

станет толчком к созданию фильма, показывающего самые отрицательные стороны деревенского быта, фильма, темами которого будут пищевое отравление, варикозное расширение вен, ожирение и дурной запах изо рта. Все это отличает жизнь в деревне, но никогда не показывается в фильмах о ней».

Что же касается меня, то местная еда не вызвала у меня тошноту, а когда находилась в гостинице в Трухильо, я не почувствовала никакого дурного запаха изо рта ее противной хозяйки. Может быть, потому, что не общалась с ней слишком близко? Что касается ожирения, то в моем случае это точно невозможно: за время своего велопутешествия я совсем уменьшилась в размерах и стала не просто худой, а тощей. Поэтому о советах Альмодовара мне пришлось позабыть по крайней мере на несколько дней. Я уже мечтала о Мадриде, городе ярких огней, но и здесь меня еще ждали странные и неожиданные приключения.

В конце дня по пути к перевалу я преодолела трудный подъем, зато потом все время был спуск. Но мне приходилось очень крепко держаться за руль, чтобы не упасть, ведь я ехала по крутым скалистым холмам в сторону Гвадалупе.

Этот город неразрывно связан с именем Святой Девы Гваделупской. (По-видимому, в Испании еще много непорочных дев, отпугивающих туристов.) Святая Дева Гваделупская — это маленькая черная куколка. Она была найдена семьсот лет назад на берегах реки Гвадалупе одним пастухом. Вероятно, эту куклу спрятали здесь христиане, когда двигались на север, спасаясь бегством от мавров. А пастух назвал свою находку Девой Марией Гваделупской, в честь реки, где она была найдена, и соорудил для этой фигурки маленькую хижину. Вскоре после этого король Альфонс XI издал указ о строительстве мужского монастыря в этих самых местах. Здесь поселились монахи, а потом, когда Деву Марию Гваделупскую причислили к лику святых, сюда стали приезжать паломники, чтобы поклониться ей.

Култ Святой Девы Гваделупской распространился практически по всему миру и благодаря конкистадорам, многие из которых были родом из Эстремадуры. Мы уже упоминали о Писарро и Кортесе. Колумб, несмотря на то что был итальянцем, тоже стал поклоняться Святой Деве Гваделупской, а в монастыре, построенном по приказу Альфонса XI, Фердинанд и Изабелла подписали документы, по которым Колумб стал владельцем кораблей, на которых ходил в плавание. В том же самом монастыре произошло крещение первых двух индейцев, вывезенных из Америки. Но новая религия оказалась им чуждой, и вскоре они вознеслись на небеса. Оказавшись в Новом Свете, конкистадоры построили там церкви в честь Святой Богородицы. Ее именем стали называться города, горы и каньоны.

А Колумб, например, в ее честь назвал один из Антильских островов. Кроме того, ее имя носят города в Мехико, в Техасе, Калифорнии и на Филиппинах, которые были раньше испанской колонией. А местные жители, естественно, стали ей поклоняться. В XVI веке Святая Дева Гваделупская даже не раз являлась одному мексиканскому крестьянину.

Так она благодарила людей за их преданность и любовь к ней. С тех пор Святая Дева стала одной из самых почитаемых. Ее изображение можно увидеть даже на приборной доске такси, на чайных полотенцах, на сувенирных чашках, не говоря уже о тысячах церквей, построенных ей во славу.

Монастырь в Гвадалупе уже семьсот лет хранит память о Святой Деве, внешний вид которой изменился со временем. Теперь она выглядит словно зажиточная матрона, которая, естественно, не будет бродить по грязным и пыльным полям среди пасущихся овец и коз.

И вот, прибыв в этот город, я слилась с толпой туристов, которых было человек сто. Большинство из них были сельскими жителями, специально приехавшими сюда в воскресный день, чтобы поклониться Святой Деве. Среди желающих увидеть ее было много уже немолодых супружеских пар, заставших режим Франко.

(Этот правитель, известный своей нетерпимостью, использовал церковь в качестве политического орудия, но тем не менее препятствовал продвижению любой другой религии,

кроме католической. Чтобы помочь себе в осуществлении этой, по его мнению, божественной миссии, он каждый раз, ложась спать, клал рядом со своей кроватью руку святой Терезы в спиртовом растворе. Этот ритуал продолжался почти сорок лет, с момента начала Гражданской войны и до его собственной смерти.)

Женщины и мужчины, пришедшие поклониться Святой Деве, были очень нарядно одеты, что говорило о их особом благоговении, испытываемом к своей святой. Мужчины обязательно были в костюмах, а женщины по такому случаю сделали химическую завивку. Все они стояли в очереди в предвкушении поклонения. И вот наконец величественные деревянные двери открылись. Перед нами показался молодой человек с черными гладкими волосами; на вид ему было лет тридцать. Я отметила его властный взгляд, но при этом обратила внимание на не очень приятный запах. Молодой человек провел нас в монастырь, быстро и с сильным грохотом закрыв за нами дверь. Да! Теперь отсюда так просто не уйдешь!

— *Silencio!* Тишина! — громко сказал мужчина и начал экскурсию.

Мы покорно направились в первый зал, и тут же за нами закрылась следующая дверь. (Мне сразу вспомнился сериал «Заклученный».) Экскурсовод показал нам картины Гойи, Эль Греко и Сурбарана. А после он дал нам немного времени, чтобы мы сами посмотрели на сокровища монастыря, перед тем как проводить нас обратно.

— Поторопитесь! Не отставайте! — то и дело командовал он.

Скоро мы оказались в музыкальной комнате, где увидели знаменитые фрески и нотные книги, богато украшенные золотом.

Вес таких нотных книг был равен весу взрослого человека. Две женщины с рыжими волосами благоговейно застыли перед всей этой красотой и стали перешептываться между собой.

— Тихо! — резко сказал им сопровождавший нас церковный староста. — Даже если вам не интересно то, что я рассказываю, не мешайте другим и позвольте им послушать.

Следующим местом в монастыре, которое мы посетили, была комната, где хранились драгоценности Святой Богородицы: здесь мы увидели и восхитительные бриллианты, рубины, жемчуг, золото и серебро. В 1960 году францисканские монахи из Севильи передали монастырю в дар один очень любопытный экспонат. Это было кресло, богато украшенное серебром, которое Святая Богородица брала с собой, отправляясь на прогулку. Может быть, это цинично с моей стороны, но я бы лучше перечислила соответствующую сумму денег больнице.

Наша экскурсия стала подходить к концу. В завершение мы должны были сами подойти и поклониться Святой Богородице, но, естественно, в сопровождении гида. Нам пришлось стоять внизу на лестнице и ждать человека, ответственного за эту часть осмотра монастыря. Им оказался монах нищенствующего ордена. Он провел нас наверх и разрешил подойти к фигурке Святой Девы совсем близко, так что можно было даже поцеловать краешек ее накидки.

Этот монах был невысоким полным мужчиной в подпоясанном длинном коричневом одеянии и в маленьких очках на носу. Он возглавлял нашу процессию, а мы строго следовали за ним. Все громко шептались и были сильно возбуждены в ожидании встречи с предметом своего поклонения. И вот мы оказались в той самой комнате. Фигурка Святой Девы была установлена на вращающейся платформе в углублении стены. Она поворачивалась лицом то к стене, то к посетителям, то к церкви. В тот момент, когда мы оказались в комнате, она находилась лицом к украшенной декоративной панели. Монах величественно встал перед фигуркой Черной Девы. В комнате набилось очень много народу. Пока все паломники, толкаясь, заходили внутрь, остальные были вынуждены ждать, хотя сдерживать нетерпение было очень трудно. В итоге кто-то даже не выдержал и проговорил:

— Пожалуйста, прошу вас, покажите ее нам!

Монах тут же повернул ручку, и Святая Дева начала вращаться. Все замолчали, внимательно следя за каждым ее движением. Когда же лик Святой Девы обратился к

посетителям, все открыли рты от изумления, задрожали и стали неустанно креститься. Женщины затрепетали от волнения. Их груди начали вздыматься от глубоких вдохов, которые слышались в тишине.

— *Au, que preciosa?! Ах, разве она не прекрасна?! —* стонала толпа.

Эту фразу произносил каждый, кто приближался к Святой Деве, желая поцеловать в безумном порыве ее мантию. Я же не особо разделяла восторг окружавших меня людей. Святая Дева была всего-навсего простой черной куклой (но ее наряд впечатлял). Когда толпа, словно в лихорадке, ринулась к фигурке святой, я заволновалась и даже запаниковала. Меня толкали, пихали, и все для того, чтобы увидеть эту древнюю Черную Деву. Подошла и моя очередь — приблизившись, я поцеловала потрепанную одежду, замусоленную миллионами самых разных губ. Мне вдруг стало неприятно и очень захотелось поскорее убраться отсюда. Я стала пробиваться сквозь всю эту жуткую толпу и, наконец, оказалась на лестнице, где было прохладно и тихо. Совсем скоро я очутилась на улице.

Вечером, по дороге на ужин, я услышала грегорианское пение, доносившееся из столовой монастыря.

Это меня несколько успокоило после не совсем приятной экскурсии. Я остановилась в гостинице при монастыре под названием «Оспедерия дель Реаль Монастерьо». Мое пребывание в ней обошлось мне чуть дороже по сравнению с той мерзкой гостиницей, в которой я ночевала в прошлый раз. Здесь в прелестном сводчатом внутреннем дворе стояли столики с аперитивом. Конечно, подумала я, тут никто не сможет помешать моему сну. За ужином, который состоял из свинины и цыпленка с горошком, я стала размышлять обо всем, что случилось со мной в этот странный день.

Последние несколько лет я не раз попадала в стрессовые ситуации. Но после посещения монастыря мои нервы оказались на пределе. Но, несмотря на это, я решила не употреблять алкоголь на следующее утро. Вспомнив все, что со мной случилось за время путешествия, я поняла, что никогда не платила и не собиралась платить большие деньги за свинные уши, делать химическую завивку и красить волосы в рыжий цвет, а также никто и никогда не смог бы заставить меня ради забавы броситься навстречу свирепому быку или напевать вполголоса песни Фрэнка Синатры, оказавшись на улице, в толпе прохожих. Я никогда не стала бы мчаться в горах на огромной скорости, управляя автобусом, при этом убрав руки с руля. Мне всегда хватало благоразумия не паниковать, попав под дождь, но при этом стрельба на улице никогда не казалась мне пустяком. А фраза «Шотландский виски с „Фантой“ — это так вкусно! Это мой любимый напиток!» явно не из моего лексикона. А самое главное, что я уяснила, так это то, что меня никогда не заставят плакать и трястись при виде какой-то маленькой Черной Девы.

Глава 22

Замок в Кастилии

Я решила переночевать в замке, потому что, честно говоря, после отвратительных условий в той гостинице, где я останавливалась до этого, мне очень захотелось хорошо выспаться. Но чтобы добраться до места назначения, мне опять пришлось преодолевать бесконечные подъемы и спуски. Поначалу мне даже нравилось лететь по низким, но крутым холмам с такой большой скоростью, на какую только был способен мой велосипед. По пути мне попадались ослы, которых приходилось объезжать. Я надеялась, что с легкостью сделаю все сложные подъемы на противоположной стороне холма. Но уже через пару часов езды обессилела и мне очень сильно захотелось прилечь и передохнуть. Так долго я еще никогда не путешествовала.

Все дороги, по которым я двигалась, оказались второстепенными и безлюдными, хотя были отмечены на карте желтым цветом. По точно такой же дороге я ехала в сторону Севильи, что было небезопасно. Даже те дороги, которые были отмечены желтым, на протяжении всего пути были главными, где постоянно курсировали легковые автомобили и

грузовики и не имелось никаких ответвлений в сторону автострад. Все дороги здесь были абсолютно пустыми. Складывалось такое впечатление, что никто просто не хотел ехать в Эстремадуру.

Хорошо, что во время завтрака в монастыре я, как воришка, потихоньку засунула бутерброд с сыром в свою корзинку. (Знаю, это было не по-христиански.) Зато проголодавшись через час или два и оказавшись на краю леса, я достала из сумки бутерброд и, усевшись под деревьями, прямо на мягкие сосновые ветки, стала уплетать его, то и дело чавкая от удовольствия. В этот самый момент я услышала какие-то странные, непонятные стуки. Я не сразу поняла, откуда шел этот звук. Но потом увидела, что в стволах деревьев было множество маленьких отверстий, наверное, около тысячи. А по ним скакали то вверх, то вниз крошечные дятлы. Рядом с тем местом, где я устроила себе небольшой пикник, был вбит столб, на котором висела табличка: «*Coto Privado de Caza*», то есть «Частный охотничий заповедник».

Разве испанцы любят охотиться? Разве Фердинанд и Изабелла были католиками? Арена для боя быков — это не единственное место, где испанцы могут выплеснуть наружу свою жажду крови. Если вы думаете, что только британцы любят кровавые виды спорта, то это не так. Испанская федерация охоты насчитывает пятьсот тысяч членов и гордится ими, в то время как в Великобритании такая же Ассоциация охотников включает в себя всего сто четырнадцать тысяч человек, хотя количество жителей значительно больше. Охота в Испании стала самой настоящей туристической индустрией. Иностранцы, приезжающие сюда, с нетерпением ждут момента, когда можно будет поохотиться и пострелять, чтобы потом вкусно пообедать.

Холмы и леса Испании просто пестрят яркими вывесками «*coto privado de caza*» или «*coto publico de caza*», что означает одно и то же, а именно то, что на таких территориях водятся кабаны, которых я так боялась встретить на высоком горном перевале, а также пиренейские серны, испанские каменные козлы, латиноамериканские козлы, куропатки, перепелки, зайцы, которые, дав потомство, обязательно становятся охотничьим трофеем.

Во второй половине октября, когда начинается сезон охоты, выигрывают не только охотники, но и местные рестораны. В их меню включены блюда, приготовленные из мяса перечисленных выше животных. Но если кому-то из желающих все-таки не удастся поохотиться на дикого кабана, огорчаться не стоит, ведь в списке меню в большинстве ресторанов точно будут представлены блюда из кролика и куропаток. «Изюминка» этих блюд в том, что обычно в местных ресторанах их подают в тушеном виде, что придает им бесподобный вкус, если не замечать, конечно, мелких косточек, которые иногда в них попадаются. Считается, что после того, как человек съедает кроличье мясо, ему снятся сладкие сны, а особенно хорошо это мясо воздействует на холостяков и красивых вдовушек.

Мясо убитых быков во время корриды тоже используют для приготовления различных блюд. Испанцы же относятся ко всему этому как к обычной игре, или *caza*. Быки живут в дикой природе, далеко от людей, но только до наступления рокового дня боя.

(Перед встречей быка с тореадором ему наносят специальной пикой удары в загривок, чтобы убедиться в его реакции на боль. Делает это пикадор на лошади.) Суть этого обычая заключается в том, чтобы снизить шансы быка на нанесение травмы тореадору. Иначе на арене может произойти трагедия — бык атакует тореадора, вместо того чтобы среагировать на взмах его плаща. Но вернемся к вопросу о мясе быков. Оно используется для приготовления различных блюд в местных ресторанах, и называют его *carne de lidia*, или «мясо быков, участвовавших в бою». Шеф-повар устраивает торжественный обед: подаются такие блюда, как рагу из хвоста быка, филейная часть туши быка, ну а самым настоящим деликатесом являются яички быка. Счастливчик тот, кто их попробует.

Итак, я пересекла границу и оказалась в Кастилии-ла-Манча. Сама эта провинция не особо привлекает туристов, зато Толедо, ее столица, справляется с этим очень даже хорошо. Кастилия-ла-Манча представляет собой засушливую и заброшенную равнину под названием

Испанская Месета. И вопреки красноречивым утверждениям Генри Хиггинса, героя фильма «Моя прекрасная леди», в этой части Испании редко идут дожди. Сочетание *La Mancha* происходит от арабского и означает «сухая, безводная земля». Мрачные участки этой равнины усыпаны оливковыми рощами, страдающими от пыли, и унылыми, скучными маленькими городками, между которыми автобусы курсируют лишь раз в день. Здесь, в Ла-Манче, родился Педро Альмодовар. Он жил в маленьком городке под названием Кальсада-де-Калатрава, а потом его семья переехала в Эстремадуру. Тогда Педро было восемь лет. Позднее он говорил о своем родном крае так: «Эта земля угнетает настолько, что невозможно постичь ее краски и цвета».

Альмодовар не мог творить в таких условиях. (А когда его мать вернулась в Кальсаду, где она живет и теперь, соседи пожаловались ей на то, что ее сын нелестно высказывается о своем родном крае.) Но раньше художники считали, что эта засушливая земля совсем не угнетает сознание, а, наоборот, воодушевляет на создание картин. Эту испанскую область интеллигенция отождествляла с «поколением 98 года». Именно в этот год Испания потеряла свои последние колонии вследствие ожесточенной войны с США, унесшей много жизней. Тогда гордой и славной империи пришел конец. Испания оказалась далеко позади всех остальных стран Западной Европы, которая в прямом смысле стала разрастаться заводами во время наступившей промышленной революции.

Поэт Антонио Мачадо так писал о том времени:

«Бедная и жалкая Каталония! Ее даже не узнает ее правитель, она завернута в лохмотья и глядит на всех с презрением». *Madre Dios!* Целая страна была тогда на грани нервного срыва.

Испании в тот период было не до сна. Люди были в отчаянии, а страна оказалась на краю пропасти. Неужели измученные и переутомленные работой испанцы добавляли в свой гаспачо барбитураты, вызывающие расстройство нервной системы, так же как и спустя целый век это стали делать странные женщины Альмодовара?

Да, такой вариант не исключен, поскольку в начале века барбитураты пользовались особой популярностью. Их принимали в виде снотворного средства веронал. Но существовала одна проблема, связанная с дозировкой этого препарата. Дело в том, что химики на тот момент не установили допустимую норму приема снотворного, и люди, приняв слишком большое его количество, могли спать либо весь день, либо полдня. Так в чем же виновата Испания, спрашивает «поколение 98 года»?

Франсиско Гинер де лос Риос писал: «Сменилось уже не одно поколение умных и талантливых людей. Но политическая катастрофа отбросила нас к началу пути. Мы так глубоко разобщены: католики и либералы, правые и левые, что никогда не научимся ценить знания и достижения других».

Испания, оказавшаяся на пороге нового столетия, не имела ничего общего с могущественной Испанией, какой она была в прошлом веке. Но писатели того времени, воспевая пейзажи Кастилии, которые были для них символом стоицизма и неиссякаемой силы, главных достоинств их родины, очень надеялись возродить Испанию и увидеть ее вновь великой страной.

Возможно, источником их вдохновения служили многочисленные замки Кастилии, хранящие великое прошлое христианской Испании и наследие Ла-Манчи времен Реконкисты. Иберийская Месета, огромная центральная равнина, сыграла важную роль в те далекие времена, когда христиане боролись за Испанию, захваченную маврами. Месета была стратегически важным пунктом, своего рода ядром страны, и христиане надеялись объединить ее под собственным флагом. Тогда замок, стоящий на этих землях, имел особые, специальные укрепления, которые должны были служить для защиты самого сердца Испании. Неплохое место для ночлега, подумала я.

Итак, я приехала в Оропесу. Было время обеда. Дворец, находящийся здесь, граничит с замком, который раньше был родовым имением герцогини Альба. Он был построен в XV

веке прапрапра-дедушкой той самой герцогини, которая проказничала когда-то с Гойей в Санлукар-де-Баррамедас и ступня которой была утрачена уже после смерти герцогини при перезахоронении ее тела. Сейчас этот дворец, называемый *parador* (парадор), входит в целую сеть отелей, принадлежащих государству, которое делает все возможное для продвижения культурного наследия Испании.

Парадоры появились в 1920-х годах благодаря диктатору Мигелю Примо де Риверу. Он прожил недолгую жизнь. В городе Херес ему поставлен памятник — излюбленное место голубей. Отреставрированных парадоров не так много. Часть из них представляет собой историческую ценность. Например, парадор в Сантьяго-де-Компостела расположен в здании госпиталя для пожилых паломников. А парадор в населенном пункте Фуэтерраба, что на границе с Францией, это средневековый замок, которому уже тысяча лет и который был владением сановников Хуаны Безумной, Карла V и Филиппа IV (возможно, что именно сюда она привезла тело своего покойного мужа). В Гранаде тоже находится парадор. Это монастырь, построенный на территории Альгамбры.

Он настолько красив, что для того, чтобы попасть сюда, нужно позаботиться об этом заранее и забронировать номер не позже чем за полгода.

Мне, к счастью, повезло: я остановилась в парадоре Оропесы, который не был таким популярным, и мне удалось забронировать номер за два дня до приезда. Администратор гостиницы оказался человеком невысокого роста — всего чуть больше полутора метров, да к тому же еще и болтливый.

— Ах, вы любите ездить на велосипеде, — начал он, глядя на спортивную экипировку и мои ноги, испачканные машинным маслом. — Вот когда был помоложе, я уже не говорю о том, когда был маленьким, потому что и сейчас небольшой... — громко произнес он, смеясь над собственной шуткой.

Думаю, что она была его коронным номером, и он повторял ее при каждом удобном случае.

— Раньше я ездил на велосипеде каждый день, курсируя между деревней и фабрикой в городе, где работал. Каждый день получалось по двадцать километров — туда и обратно. А по праздникам отправлялся в деревню к родителям, это подальше... и все время на велосипеде...

Он все рассказывал и рассказывал о себе. А я улыбалась, кивала в ответ, вставляя из вежливости банальные фразы по ходу его монолога:

— Боже мой! Как же это далеко!

Говоря все это, я боролась с желанием поскорее уйти в свой номер. Когда я взяла сумки и уже намеревалась идти, он громко сказал мне, словно останавливая:

— Нет, нет, нет! Это моя работа!

И вот этот крошечный мужчина взял мой багаж. Он поковылял к моему номеру, то и дело спотыкаясь. Было очевидно, что мои сумки слишком тяжелые. Я же шла рядом налегке.

Тот факт, что мне удалось забронировать номер за столь короткое время, объяснялся, вероятно, тем, что этот крохотный мужчина, работавший за стойкой администратора, а по совместительству еще и гоняющий с удовольствием на велосипеде, имел достаточно свободного времени, чтобы поболтать с кем-нибудь всласть. Номера в отеле были просторными и комфортными, но делать в Оропесе было нечего, кроме как часами лежать в ванне или смотреть что-нибудь по кабельному телевидению, щелкая кнопками пульта.

А вот Сомерсету Моэму, по-видимому, здесь очень нравилось, и, пообедав, он не спешил покидать это место. Может быть, причина в том, что он, так же как и я, очень сильно устав, хотел просто отдохнуть. В тот понедельник в двенадцать часов дня мне как-то особенно хотелось побездельничать. Я лежала в ванне до ощущения «гусиной кожи». Затем не спеша зашла в один-единственный открытый крошечный магазин.

Там я накупила до неприличия много чипсов, кока-колы и пива. Вернувшись в номер, уселась в мягкое кресло, взяла пульт от телевизора и, положив рядом с собой всю эту высококалорийную и вредную еду, стала переключать каналы. Я настолько разленилась, что

не хотела даже вставать с кресла.

Глава 23

Трое мужчин и одна женщина из кондитерской лавки

На следующее утро, пребывая в хорошем расположении духа, я решила потратить деньги на вкусный завтрак. Благодаря «шведскому столу» я набрала всякой всячины — хлеб, сыр, бекон, омлет с картофелем, кексы «Магдалена», фрукты, сок и кофе — и устроилась в столовой в готическом стиле под сводчатым потолком, выложенным керамической плиткой «Мадейра». Здесь же, только шестьсот лет назад, трапезничал дон Франсиско Альварес Толедский, герцог Альба и граф Оропесский (на самом деле это был один и тот же человек). Как и я, он с удовольствием уплетал хлеб, сыр и бекон. А когда ему подавали кабана, приготовленного на вертеле, он старался есть очень аккуратно, чтобы не испачкать горячим жиром свой гюльфик — часть брюк, пристегиваемая спереди к поясу. В те давние времена этот предмет одежды был особенно популярен.

Гюльфик вошел в моду именно тогда, когда без него мужчины уже просто не могли обходиться. В начале XV века они стали носить короткие туники. И при любом резком движении, ну например, при вскакивании в седло, одежда распахивалась, задиралась, и... определенные части мужского тела оголялись, вот так и родилась такая вещь, как гюльфик.

Изначально гюльфик изготавливали из куска материи, которая закрывала ту часть мужского тела, которую выставлять на всеобщее обозрение было просто неприлично. В XV веке мужчины, как, собственно, и сегодня, были озабочены размерами своего достоинства. Практически сразу они поняли, насколько удобен гюльфик: он был просто незаменим не только для прогулок пешком, но и для езды верхом. Ношение этого предмета одежды поднимало их в глазах окружающих и помогало визуально приукрасить то, чем были не очень довольны они сами. В середине XVI века испанский королевский двор с трудом сдерживал свое недовольство по поводу распространения гюльфиков среди мужчин в Новом Свете. И тогда это изобретение вышло из употребления. Бедным женщинам ничего не оставалось, как падать в обморок при виде оголенной части мужского тела.

И тут я представила себе, как после сытного и вкусного завтрака в длинной сводчатой столовой дон Франсиско надевает гюльфик и идет на прогулку, выходит во внутренний двор и разгуливает по пограничным укреплениям, защищавшим дорогу между Эстремадурой и Кастилией во время Реконкисты, позднее ставшими полем боя Педро Жестокого с его единокровным братом по имени Энрике Бастард. Архитектор этого замка в Оропесе придумал множество ловушек с целью защиты от врагов (о которых они даже не подозревали).

Попасть в замок незамеченным, войдя через главную дверь, было просто невозможно: лучники просто не позволили бы это сделать. Даже если врагу все-таки удавалось пробраться в замок, деревянная дверь тут же блокировала вход, как только неприятель добирался до лестницы.

Когда я вошла в замок, то обнаружила в холле небоявшегося никого белого кролика. Не знаю, может быть, это тоже была своего рода ловушка, распространенная в древние времена. Но судя по тому, что я увидела, в замке не было ни кроличьих нор, ведущих к длинным коридорам, ни крошечных дверей, ни бутылок с надписью «Выпей меня». Здесь я встретила лишь одного мужчину, который, как мне показалось, был в дружеских отношениях с кроликом. Он обратил внимание на мою спортивную экипировку.

— А-а-а... Любите ездить на велосипеде? — тоскливо вздохнул он.

И я рассказала ему о своем путешествии. Когда он слушал меня, его глаза блестели от удовольствия. Велоспорт был его тайной страстью, как, впрочем, и многих испанцев.

— Я тоже люблю кататься на велосипеде, когда есть возможность, — поделился он.

Мне пришлось выслушать очередную историю о любви к велосипеду. Он поведал, что прошлым летом совершил велопутешествие из Оропесы в Пиренеи, преодолевая подъем за

подъемом.

Он стал рассказывать мне о красоте гор, о лошадях и о протяженном морском побережье Страны Басков, что было весьма поэтично. Как выяснилось, он тоже пару раз вступал в схватку со свирепыми собаками, но никогда не сталкивался на своем пути с визгливой свиньей.

Мне, к счастью, повезло — я смогла избежать всевозможных средневековых ловушек и спокойно поднялась наверх по лестнице, где, по всей видимости, когда-то давным-давно враги, стремившиеся попасть внутрь, получали отпор. Часовые, охранявшие замок, пускали в них стрелы, чтобы избавиться от непрошенных гостей. Я с большим интересом осмотрела башни и крепостные валы. (Этот замок ничем не отличался в этом смысле от других замков того времени.) В моем воображении стали возникать образы средневековых рыцарей в тяжелых доспехах, пристально глядящих вдаль в ожидании новостей.

Сегодня был не совсем подходящий день для велосипеда: по большей части я шла пешком. Дело в том, что я неверно высчитала расстояние своего дальнейшего пути, не приняв во внимание тот факт, что впереди меня ждали очередные подъемы, и в итоге очень быстро устала. А завтра мне нужно было проехать самый длинный участок пути — сто семнадцать километров. Но даже это не сломило моего духа: никто уже не мог назвать меня новичком.

Когда рано утром я сидела в баре и ела сэндвич, распорядительница бара смотрела по телевизору какое-то ток-шоу.

Я не очень поняла, о чем говорила гостя программы, кроме того, все мое внимание было сосредоточено на ее странном, нелепом и огромном костюме серебристого цвета, если, конечно, это можно было назвать костюмом. Вид у этого чуда был жутковатый и напоминал доспехи рыцаря. Однако это непонятная конструкция имела отношение к XXI веку и предназначалась для ношения в самых экстренных случаях.

— Сеньора, расскажите о вашем наряде. Сколько времени потребовалось, чтобы создать его? — спросила ведущая шоу, очень полная женщина, волосы которой были выкрашены в слишком неестественный платиново-золотистый цвет.

— Мне потребовалось около трех лет, — ответила гостя.

— Понятно... А для чего этот костюм предназначен, в чем его изюминка?

— Понимаете, наш мир задыхается от вредных химикатов, а это снаряжение очищает воздух и уничтожает все токсичные вещества. А еще мое изобретение может спасти человечество от воздействия ядерного оружия. Однако я еще не проверяла его в действии.

— А как вы в нем двигаетесь?

— Это не так просто из-за материала наряда и фильтров. Питаться, находясь в этом, тоже не так просто, но все же я нашла выход: при помощи огромной трубки можно есть измельченную пищу, предварительно используя для этой цели кухонный комбайн.

— А как насчет машинной стирки? Это возможно?

— Нет, на самом деле лучше его не стирать вообще. Материал костюма и сам каркас мочить не рекомендуется.

— Как вы думаете, ваше изобретение станет модным?

— О да! Думаю, спрос на него будет большим. Обо мне и моем творении написали в местной газете, а теперь я здесь, на телевидении. Надеюсь, что благодаря этой вещи люди осознают, в каком опасном мире мы все живем, и поймут, что без этого костюма просто не обойтись.

Да она и правда сумасшедшая, подумала я.

Я приехала в город Лос-Навальморалес приблизительно в четыре часа. Мне сразу стало понятно, что приезжать сюда во время отпуска совершенно не стоит. Поэтому я осталась здесь только на одну ночь. Удобства в гостинице оставляли желать лучшего. Что же касается достопримечательностей, то, кроме унылых, пыльных и тихих улиц, по которым ехала,

ничего другого я здесь не увидела. От всего этого мне стало очень тоскливо. В общей сложности я провела в этом городе целых шестнадцать часов, из которых, к счастью, бодрствовала всего шесть.

В городе не было ни души. Только один или два дома проявляли признаки жизни, остальные же стояли с закрытыми ставнями. Казалось, так здесь было всегда. Гостиница, где я планировала остаться на ночь, выглядела ужасно: грязные стены и выцветшая краска навевали жуткую тоску. Гостиница находилась напротив совершенно невзрачного здания с покосившейся вывеской: «*Discoteca*». Это слово когда-то было написано яркими синими и красными буквами. Но со временем вывеска выцвела, что придавало зданию унылый вид.

Да и внутри обстановка не особо меня впечатлила. Я спросила у хозяина этого заведения, дон Мигеля, и у работающего с ним официанта, очень ли здесь шумно из-за музыки по ночам. (Это место было единственным в городе, где можно было проводить свободное время.) Выслушав мой вопрос, они посмотрели друг на друга в некотором замешательстве.

— *Discoteca*? — спросили они, озадаченно глядя на меня. Они не сразу поняли, о чем я говорю. — О! Это не то, что вы думаете. Там просто находится комната, где можно посмотреть телевизор и поиграть в карты.

Этот многофункциональный развлекательный центр, походивший скорее на какой-то сарай, как выяснилось, был самым популярным местом в городе.

В люстре в моем номере не горела лампочка. Но когда я сказала об этом дону Мигелю (вероятно, лампочку кто-то вывернул), он в удивлении поднял брови:

— А лампа на прикроватном столике тоже не горит?

— Нет, там работает, — ответила я.

— Так в чем тогда проблема? Вам мало одной лампочки? Вы же здесь остановились всего на одну ночь, или я не прав?

Я извинилась перед ним за то, что потребовала, видимо, слишком многого. Естественно, мне пришлось весь остаток вечера читать, сидя под тусклым светом одной-единственной жалкой лампочки. Это было просто ужасно. Но и это еще не все: в ванной комнате из крана вместо чистой воды шла грязная, да еще и жуткого коричневого цвета. Но даже после того, как я долго ждала, пока она протечет, ее цвет не изменился и чище она не стала. Складывалось впечатление, что за последние несколько месяцев, а может быть, и за последние несколько лет я оказалась единственным гостем города Лос-Навальморалес. Туалет в моем номере тоже был в плачевном состоянии: похоже, что крышка на бочке унитаза отсутствовала уже несколько лет. Поэтому каждый раз приходилось опускать руку в пенистую серую воду и дергать рычаг вверх, иначе спустить было невозможно.

Понятие «супермаркет» также было чуждо обитателям этого города. И мне пришлось изрядно поплутать по улицам, чтобы купить хоть какие-нибудь продукты.

В итоге мне повезло, и я наткнулась на кондитерскую лавку. Но полки оказались пустыми, и настроение мое окончательно испортилось. Делать было нечего: я купила абсолютно неаппетитное и несвежее печенье, надеясь, что, съев его, смогу дотерпеть до ужина. Выйдя из кондитерской лавки, я не увидела ни одного человека — повсюду было безлюдно. Но по дороге мне все-таки попался один обитатель этого города.

Им оказался пожилой священник. Он, пошатываясь, выходил из церкви, и вид у него был не очень свежий. Я пришла к выводу, что этот священник, продавщица из кондитерской лавки, дон Мигель и официант, скорее всего, были хорошими друзьями. Ведь здесь, кроме этих четырех человек, не было больше никого. А молодая женщина, работавшая в кондитерской лавке, видимо, пользовалась у них большой популярностью. Наверное, на ее хрупкие плечи была возложена огромная ответственность: кроме нее, похоже, некому было поддерживать уровень рождаемости в городе Лос-Навальморалес. И кто же помогал ей в этом? Хозяин гостиницы, официант или, может быть, священник?

Священник вряд ли подходил для столь важной миссии, хотя, кто знает, может, совсем наоборот. Когда жила в Эстремадуре, однажды я увидела одного священника, который вместе со своей паствой проводил время в одном из баров. Было воскресенье, два часа ночи. Он сказал мне, вздохнув: «Ах, женщины, женщины! Понимаете, вся проблема заключается в том, что нам нельзя вступать с ними в половую связь, но Бог хороший, и Он простит тебя, даже если ты сделаешь это».

Я пришла в ресторан в девять вечера. Начала ужин с закуски, а потом заказала отбивное мясо ягненка с картофелем. В Испании ведь принято съедать два блюда. Приблизительно через час, то есть где-то в десять, мне принесли семь отбивных и шесть хрустящих, но крошечных чипсов. Да, все это желудку, конечно, очень непросто переварить. Но по всей видимости, испанский рынок имеет хорошую прибыль благодаря постоянному спросу на лекарство «Ренни». А может быть, испанцам достаточно смешать виски с «Фантой» и эта гремучая смесь поможет смыть весь жир, который попал в их организм.

Когда я разбиралась с отбивной из несчастного ягненка, ко мне подошел дон Мигель и спросил:

— Боже мой! Я смотрю, вам осталось совсем чуть-чуть.

Наконец-то нашелся хоть кто-то, кто понял, как сложно путешествовать в таких условиях, и смог оценить мои успехи.

— Да, вы правы! — гордо улыбнулась я. — Мое путешествие началось в Сан-Себастьяне. Потом Пиренеи и Сео-де-Уржелъ. Первый день моего путешествия был очень сложным, на второй день я повстречала на своем пути свирепую свинью, зато ее поросята оказались очень даже милыми. На третий день я покинула Бургете. Это прямо на французской границе, знаете? А затем я поехала в Аинсу...

Тут я замолчала, так как лицо дона Мигеля не выражало никаких эмоций.

— Нет-нет, — спокойно сказал он. — Я не имею в виду вашу поездку. Я о вашем паспорте. Вы были и в Гонконге, и во Вьетнаме! Ну и какие у вас впечатления? Ой, вы еще были в Камбодже и в Таиланде! Я однажды смотрел по телевизору передачу про Таиланд. Там живут слоны, правда?

Потом я рассказала ему о своей жизни в Гонконге, где провела последние четыре года.

— Боже мой! И что, там теперь столько американцев? — спросил он. — И жизнь там настолько изменилась?

Глава 24

Сражение с ветряными мельницами

— Наверное, вы планируете уехать завтра рано утром? — спросил меня дон Мигель накануне вечером. Как вы догадались, сеньор? — подумала я. Уже к восьми тридцати я собралась, села на велосипед и покинула этот провинциальный городишко. Я даже нигде не остановилась, чтобы позавтракать. Все было закрыто.

Наступил самый длинный день моего путешествия. К тому же он был еще и особенный: я в последний раз ехала по Испании на велосипеде. Мое путешествие подходило к своему логическому завершению. Чтобы добраться до города Консуэгра, нужно было проехать сто семнадцать километров. Там я собиралась переночевать. А на следующее утро планировала сесть на автобус до Толедо, а потом отправиться в Мадрид, где со своими друзьями хотела провести последние выходные. Они собирались приехать туда, чтобы проведать меня, а самое главное — отпраздновать завершение моего грандиозного велопутешествия.

Проведя в седле около часа, я решила сделать остановку в Навахермосе, чтобы передохнуть и позавтракать. Но здесь был открыт только лишь один бар. Однако, увидев мужчину, который торговал бананами, я подумала, что, быть может, он подскажет мне, где тут можно выпить чашечку кофе.

Услышав мой вопрос, мужчина задумчиво посмотрел на меня и сказал, что выпить кофе здесь негде. Немного поразмыслив, добавил:

— Хотя, знаете, за пределами города есть одна заправочная станция, а там — маленький ресторанчик.

Да, действительно, мужчина оказался прав: тут можно было заказать кофе, но, к сожалению, без тостов. Женщина, которая обслуживала меня, предложила выпечку, и я взяла пару пирожных.

Следующая моя остановка была в Оргасе. Он знаменит всего лишь одним замком, который, несомненно, впечатляет, но, кроме него, из достопримечательностей смотреть больше нечего. Затем, я зашла в бар, где, с аппетитом уплетая сэндвич, завела разговор с барменом и двумя пожилыми посетителями и рассказала им о своем путешествии. Эти двое пожилых людей с удовольствием потягивали спиртное, что они, видимо, обычно и делали в первой половине дня.

— Вы не хотите ехать по дороге через Лос-Ебенес. Ну, это понятно, — сказала пожилая женщина, качая головой и печально глядя на меня. — Там просто есть один тоннель, откуда живой вы не выберетесь. А уж если еще и на велосипеде, то и подавно.

— Совершенно верно, — согласился пожилой мужчина в ермолке. — Этот тоннель имеет протяженность, равную целому километру. Я уверен, что по нему вам на велосипеде ехать нельзя.

Наш разговор продолжался в том же ключе еще какое-то время. Все трое — и бармен, и пожилая пара — становились еще более категоричными в своих выводах. Они сказали, что этот путь мне не подходит, и получалось, что мне уже никогда не выбраться из этого ужасного города. Единственное, что я могла сделать, так это остаться здесь навсегда.

— Я думаю, вам можно поехать по другой дороге, — громко сказал кто-то из этой троицы после того, как мы целых десять минут обсуждали мой маршрут. — Знаете, а ведь есть еще одна дорога, и тогда можно миновать тоннель.

Оказалось, что речь шла о той самой дороге, по которой я и планировала ехать.

И вот я отправилась в путь. Быстро и плавно двигаясь, я все ждала, когда же будет поворот с главной дороги и тот ужасный тоннель, вход в который напоминал черную пасть. Я преодолевала подъем за подъемом, следуя по холму, под которым, собственно, и был вырыт этот жуткий тоннель. По дороге я увидела целый ряд каменных крестов. Сначала решила, что это могилы погибших в автомобильных катастрофах. Какой ужас! Ведь эта дорога такая маленькая и машин здесь нет! Но потом, подъехав ближе, увидела, что это были могилы тех, кто погиб во время Гражданской войны в Испании, а именно солдат-националистов, которые были убиты «красными».

Здесь не было памятников, поставленных в честь республиканцев, погибших от рук националистов. Хотя потом я все-таки обнаружила их, но таких мемориалов было совсем немного. Как известно, Франко был жестоким диктатором и не умел никого прощать. Политика Франко не щадила никого из его противников даже после Гражданской войны. Многие из тех, кто не был застрелен, были отправлены в исправительно-трудовые лагеря. По словам Франко, работа в лагерях могла впоследствии подарить им свободу. Заключенные выполняли очень тяжелую работу: строили дамбы, мосты и каналы для орошения. Но самым сложным стало строительство мемориального комплекса в Долине Павших всем погибшим в годы Гражданской войны. Создание этого комплекса началось по приказу Франко. Здесь же находятся могила и мавзолей самого Франко. Около двадцати тысяч заключенных на протяжении двадцати лет трудились над созданием гранитной базилики, размер которой составляет восемьсот пятьдесят футов. Неподалеку над базиликой возвышается крест высотой в сто пятьдесят метров и весом в шестьсот двадцать тонн. Герб достигает в длину сорока шести метров, а в ширину он такой огромный, что им можно легко накрыть два легковых автомобиля, припаркованных рядом друг с другом. Франко открыл этот мемориальный комплекс 1 апреля 1959 года, через двадцать лет после окончания войны.

«Речь Франко о героизме „всех павших“ в защиту „наших судеб“ звучала победоносно,

но она была своего рода мстостью. Он тихо злорадствовал над врагом, которого неминуемо ждала смерть. Франко нисколько не хотел, чтобы испанцы жили в мире и согласии», — писал его биограф Пол Престон.

Сегодня Долину Павших могут посетить все желающие. Она находится на северо-западе Мадрида, в десяти километрах от дворца Эль-Эскориал, который был резиденцией Филиппа II. Для Филиппа II этот дворец из серого гранита был символом цветущей Испанской империи. Недалеко от резиденции короля, если двигаться вверх по дороге, можно увидеть архитектурное творение Франко, и его нахождение здесь не случайно. Долина Павших была для диктатора символом возвращения Испании к прежнему могуществу. Сегодня в садах, разбитых вокруг мавзолея Франко, по воскресеньям гуляют горожане, а многие выезжают сюда на пикники. Но никто из отдыхающих почти не вспоминает о событиях тех лет, никто уже не обращает внимания на триумф и агонию, которые воплощены в огромном гранитном кресте. Испанцы — это нация, которая теперь живет, следуя *pacto del olvido*, забыв о страшных годах диктатуры Франко.

Чтобы добраться до города Консуэгра из города Лос-Ебенес, мне потребовалось проехать всего двадцать семь километров. Согласно моему одометру на велосипеде, я преодолела расстояние, равное тысяче шестистам километрам (или девятьсот девяносто две мили). Оставалось всего восемь миль. Я была уже почти у цели!

Все шло хорошо: за последующие двадцать семь километров пути я не угодила под колеса грузовика, не упала в пропасть и не встретила свирепую и голодную свинью. Через час с небольшим я была в Консуэгре. Несмотря на усталость, я была счастлива. Перед очередным подъемом, который я должна была преодолеть, чтобы увидеть знаменитые ветряные мельницы в Ла-Манче, с которыми сражался Дон Кихот, литературный герой Сервантеса, я решила передохнуть и выпить пива. Впереди меня ожидало самое приятное: переезд на автобусе в Толедо и роскошный парадор, в котором я собиралась остановиться.

Последний участок моего маршрута был отмечен на карте крошечной белой линией, рядом с которой зеленым цветом были обозначены самые живописные дороги. Я тешила себя надеждой, что эти последние километры пути пролетят незаметно, и думала, что буду двигаться по ровной дороге, без ям и ухабов, а главное — без этого нескончаемого потока машин. Я уже представляла себе, какие прекрасные виды откроются передо мной в пути.

Двигаясь по дороге из Лос-Ебенеса в Консуэгру, я обнаружила, что исчезли все дорожные указатели. Но спустя несколько минут я все-таки обнаружила один, хотя для этого мне пришлось поработать ищейкой, но, как оказалось, на указателе ничего невозможно было прочитать, потому что на нем просто ничего не было. Мне казалось, что кто-то как будто специально мешал мне благополучно добраться до Консуэгры. Тут я еще сильнее нажала на педали, стараясь забыть обо всех этих недоразумениях. Я проехала почти тысячу миль и не позволю никому и ничему помешать мне! Преодолев еще один километр, я поняла, что дела мои, увы, по-прежнему плохи: дорога, по которой я двигалась, была перекрыта, а предупреждающий знак гласил: «Ведутся ремонтные работы». Информация о том, что нужно ехать в объезд, вообще вывела меня из себя.

Я остановилась и пять секунд обдумывала, как же лучше поступить, ведь сегодняшний день последний и на этом мое велопутешествие заканчивается. Но я же проделала такой долгий путь! Что же теперь, все бросить? Осталось сделать еще один, последний рывок! Не останавливаться и не паниковать — дала я себе установку.

Подумаешь, какие-то дорожные работы!

Эх, была не была! Объехав ограждение, я выехала на разрытую дорогу.

В определенном смысле мои желания сбылись: во-первых, дорога была пуста, если не брать в расчет дорожную технику «Джей-си-би», стоящую в песочном карьере. Во-вторых, вид на убранные поля Иберийской Месеты был прекрасен. В-третьих, дорога была относительно ровной: здесь практически не было ни гальки, ни песка, и я спокойно ехала на

велосипеде, хотя песочные горы мне все равно приходилось преодолевать пешком, иначе я просто завязла бы в них. Я радостно помахала рукой дорожным рабочим, а они, увидев меня, вылупили глаза, так как явно не ожидали увидеть кого-либо здесь, а уж тем более девушку на велосипеде. И вот наконец высоко на холме, прямо над городом Консуэгра, показались ветряные мельницы. Ура! Я у цели!

Благополучно доехав до города, я остановилась в гостинице, которая не отличалась высококласным обслуживанием. Теперь я начала понимать, почему туристы не едут в Ла-Манчу.

Да, это место не очень подходило для того, чтобы отметить завершение моей велоэпопеи. И мне ничего не оставалось, как напиться в одиночку, сидя в номере, или в крайнем случае позвонить маме.

Конечно, все эти варианты меня не устраивали. Поэтому я решила посетить замок и посмотреть на знаменитые ветряные мельницы, ради которых, собственно, сюда и приехала. Они неразрывно связаны, пожалуй, с одним из самых эксцентричных персонажей — с Дон Кихотом. Сервантес написал об этом чудаковатом рыцаре — искателе приключений, странствующем по свету, четыреста лет назад. Но до сих пор его образ вдохновляет на написание картин, опер, создание мультипликационных фильмов и даже компьютерных игр. Сражение Дон Кихота с ветряными мельницами Ла-Манчи — самая нелепая ошибка, которую он совершает.

«Посмотри-ка, друг мой, Санчо Панса! Вон там стоят тридцать с лишним безобразных великанов.

Я должен сразиться со всеми ними и уничтожить их! воскликнул Дон Кихот, прищипывая своего уставшего коня Росината. — Вы не уйдете от меня, трусы и подлецы!

И в этот момент подул легкий ветерок, и большие крылья ветряных мельниц задвигались...»

Сервантес создает роман «Дон Кихот» в начале XVII века, в период морального упадка и нестабильности в Испании. XVI век, наоборот, был ознаменован подвигами бесстрашных путешественников, которые принесли этой стране славу и могущество, одарив ее золотом и шоколадом. Но это продолжалось недолго. Вот что по этому поводу пишет историк Марк Уильямс: «В отличие от процветающего среднего класса в других странах, в Испании молодые франты не интересовались торговлей, промышленностью, новыми технологиями и наукой, то есть всем тем, что дало мощный толчок развитию стран Европы. Испанию охватывают упаднические настроения и суеверия».

Но вернемся к Дон Кихоту и его последователям. Дон Кихот — это бедный дворянин, который отправляется в путешествие во славу рыцарства.

Он прекрасно знает, что такое бесстрашие, честь, гордость и великодушие, но этот идеальный мир существует лишь в его голове. Дон Кихот слабо представляет себе реальную жизнь. Санчо Панса, его закадычный друг, полная противоположность Дон Кихота. У него нет благородных идеалов, он необразован настолько, что даже не умеет читать. Зато циничен и хитроумен и способен выжить в этом мире.

Безусловно, «Дон Кихот» — это сатира на рыцарские романы, которые в те времена были модными. Но заслуга автора не в этом, а в том, что Сервантес отважился показать общество того времени, жаждущее самообмана. «Это блестящая притча о нации крестовых походов, которая в итоге стала бороться с ветряными мельницами, как и Дон Кихот, этот обаятельный, печальный странствующий рыцарь», — отмечает Уильямс. Наивный Дон Кихот и грубый Санчо Панса — это и есть сама Испания.

Вспомнив о героях Сервантеса, я решила посмотреть на знаменитые ветряные мельницы, символизирующие славу и богатство Испании, ее иллюзии и ее болезненное возвращение в реальность, где жила гордая аристократия и царил разврат.

Над городом Консуэгра возвышаются семь ветряных мельниц. Они выстроились в ряд так, что издали напоминают волнистые вершины холмов. Эти мельницы уже давно стоят

без дела, но тем не менее хорошо отремонтированы и привлекают своим внешним видом путешественников.

Я оказалась здесь как раз в тот момент, когда группа туристов из Японии оплачивала посещение одной из мельниц. Оказавшись внутри, мы осмотрелись и с разочарованием уставились друг на друга: там ничего не было, словно в пустой ракушке. От этого вдруг стало ужасно обидно: за что же мы заплатили? За воздух?

Глава 25

И напоследок чашечка черного кофе

Наступил еще один официальный праздничный день. Автобусы ходили редко. Первый, который следовал в Толедо, находящийся всего в шестидесяти пяти километрах отсюда, должен был приехать только в двадцать минут второго, и я подумала, что скорее всего мне придется снова сесть на велосипед, несмотря на обещание, которое дала себе: никакого велосипеда, никаких неудобств и никакого раздражения. Дорога, ведущая в Толедо, была крупной автомагистралью, по которой беспрестанно курсировали грузовики, грохоча и отравляя воздух выхлопными газами. Если бы я поехала по этой трассе, то наглоталась бы всякой гадости или, еще хуже, оказалась бы лежащей на обочине, может быть, даже навсегда. У меня, как обычно, болели ноги и попа, и сегодня мне совершенно не хотелось крутить педали.

Официант гостиничного бара, где мне пришлось завтракать среди сигаретных окурков, сказал мне, что автобус придет в десять часов. Интуиция мне подсказывала, что он не прав. Но я так хотела уехать отсюда, что решила на свой страх и риск ему поверить. Собрав вещи, я освободила гостиничный номер, погрузила багаж на велосипед и с надеждой на лучшее отправилась на автовокзал. Наверное, все мы немного донкихоты.

Автовокзал не работал. Нигде не горел свет. Все было заперто. На дверях кафе были опущены решетки, а в самом кафе стулья были опрокинуты на столы. Вокруг не было ни души.

— Следующий автобус будет в двадцать минут второго, — увидев меня, громко сказала женщина из соседнего киоска, торгующая пончиками.

Сейчас было всего десять минут одиннадцатого.

Это означало, что у меня в запасе было целых три часа десять минут, и это время мне надо было как-то убить, а каким образом — я не знала.

Я решила погулять по городу пешком, а не на велосипеде, боясь угодить в какую-нибудь яму на улице или заехать в какой-нибудь глухой переулок. Велосипед я бросать все же не стала, а катила его рядом.

К моему удивлению, кроме серых, безликих улиц, следовавших одна за другой, я ничего здесь не увидела. В городе все было закрыто, так как был День Всех Святых. Хотя и в рабочие дни обстановка в Консуэгре была не лучше. В этом месте было мало магазинов. Единственное, чем здесь торговали, так это метизами да еще мотками разноцветной шерсти. (Да! Интересно, а что бы сказал на этот счет Педро Альмодовар?)

К счастью, мне повезло и я нашла открытый газетный киоск. Теперь я знала, как убить эти несчастные три часа: купить столько газет и журналов, чтобы их хватило на все время пребывания в бункере в случае ядерной войны.

Несколько минут спустя, сидя в кафе с кучей макулатуры, я вдруг поняла, что в Консуэгре (как, собственно, и в других маленьких городах, где я побывала) никто ничем не занимается. Пожилая пара, торговавшая пончиками в киоске, весь день сидела за прилавком и ничего не делала, несмотря на праздничный день. Здешние старики тоже бездельничали, неподвижно сидя на скамейках в скверах и на автобусных остановках. Очень симпатичная и веселая девушка, работавшая в местном кафе, тоже большую часть времени ничего не делала. И как она оказалась в этой дыре? Ведь здесь даже некуда отправиться вечером после работы! Иногда, правда, в это кафе заходил какой-нибудь пожилой мужчина и, выпив

дешевого ликера, заказывал еще или направлялся к автомату в надежде найти там оставленную кем-нибудь мелочь. Наверное, эти маленькие радости позволяли ему забыть хотя бы на пару минут о своем безрадостном существовании. И все эти люди, которых я здесь видела, собирались провести остаток жизни в этом сыром и душном городе. Мне трудно было представить, что здесь, так же как и везде, люди обзаводились семьями, выигрывали в лотерею и в конце концов умирали.

Мне было интересно наблюдать за посетителями кафе, но я решила вернуться на автовокзал. Несмотря на то что до моего автобуса был еще целый час, я боялась опоздать, ведь следующий должен был отправиться не раньше чем в шесть пятнадцать. На вокзале не было никого, кроме двух невероятно неопрятных, невымытых мужчин омерзительного вида, от которых отвратительно пахло алкоголем и потом. Видимо, они не меняли одежду неделю или две. Оба дрыхли на соседних скамейках. Один из них проснулся, когда я ставила свой велосипед к стене.

— Куда ты едешь, крошка? — спросил он.

Я увидела, что глаз, который он приоткрыл, был словно налит кровью.

— В Толедо. А вы?

— Поезжай лучше с нами в деревню. — Он замолчал, громко и отвратительно рыгнул, а потом продолжил: — Я несколько дней был в Кадисе, на вечеринке. Но, *que co#241;o*, где носит эти чертовы автобусы. *Hious de puta*, у всех праздник. *Hostia*, я чувствую себя просто паршиво. — Потом он снова бухнулся на скамейку и заснул, положив голову на рюкзак.

К счастью, в час тридцать пять приехал долгожданный автобус. Но водитель предпочел ехать не по шоссе, а стал медленно объезжать все деревни, по которым я плутала весь вчерашний день: Урду (наверное, этому водителю нравились проселочные дороги), Лос-Ебенес и Оргас... В итоге мы оказались в Толедо только после трех часов дня. Я заранее забронировала себе столик в восхитительном, тенистом внутреннем дворике, где с удовольствием отведала домашнего паштета и молочного поросенка. Это был чудный обед. Хотя какая-то птичка, сидевшая на дереве прямо над моей головой, нагадила мне на ногу, чуть не испортив мое первое блюдо.

Если Мадрид — это современный, стремительно развивающийся и живущий в безумном ритме город, где Альмодовар снимал свои незабываемые фильмы, то Толедо — это прежде всего исторический центр, улицы которого вымощены камнем. От этого города, расположенного всего в семидесяти километрах к югу от Мадрида, у меня осталось мрачное впечатление. Когда-то Толедо был столицей римлян. В VI веке король вестготов по имени Атанагильд сделал его главным городом своего королевства. (Короли вестготов, кстати, носили забавные имена. Например, встречались и такие: Виттерик, Вамба и Эрвиг. А одного короля даже звали Сисебут.) Толедо был также оплотом мусульман в Центральной Испании, а затем почти пятьсот лет оставался столицей христианского мира, пока в 1561 году Филипп II не решил перенести ее в Мадрид. Город Толедо находится на высоком холме, окруженном с трех сторон естественным рвом, который образует извилистая река Тахо. Над ней возвышается оборонительная башня, созданная руками человека. Это часть огромных квадратных укреплений Алькасар с орудийными башнями, которые сохраняют свой первоначальный вид и в наши дни.

Толедо с его христианским, мусульманским и еврейским наследием надежно хранит в себе все прошлое Испании, а Мадрид с его небоскребами и безумным ритмом обращен в будущее. Говорят, что в Толедо христиане, евреи и мавры жили в относительной гармонии, после того как христиане завоевали этот город в 1085 году. До изгнания евреев из Толедо — кстати, этот город не единственный в Испании, откуда они были выдворены католическими монархами начиная с 1492 года, — насчитывалось одиннадцать синагог. Одна из них, Санта-Мария-ла-Бланка, отличается арабским убранством: белоснежные арки в форме подковы, штукатурка, нанесенная по спирали, и звезда Давида. Позднее эта синагога была перестроена в христианскую церковь. В Толедо также сохранилось несколько мечетей, как

подтверждение того, что здесь некогда жили мавры. Но многие из них впоследствии были также перестроены в христианские храмы.

По легенде, мавры появились в Толедо по воле короля вестготов Родерика. С этого момента в течение восьмиста лет Испания находилась в руках мусульман. Родерик был безумно влюблен в девушку, принадлежавшую королевскому двору, по имени Флоринда. Однажды он, спрятавшись в зарослях кустарника, наблюдал оттуда за тем, как она купается в реке. Родерик был не в состоянии больше сдерживать свои чувства. Он вышел из укрытия и вероломно соблазнил девушку. Отец Флоринды, граф Хулиан, был правителем Сеута, небольшого полуанклава на севере Африки. Узнав о таком низком поступке короля, граф Хулиан, объединившись с маврами, решил вторгнуться в Испанию. К тому времени положение вестготов было ослаблено внутренними междоусобицами, поэтому мавры без труда проникли на территорию страны. Практически сразу они прибыли в Толедо, захватили город, убив при этом сластолюбца.

Но отвлечемся на время от Сисебута и Эрвига, от синагог и крепостей. Дело в том, что мне срочно нужно было купить новые вещи, потому что двое моих друзей, которые должны были встретить меня в Толедо, одевались очень стильно. Высокие и худощавые, они всегда были прикинуты с иголки. Выходя из модных лондонских ресторанов, они сразу становились добычей папарацци, которым тотчас же становилось понятно, что Тасим и Питер вовсе не известные персоны, а обыкновенные люди, и их фотографии вряд ли помогут рейтингу продаж журнала «Хелло!». И вот наша встреча в Толедо состоялась. Они, как всегда, были неотразимы.

Я же, в отличие от них, располагала одним-единственным нарядом. Правда, у меня были новые узкие джинсы, но моя толстовка на все случаи жизни была вся испачкана машинным маслом. Если бы меня в таком виде увидели Тасим и Питер, они бы были в шоке. Я уже представляю нашу совместную прогулку по городу: они идут не рядом, а сторонятся меня, стыдясь моего внешнего вида, и уж тем более не хотят разговаривать со мной. После того как я мысленно нарисовала эту жуткую картину, я твердо решила отправиться за покупками в «Зару».

Поход увенчался успехом: я купила все, что мне было нужно, и, выйдя из магазина и держа в руках фирменные пакеты с обновками, я уже не переживала так сильно. Вернувшись в гостиницу, я подошла к горничной с просьбой вернуть мне мою одежду, которую сдавала в стирку, и увидела, что мои друзья уже приехали и ждали меня. Мы отправились на прогулку по историческому центру города. На улицах было очень много туристов, которые приехали сюда на выходные. Мы осматривали соборы, мечети и синагоги, наслаждаясь уникальным сочетанием разных культур и, как было написано в путеводителе, убеждаясь в необыкновенном своеобразии Толедо. Мы также побывали в крепости Алькасар, которая при Франко стала военным музеем, теперь тут хранится коллекция оружия. Здесь же мы послушали запись телефонного разговора полковника Москардо со своим сыном. Эта запись звучит на разных языках.

Москардо был националистом. Во время Гражданской войны он и его люди держали оборону Алькасара. Республиканцы, которым не удалось взорвать крепость, схватили сына полковника. Позвонив Москардо по телефону, они поставили ему условие, что, если через десять минут крепость Алькасар не сдастся, они застрелят его сына. Взволнованный Москардо попросил их позволить ему поговорить с сыном. И в те минуты прозвучали его знаменитые слова: «Сын мой, вручи свою душу Господу и крикни: „Да здравствует Испания!“ — и умри как герой!» (Но историки, которые всегда любят копаться в мелких деталях, полагают, что этот страшный эпизод в истории Испании скорее вымысел, чем правда, ведь к тому моменту связь с Алькасаром была прервана.) Однако националисты, напротив, гордятся этим историческим фактом и любят вспоминать его, поскольку считают, что это поднимает их в глазах других, а особенно в глазах туристов.)

Мы с удовольствием погуляли по улицам города, а потом зашли в магазин сувениров, где, увидев загадочный меч Толедо, историческую реликвию этого города, стали, словно

дети, резвиться, имитируя бой рыцарей, и это продолжалось до тех пор, пока продавец уже не стал, косо поглядывая на нас, умолять прекратить наши игры. Он засомневался, что нам удастся пройти контроль в аэропорту, ведь это же как-никак оружие. После мы стали обсуждать, как, вернувшись домой, можно будет украсить интерьер открытого внутреннего двора, повесив там оружие и доспехи. В этот день мы с друзьями с жадностью уплетали марципаны, приготовленные руками монахинь. А вообще марципаны делают во всех странах Латинской Америки. Потом мы ели тапас, пили пиво, а за обедом пили вино. Затем неторопливо бродили по террасе парадора изумительной красоты, где заказали пару бутылок знаменитого испанского игристого вина «Кава» и насладились его изысканным вкусом, а еще сделали на память фотографии панорамных видов города. А во время завтрака я всех удивила тем, что съела целых пять блюд.

Здесь, в Толедо, находится церковь Иглесия-де-Санто-Томе, куда мы и отправились с друзьями. Увидев там известный шедевр Эль Греко, его картину под названием «Похороны графа Оргаса», мы были очень впечатлены его творением. Эль Греко жил в Толедо, но, расшифровывая его имя, можно легко догадаться, откуда он родом. Да, Эль Греко родился в Греции.

Но в 1577 году он отправился в Толедо, почти сразу после того, как Филипп II сделал Мадрид столицей Испании. Эль Греко надеялся, что сможет найти здесь работу, и создал картину, на которой изобразил новый дворец короля — Эскориал. Однако Эль Греко не очень любили при дворе, так как он был крупным мужчиной и ему совершенно не шли бриджи. Филипп II отклонил предложение Эль Греко стать придворным художником. Но художник остался в Толедо, несмотря на отказ короля. Эль Греко отпустил острую маленькую бородку и занялся продажей собственных картин. Постепенно Толедо стал превращаться в заброшенный, провинциальный городок, в то время как Мадрид набирал силу и в конце концов затмил Толедо. А к началу XVII века от великолепия Толедо не осталось и следа. Теперь здесь задают тон туристы, а вот коренное население Толедо постепенно вырождается. Конечно, жить на окраине города дешевле и комфортнее. Но Мадрид, который находится совсем близко, притягивает своей успешностью: здесь хорошо развита торговля, да и заработная плата гораздо выше.

И вот мы приняли решение отправиться в Мадрид.

— Нет, — сказал водитель автобуса. — Вот это не поместится!

Он уставился на мой велосипед, который был весь испачкан машинным маслом, да еще к тому же покрыт грязью и копотью, скопившимися на нем за шесть недель моего путешествия. Но теперь-то я знала, как решить проблему перевозки велосипеда. Я тут же быстренько обошла автобус и обнаружила целое свободное багажное отделение. Водитель посмотрел на меня с негодованием и возмущением, даже усы встали торчком.

Мы все-таки приехали в Мадрид. Но и там мой велосипед вызывал у водителей лишь раздражение.

— Нет, — сказал первый таксист.

— Ни за что! — ответил другой.

И тогда мы встали прямо на дороге, невозмутимо и нагло улыбаясь. Простояв так минуту или две, мы практически парализовали движение, и тогда один из водителей, крепкого телосложения, не выдержал и вылез из своей машины. Он подошел ко мне и, широко улыбнувшись, пожал мне руку.

— Здравствуйте, — сказал он. — Меня зовут Хосе Мариа. Я увидел, что вы стоите прямо на дороге, загородив путь, да так, что машинам невозможно проехать! Садитесь скорее ко мне в автомобиль, пока какой-нибудь безумный житель Мадрида в порыве гнева не настучал вам по голове, схватив для этого большущую палку колбасы чоризо.

Наконец-то мы уселись в машину и поехали по сумасшедшему Мадриду.

Здесь кипела деловая городская жизнь. В современном суматошном Мадриде вряд ли можно встретить беззубых стариков-бездельников в ермолках, и уж тем более здесь не было

диких животных, встреча с которыми грозила опасностью. В этом городе не нужно было ломать себе голову над тем, как убить время, дожидаясь открытия ресторана. В Мадриде явно не будут спрашивать, спите вы одна или нет, а хозяйева гостиницы не станут удивленно таращить глаза, глядя на визовые штампы в вашем паспорте. Мадрид — это город XXI века, космополитическая столица. Это также деловой город, где никто и ничто не стоит на месте, где нет времени для сентиментальности и романтики. Но наряду с небоскребами тут есть и обычные дома, которые можно увидеть в основном на окраинах города. Короче говоря, Мадрид — это сплошной шум и суматоха. Даже в три часа ночи на улицах Мадрида вовсю кипит жизнь: этот город никогда не спит. Это настоящий рассадник гиперактивности. Если Толедо отличается спокойствием и сдержанностью, сочетая в себе элементы прошлого Испании, то Мадрид символизирует настоящее. Здесь есть такие же таска-бары, как и в Стране Басков, здесь популярно фламенко, характерное для запада страны, а также в этом городе можно попробовать иберийскую ветчину, которая пришла сюда с запада, и выпить бокал «Кава», зародившегося на востоке. В Мадриде можно послушать регги и увидеть корриду, столкнуться с карманниками и женщинами легкого поведения, встретить преуспевающих банкиров и уличных музыкантов, фанатов велоспорта и футбольных болельщиков. А еще здесь предостаточно многоэтажных супермаркетов и шикарных бутиков.

Когда мы с друзьями стали размышлять, где бы нам позавтракать, Питер с уверенностью заявил, что знает отличное местечко. А мы ведь даже и не планировали идти туда, да еще в такой ранний час! Да я уверена, что Питер знает еще немало других таких же замечательных ресторанов. И не только в Мадриде, но и в других городах. Казалось, что он чувствовал себя тут как рыба в воде. Это просто удивительно! Он как будто шел не по чужим улицам, а по своим родным лондонским. Я даже нисколько не сомневаюсь, что, окажись он в Лагосе, или в Санкт-Петербурге, или в Цинциннати, везде он нашел бы классный ресторан, где мы могли бы позавтракать.

И вот мы зашли в одно заведение, где нам пришлось изрядно потолкаться, чтобы подойти к барной стойке. Всюду толпились деловые испанцы, которые громко заказывали себе еду и то и дело подзывали испуганных официантов в белой форме. Чтобы заказать завтрак, мне пришлось орать изо всех сил: настолько шумно и суетно было здесь.

— Будьте любезны! — стала выкрикивать я. — *Un café solo*, черный кофе, *un café con leche*, кофе с лимоном, *un café*... — И тут я задумалась, как будет по-испански кофе-эспрессо с горячим молоком и без кофеина.

— *Qué?* — сердито спросил меня мужчина за стойкой в белой форме. — *Venga, seňorita, de prisa!* Давайте, сеньорита, поживее!

После завтрака мы бродили по уличному рынку «Растро», потом обедали в ресторане «Ла Латина». Да! сумасшедший ритм Мадрида — это что-то! Но тут настало время уезжать.

Тасим и Питер элегантно запрыгнули в такси, а потом сели в самолет. До моего рейса оставалось несколько часов, и я пошла гулять по известнейшему и красивейшему парку Мадрида под названием Ретиро, потом устроилась за столиком и за чашечкой простого черного кофе наблюдала за тем, что происходило вокруг. Публика здесь была очень пестрой: элегантные дамы, туристы в простых сандалиях, целующиеся студенты.

Я подумала о том, что за последние несколько недель я преодолела очень долгий путь длиной в тысячу миль. Теперь я наконец-то сниму с себя велотуфли и точно уже больше не упаду с велосипеда. На память о моем велопутешествии мне останется лишь пара царапин, их потом увидят мои родители и друзья. Немало испытаний мне пришлось преодолеть. Мне вспомнилась жуткая встреча с четвероногими чудовищами, мои неприятные знакомства с наглыми и циничными мужчинами и общение со странными хозяйками гостиниц, которые так и норовили меня в чем-нибудь обвинить. Чего я только не перепробовала за все это время: я съела несколько поросят, форель с огромным количеством картошки, отведала тушеное мясо, попробовала омлеты и колбасы, а еще много-много оливкового масла. Несмотря на все это изобилие, я совсем не потолстела, а как раз наоборот — похудела. В

итоге моя талия уменьшилась на семь сантиметров.

Конечно, езда на велосипеде время от времени доставляла мне неудобства, но наряду с этим были и приятные моменты. Я преодолевала подъемы, что было очень тяжело, несла на себе велосипед, когда дорога шла полем или по пляжу с мелкой галькой, что было невыносимым испытанием для моих ног. При этом я постоянно ела, ела столько, сколько в меня могло влезть, но при этом нисколько не поправилась. Так за воспоминаниями прошел целый час, и пора было уже и подкрепиться.

— *Hay tapas?* — обратилась я к официанту.

Он кивнул в ответ, улыбнулся, дав понять, что принял мой заказ, и медленно направился за порцией тапаса.